

Анализ и прогноз

Журнал ИМЭМО РАН

Analysis and Forecasting

IMEMO Journal

2022'1

Научный сетевой журнал
“Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН / Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
издается с 2019 г., выходит 4 раза в год, языки журнала – русский и английский.
Все выпуски журнала находятся в открытом доступе.

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС 77–76743 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
16 сентября 2019 г.

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
“Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений имени
Е.М. Примакова Российской академии наук” (ИМЭМО РАН).

Главный редактор:

И.Л. Прохоренко

Редакция:

А.А. Алешин, А.В. Короткова (ответственный секретарь), Е.И. Матюхова,
Е.М. Харитоновна (зам. главного редактора)

Журнальная верстка:

ООО «Верди»

Верстка web-страниц:

Е.А. Клюева, А.А. Попонин

Дизайн обложки:

С.В. Сафонов

Контакты редакции:

117997, Российская Федерация, Москва, Профсоюзная ул., д. 23
Тел.: +7 (499) 128-8560; +7 (499) 128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Официальный сайт журнала:

<https://afjournal.ru>

The scientific electronic journal
“Analysis and Forecasting. IMEMO Journal”
is published from 2019, 4 times a year in Russian and English.
All the issues of the journal are available online with open access.

The Registration Certificate of the journal, EL № FC 77–76743 was issued by the Federal Communications, Information Technology and Mass Media Regulatory Authority on 16 September 2019.

Founder and Publisher

Federal State Budgetary Institution of Science
“Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)”

Editor-in-Chief:

Irina Prokhorenko

Editorial Staff:

Alexander Aleshin, Alla Korotkova (Executive Secretary), Elizaveta Matyukhova,
Elena Kharitonova (Deputy Editor-in-Chief)

Layout and Design:

Ltd Verdi

Website Design:

Evgenia Kliueva, Alexey Poponin

Cover design:

Sergey Safonov

Contacts:

Russian Federation, Moscow, 117997, 23, Profsoyuznaya Str.
Tel.: +7(499)128-8560; +7(499)128-1748
e-mail: afjournal@imemo.ru

Website:

<https://afjournal.ru>

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Войтоловский Ф.Г., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Арбатова Н.К., д.полит.н., заведующий отделом европейских политических исследований ИМЭМО РАН

Афонцев С.А., д.э.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, заведующий отделом экономической теории, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Варнавский В.Г., д.э.н., профессор, заведующий сектором проблем структурной политики и конкурентоспособности Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН

Журавлева В.Ю., к.полит.н., руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН

Звягельская И.Д., д.и.н., профессор, заведующий Лабораторией “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН

Жуков С.В., д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Кобринская И.Я., к.и.н., руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН

Ломанов А.В., д.и.н., профессор РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН по научной работе

Мирошниченко И.В., д.полит.н., доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления какультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Прохоренко И.Л., д.полит.н., заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Рябов А.В., к.и.н., доцент, руководитель отдела Группы проблем общественно-политического развития отдела сравнительных политических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН, главный редактор журнала “Мировая экономика и международные отношения”

Семененко И.С., д.полит.н., член-корреспондент РАН, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, заместитель директора по научной работе ИМЭМО РАН

Соловьев Э.Г., к.полит.н., руководитель Центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН

Федоровский А.Н., д.э.н., руководитель Группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН

Фитуни Л.Л., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН

Харитоновна Е.М., к.полит.н., старший научный сотрудник отдела международно-политических проблем ИМЭМО РАН

Цапенко И.П., д.э.н., заведующий сектором социально-экономического развития и миграционных процессов отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО РАН

Шаклеина Т.А., д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем Факультета международных отношений МГИМО МИД России

CHAIRMAN:

Feodor Voitolovsky, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of IMEMO (Russia)

MEMBERS:

Nadezhda Arbatova, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of European Political Studies, IMEMO

Sergey Afontsev, Doct. Sci. (Econ.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of RAS, Head of the Department of Economic Theory, Deputy Director, IMEMO

Vladimir Varnavskiy, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Sector of Structural Policy and Competitiveness, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO

Viktoriya Zhuravleva, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies, IMEMO

Irina Zvyagelskaya, Doct. Sci. (Hist.), Head of the Center of the Middle East Studies, IMEMO

Stanislav Zhukov, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Center of Energy Research, Deputy Director, IMEMO

Irina Kobrinskaya, Cand. Sci. (Hist.), Head of the Center of Situational Analysis, IMEMO

Alexander Lomanov, Doct. Sci. (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Deputy Director, IMEMO

Inna Miroshnichenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Irina Prokhorenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Department of International Political Problems, IMEMO

Andrey Ryabov, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Group of the Study of Problems of Political Development, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, IMEMO, Editor-in-Chief of the Journal "The World Economy and International Relations" of the Russian Academy of Science

Irina Semenenko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies, Deputy Director, IMEMO

Eduard Solovyev, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of post-Soviet Studies, Head of the Sector for Political Theory, IMEMO

Alexander Fedorovskiy, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO

Leonid Fituni, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Head of the Centre of Global and Strategic Studies, Deputy Director of the Institute for African Studies, RAS

Elena Kharitonova, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Department of International Political Problems, IMEMO

Irina Tsapenko, Doct. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Social and Economic Development and Migration Processes Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, IMEMO

Tatiana Shakleina, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Applied International Analysis, School of International Relations, MGIMO

Арбатов А.Г., д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН (Россия)

Барановский В.Г., д.и.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (Россия)

Громыко А.А., д.полит.н., профессор РАН, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

Дынкин А.А., д.э.н., профессор, академик РАН, президент ИМЭМО РАН (Россия)

Иванова Н.И., д.э.н., профессор, академик РАН, руководитель научного направления Отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия)

Королев И.С., д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Михеев В.В., д.э.н., академик РАН, руководитель научного направления Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Россия)

Наумкин В.В., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

Рогов С.М., д.и.н., профессор, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия)

Сюэтун Янь, Ph.D (Polit. Sci.), директор Института международных отношений Университета Цинхуа (Китай)

Alexey Arbatov, Doct. Sci. (Hist.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center of International Security, IMEMO (Russia)

Vladimir Baranovsky, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Situational Analysis, IMEMO (Russia)

Alexey Gromyko, Doct. Sci. (Polit. Sci.), Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Professor of the Russian Academy of Sciences (RAS), Director of the Institute of Europe, RAS (Russia)

Alexander Dynkin, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, President of IMEMO (Russia)

Natalya Ivanova, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Department of Science and Innovation, IMEMO (Russia)

Ivan Korolev, Doct. Sci. (Econ.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Counselor of RAS

Vasily Mikheev, Doct. Sci. (Econ.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Head of Research of the Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (Russia)

Vitaly Naumkin, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of Oriental Studies, RAS (Russia)

Sergey Rogov, Doct. Sci. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Institute of the U.S. and Canadian Studies, RAS (ISCRAN) (Russia)

Yan Xuetong, Ph.D (Polit. Sci.), Dean of the Institute of International Relations, Qinghua University (China)

К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем номер	10
--------------------------	----

ПРОГНОЗНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Russia and the World: 2022 IMEMO Forecast <i>Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Y., et al.</i>	13
---	----

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН <i>Синдяшкина Е.Н.</i>	40
--	----

ТРЕНДЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ

Первый год Джозефа Байдена в Белом доме <i>Богоевская О.В., Бунина А.А., Давыдов А.А. [и др.]</i>	54
---	----

Мониторинг состояния мировой экосистемы инноваций за 2020–2021 гг. <i>Кириченко И.В., Кравцов А.А., Мамедьяров З.А., Шелюбская Н.В., Никитин А.В.</i>	78
---	----

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Политико-правовые особенности борьбы с торговлей людьми в условиях политической поляризации и гибридизации <i>Оськина Е.А.</i>	100
--	-----

TO READERS

Presenting the Issue 10

FORECASTING STUDIES

Russia and the World: 2022 IMEMO Forecast
Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinskaya I.Y., et al. 13

**Healthy Life Expectancy in the Context of the United Nations Decade
of Healthy Ageing**
Sindyashkina E.N. 40

DEVELOPMENT TRENDS AND RISKS

Joe Biden's First Year in the White House
Bogaevskaya O.V., Bunina A.A., Davydov A.A., et al. 54

Global Innovation Ecosystem: Monitoring of State in 2020 – First Half of 2021
Kirichenko I.V., Kravtsov A.A., Mamedyarov Z.A., Shelyubskaya N.V., Nikitin A.V. 78

GLOBAL AND REGIONAL PROBLEMS

**Political and Legal Features of the Fight Against Human Trafficking in the Conditions of
Political Polarization and Hybridization**
Oskina E.A. 100

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Дорогие читатели!

Представляем вашему вниманию первый в 2022 г. и в новом цвете выпуск нашего журнала. В этом выпуске три рубрики – **“Прогнозные исследования”, “Тренды и риски развития”, “Глобальные и региональные проблемы”**. Номер посвящен анализу и прогнозу основных трендов экономического и политического развития мира в 2022 г.; вопросам методологии измерения и прогнозирования ожидаемой продолжительности здоровой жизни, а также основным тенденциям и особенностям формирующегося неравенства в этой сфере; исследованию ключевых тенденций социально-экономической и внутри- и внешнеполитической политической жизни США в 2021 г.; выявлению основных характеристик состояния мировой сферы исследований и разработок в 2020–2021 гг. в страновом, региональном и отраслевом измерениях, а также государственной политики в области науки и инноваций; анализу слабых сторон политико-правового взаимодействия международного сообщества по борьбе с торговлей людьми.

Раздел **“Прогнозные исследования”** открывает сокращенный вариант (на английском языке) версии ежегодного доклада ИМЭМО РАН *‘Russia and the World: 2022 IMEMO Forecast’* (“Россия и мир: 2022”). В докладе представлен анализ и прогноз ключевых тенденций экономического и политического развития мира в 2022 г. Прогноз сфокусирован на проблемах, имеющих принципиальное значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую (2022 г.) и более отдаленную перспективу. Научный коллектив готовил доклад на базе многолетнего опыта прогнозных исследований, проводимых ИМЭМО РАН. В докладе три больших раздела: глобальные тренды, экономика и внешняя политика. Среди глобальных трендов отмечены ускоренная цифровизация и связанные с ней социальные, политические и экономические изменения, выход на первый план климатической/экологической, а с ней и энергетической повестки, усиление геополитической и геоэкономической напряженности – и все это в условиях пандемии COVID-19. В мировой экономике прогнозируется повышение инфляции, ужесточение технологической конкуренции и тренды на цифровой суверенитет, ускорение декарбонизации и запуск процесса дегметанизации мировой экономики, сдвиги в продовольственных системах, а также предложены прогнозные динамики ведущих отраслевых драйверов роста мировой экономики в 2022 г.: производства полупроводников, фармацевтики и биомедицины, редкоземельных, цветных и черных металлов. В плане прогноза политических тенденций в 2022 г. в ведущих государствах Северной Америки, Европы, Тихоокеанской и Южной Азии, на постсоветском пространстве представлены оценки перспектив развития взаимоотношений России с ее ключевыми внешнеполитическими партнерами. Обновление мировой экономики, ключевыми параметрами которого становятся факторы, связанные с энергетическим переходом и ускоренной цифровизацией, ставит перед Россией задачу провести комплексную сбалансированную реструктуризацию национальной экономики и социальной сферы. В новых условиях эта цель приобретает для государства жизненно важный характер.

В исследовании кандидата экономических наук, доцента, старшего научного сотрудника отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований Евгении Николаевны Синдяжиной изучается показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни, широко применяемый в демографических и социальных прогнозах. Пандемия коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в долгосрочные тенденции роста продолжительности жизни, отразилась на перспективах здорового старения. В статье рассматриваются методологические вопросы измерения ожидаемой продолжительности здоровой жизни, межстрановые сопоставления, основные тенденции и особенности формирующегося неравенства в этой сфере. Повышение продолжительности здоровой жизни, активное долголетие, развитие “серебряной экономики” могут стать ответом на

демографические вызовы старения при наличии необходимых ресурсов как на уровне стран, так и на уровне групп населения.

В рубрике **“Тренды и риски развития”** две статьи.

Первая, **“Первый год Джозефа Байдена в Белом доме”**, представляет собой исследование основных событий социально-экономической, внутривнутриполитической жизни США, а также ключевые шаги, предпринятые Соединенными Штатами на международной арене в 2021 г., проведенное научным коллективом Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН под руководством кандидата политических наук Виктории Юрьевны Журавлевой. Авторы пришли к выводу о том, что прошедший год оказался довольно успешным для демократической администрации Дж. Байдена, которому удалось воспользоваться практически максимальным контролем своей партии над федеральной властью, чтобы заложить законодательную основу для реализации одного из приоритетных пунктов предвыборной повестки и начать трансформацию внешнеполитической стратегии глобального лидерства США. Новая модель поддержания и расширения глобального лидерства США, сформулированная и постепенно реализуемая администрацией Дж. Байдена, строится на создании единого идейно-технологического пространства союзников в противостоянии Китаю и другим **“авторитарным”** государствам, бросающим вызов США. Антикитайский вектор определяет основные направления их внешнеполитической стратегии: возврат к традиционным союзническим отношениям, расширение альянсов, прекращение затянувшихся военных кампаний, минимальное стратегическое вовлечение в долгосрочные конфликты, точечное взаимодействие с конкурентами и противниками, контролируемая конфронтация. Статья стала результатом многоаспектных исследований происходящих в США трансформаций в реальном времени на основе системного подхода к анализу внутривнутриполитических, социально-экономических, внешнеполитических и внешнеэкономических процессов в США.

В исследовании **“Мониторинг состояния мировой экосистемы инноваций за 2020–2021 гг.”** коллектива авторов сектора экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН под руководством кандидата экономических наук Заура Аязовича Мамедьярова выявлены основные характеристики состояния мировой сферы исследований и разработок в 2020–2021 гг. в страновом, региональном и отраслевом измерениях, а также государственной политики в области науки и инноваций. Проанализирована динамика масштабов финансирования исследований и разработок в ведущих странах мира, а также *IPO* в мире в целом, по макрорегионам, странам-лидерам и компаниям-лидерам, а также по объемам привлеченных средств и по технологическим направлениям, к которым относилось большинство проводивших *IPO* компаний. Выделены компании, проявившие наибольшую активность в сфере патентования, а также технологические направления, в которых отмечалась самая высокая патентная активность. Сопоставлены научно-технические программы КНР, США, Индии, Японии, ЕС и Великобритании. Авторы пришли к выводу, что пандемия *COVID-19* оказала негативное воздействие на всю мировую экосистему инноваций и потребовала существенной корректировки ориентиров инновационной политики в пользу ИР в сфере здравоохранения и информационно-коммуникационных технологий. Наблюдается существенное увеличение числа и объемов первичных публичных размещений (*IPO*) в биофармацевтическом секторе. Проявились изменения, обусловленные снижением экономической активности во многих странах и отраслях из-за ограничений, связанных с пандемией. В то же время некоторые характеристики состояния глобальной экосистемы инноваций остаются относительно стабильными, что можно объяснить тем, что они сформировались под влиянием факторов, действовавших гораздо более длительное время, чем коронакризис.

Рубрика **“Глобальные и региональные проблемы”** представлена статьей **“Политико-правовые особенности борьбы с торговлей людьми в условиях политической поляризации и гибридизации”** молодой исследовательницы, нашей коллеги из Всероссийской общественно-государственной организации **“Российское военно-историческое общество”** Елизаветы Александровны Оськиной. Цель данной статьи – рассмотреть основные недочеты политико-правовых особенностей борьбы с торговлей людьми в условиях отстаивания странами своих национальных интересов и изменения средств и методов противостояния между государствами. Проблема торговли людьми

с каждым годом все более глобализируется, на сегодняшний день в цепочке страна исхода – страна назначения задействованы практически все государства мира. Однако в области политико-правового осмысления данного явления наблюдается множество недостатков. Самые существенные из них, по мнению автора: слабость Палермского протокола (наиболее универсального и всеобъемлющего нормативного правового акта, касающегося торговли людьми), упрощенное выделение видов этого рода преступлений и искусственная политизация проблемы.

*Прохоренко И.Л.
главный редактор журнала*

RUSSIA AND THE WORLD: 2022 IMEMO FORECAST

© DYNKIN A.A., BARANOVSKY V.G., KOBRINSKAYA, I.Y., MACHAVARIANY G.I.,
ADNO Y.L., AFONTSEV S.A., BOGAEVSKAYA O.V., BOGACHEVA A.S.,
VARTAZAROVA L.S., VODA K.R., VOLODIN A.G., DAVYDOV A.A., DANILIN I.V.,
DESYATSKY E.A., DMITRIEV S.S., ZHUKOV S.V., ZHURAVLEVA V.Y., ZAGASHVILI V.S.,
ZVYAGELSKAYA I.D., IBRAGIMOV I.E., KANAEV E.A., KVASHNIN Y.D., KISLITSYN S.V.,
KOPYTIN I.A., KRAMNIK I.A., KUDINOVA O.N.,
KUPRIYANOV A.V., LAZOVSKII S.O., LEONTYEVA E.L., LOMANOV A.V.,
LUKASHIN Y.P., LUKONIN S.A., MALASHENKO A.V., MALYSHEVA D.B.,
MAMEDYAROV Z.A., MEDZHIDOVA D.D., MIGRANYAN A.A., MIRKIN Y.M., NEVSKAYA
A.A., NIKITINA E.N., PODKOLZINA I.A., POPOV V.V., PRITCHIN S.A.,
SAMARSKAYA L.M., SVISTUNOVA I.A., SOLOVYEV E.G., SURKOV N.Y.,
TYUKAEVA T.I., UTKIN S.V., FEDOROVSKY A.N., FRUMKIN B.E.,
KHUDYAKOVA L.S., SHVYDKO V.G., SHIROKOV S.S., 2022

Alexander A. DYNKIN, Academician, Dr. Sci. (Econ.), President of IMEMO (dynkin@imemo.ru),
ORCID: 0000-0002-4183-914X

Vladimir G. BARANOVSKY, Academician, Dr. Sci. (Hist.), Head of Research, Center of Situational
Analysis (baranovsky@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7283-0244

Irina Y. KOBRINSKAYA, Cand. Sci. (Hist.), Head of Center, Center of Situational Analysis
(psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681

Givi I. MACHAVARIANI, Head of Section, World Economy and Policy Forecasting Section, Center
of Forecasting Studies (g.machavariani@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4948-2624

Yuri L. ADNO, Cand. Sci. (Technol.), Leading Researcher, Group of Commodity Markets
and Business Services Analysis, Center of Industrial and Investment Studies, IMEMO
(adno@imemo.ru)

Sergey A. AFONTSEV, Corresponding member, Dr. Sci. (Econ.), RAS professor, Deputy
Director for Scientific Work, Head of the Department, Department of Economic Theory
(afontsev@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0887-4768

Oksana V. BOGAYEVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, US Economic Research Group,
Center of North American Studies (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475

Anastasia S. BOGACHEVA, Junior Researcher, Regional Relations Study Group, Center of the
Middle East Studies (anastasia.s.bogacheva@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0556-6719

Lyudmila S. VARTAZAROVA, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Group of Analysis of the Current
Economic Problems, Center of Situational Analysis (vls38@mail.ru)

Kristina R. VODA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Group of Economics and Politics of
Japan, Center of Asia Pacific Studies (vodakris@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2775-0875

Andrey G. VOLODIN, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Group of Regional Political
Problems of the East and South, Center of Development and Modernization Studies
(andrevolodine@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0627-4307

Alexey A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Researcher, Section of US Foreign and Domestic
Policy, Center of North American Studies (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746

Ivan V. DANILIN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department, Department of Science and
Innovation, Head of Section, Section of Innovation Policy (danilin.iv@imemo.ru), ORCID: 0000-
0002-4251-1998

Ekaterina A. DESYATSKY, Junior Researcher, Section of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404

Sergei S. DMITRIEV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, US Economic Research Group, Center of North American Studies (america@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219

Stanislav V. ZHUKOV, Dr. Sci. (Econ.), Deputy Director for Scientific Work, Chief Research Fellow, Center of Energy Research (zhukov@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2021-2716

Victoria Y. ZHURAVLEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of Center, Center of North American Studies (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X

Vladislav S. ZAGASHVILI, Dr. Sci. (Econ.), Head of Section, Section of the Foreign Economic Policy, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy (zagashvili@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2037-5729

Irina D. ZVYAGELSKAYA, Dr. Sci. (Hist.), Head of Center, Center of the Middle East Studies (zvyagel@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-5937-9997

Ibragim E. IBRAGIMOV, Junior Researcher, Regional Relations Study Group, Center of the Middle East Studies (ibragimov.ie@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9669-4243

Evgeny A. KANAEV, Dr. Sci. (Hist.), Lead Researcher, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies (ekanaev@hse.ru), ORCID: 0000-0002-7988-4210

Yury D. KVASHNIN, Cand. Sci. (Hist.), Head of Center, Center of European Studies (kvashnin@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2042-7215

Sergey V. KISLITSYN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of Center, Center of Strategic Planning Studies (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964

Ivan A. KOPYTIN, Cand. Sci. (Econ.), Head of Center, Center of Energy Research (kopytin@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7824-2670

Ilya A. KRAMNIK, Junior Researcher, United States and Canada Ocean Policy Research Group, Center of North American Studies (ikramnik@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1716-6261

Olga N. KUDINOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Group of Commodity Markets and Business Services Analysis, Center of Industrial and Investment Studies (kudinova@imemo.ru)

Aleksei V. KUPRIYANOV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Group, Group of South Asia and Indian Ocean, Center of Asia Pacific Studies (a.kupriyanov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-9041-6514

Stanislav O. LAZOVSKII, Junior Research Fellow, Group of Common Problems in the Region, Center of the Middle East Studies (stas-jesin@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-1249-3634

Elena L. LEONTYEVA, Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher, Group of Economics and Politics of Japan, Center of Asia Pacific Studies (e_leont@voxnet.ru)

Alexander V. LOMANOV, Dr. Sci. (Hist.), RAS Professor, Deputy Director for Scientific Work, Head of Center, Center for Asia Pacific Studies (Lomanov@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2676-4271

Jury P. LUKASHIN, Dr. Sci. (Econ.), Lead Researcher, World Economy and Policy Forecasting Section, Center of Forecasting Studies (loukaschin@imemo.ru)

Sergey A. LUKONIN, Cand.Sc. (Econ.), Head of Section, Section of Economy and Politics of China, Center of Asia Pacific Studies, IMEMO (sergeylukonin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-8120-0420

Alexey V. MALASHENKO, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Group of Strategic Assessment, Center of Situational Analysis (AMalashenko@doc-research.org), ORCID: 0000-0001-8862-304X

Dina B. MALYSHEVA, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Head of Section, Section of Central Asia, Center of Post-Soviet Studies (dsheva@mail.ru), ORCID: 0000-0002-8625-6132

Zaur A. MAMEDYAROV, Cand. Sci. (Econ.), Head of Section, Section of Science and Innovation, Department of Science and Innovation (mamedyarov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4336-1020

Djanetta D. MEDZHIDOVA, Junior Researcher, World Economy and Policy Forecasting Section, Center of Forecasting Studies (medzhidova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1063-3162

Azganush A. MIHRANYAN, Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Section of the Caucasus, Center of Post-Soviet Studies (n.mihryan@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-6014-5955

Yakov M. MIRKIN, Dr. Sci. (Econ.), Head of Department, Department of International Capital Markets (yakov.mirkin@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2507-9811

Anastasia A. NEVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Section, Section of the EU Studies, Center of European Studies (nevskeya@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3939-8760

Elena N. NIKITINA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Section, Section of the Global Economic Problems, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy (elenanikitina@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8431-7990

Inna A. PODKOLZINA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Section of the EU Studies, Center of European Studies (inna.a.podkolzina@gmail.com), ORCID: 0000-0002-9243-7992

Vladimir V. POPOV, Cand. Sci. (Military), Senior Researcher, Section of Corporate Governance and Investment Problems Center of Industrial and Investment Studies (vlvaspopov@rambler.ru), ORCID: 0000-0001-5299-958X

Stanislav A. PRITCHIN, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Section of Central Asia, Center of Post-Soviet Studies (Pritch.in.stanislav@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-9464-9836

Lyudmila M. SAMARSKAYA, Junior Researcher, Regional Relations Study Group, Center of the Middle East Studies (saluma@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-4596-4404

Irina A. SVISTUNOVA, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Regional Relations Study Group, Center of the Middle East Studies (isvistunova@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-5191-9090

Eduard G. SOLOVYEV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of Center, Center of Post-Soviet Studies, Head of Section, Section of Political Theory (solovyev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4433-3291

Nikolay Y. SURKOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Group of Common Problems in the Region Center of the Middle East Studies (nsurkov@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7185-7990

Tatiana I. TYUKAEVA, Cand. Sci. (Politics), Researcher, Group of Common Problems in the Region, Center of the Middle East Studies (tatyana-tyukaeva@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-0758-4187

Sergey V. UTKIN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of Group, Group of Strategic Assessment, Leading Researcher, Center of Situational Analysis (sv.utkin@gmail.com), ORCID: 0000-0003-3275-7297

Alexander N. FEDOROVSKIY, Dr. Sci. (Econ.), Head of Group, Group of the Asia-Pacific Region Problems, Center of Asia Pacific Studies (a.fedorovsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3892-8432

Boris E. FRUMKIN, Cand. Sci. (Econ.), Head of Group, Group of Analysis of the Current Economic Problems, Leading Researcher, Center of Situational Analysis (boris.frumkin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-1821-0140

Ludmila S. KHUDYAKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Department, Department of Global Economic Problems and Foreign Economic Policy (l.khudyakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-6680-6734

Vitaly G. SHVYDKO, Cand. Sci. (Econ.), Head of Group, Group of Economics and Politics of Japan, Center of Asia Pacific Studies (v.shvydko@mail.ru), ORCID: 0000-0002-7784-1655

Sergey S. SHIROKOV, Researcher, World Economy and Policy Forecasting Sector, Center of Forecasting Studies, IMEMO (shirokov@imemo.ru).

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences (RAS).

Corresponding author: Irina Y. KOBRINSKAYA (psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Contribution of the authors:

Dynkin A.A., Baranovsky V.G. – scientific management, research concept.

Kobrinakaya I.Y. – scientific management, research concept, methodology development, author of the 'Politics' section, conclusions.

Machavariani G.I. – scientific management, research concept, author of the 'Economy' section, conclusions.

Adno Y.L., Afontsev S.A., Bogayevskaya O.V., Dmitriev S.S., Zagashvili V.S., Kudinova O.N., Leontyeva E.L., Lukashin J.P., Lukonin S.A., Medzhidova D.D., Mhranyan A.A., Nevskaya A.A., Nikitina E.N., Podkolzina I.A., Popov V.V., Frumkin B.E., Khudyakova L.S., Shirokov S.S. – authors of the 'Economy' section.

Bogacheva A.S., Voda K.R., Volodin A.G., Davydov A.A., Desyatsky E.A., Zhuravleva V.Y., Zvyagelskaya I.D., Ibragimov I.E., Kanaev E.A., Kvashnin Y.D., Kislitsyn S.V., Kramnik I.A., Kupriyanov A.V., Lazovskii S.O., Lomanov A.V., Malashenko A.V., Malysheva D.B., Pritchkin S.A., Samarskaya L.M., Svistunova I.A., Surkov N.Y., Tyukaeva T.I., Fedorovskiy A.N. – authors of the 'Countries and regions' section.

Vartazarova L.S. – author of the 'Politics' section.

Danilin I.V., Mamedyarov Z.A. – authors of the 'Technology' section.

Zhukov S.V., Kopytin I.A. – authors of the 'Energy' section.

Mirkin Y.M. – author of the 'Finance' section.

Solovyev E.G., Utkin S.V. – authors of the 'Countries and regions' and 'Politics' sections.

Shvydko V.G. – author of the 'Economy' and 'Countries and regions' sections.

Dynkin A.A., Baranovsky V.G., Kobrinakaya I.Y., et al. Russia and the World: 2022 IMEMO Forecast. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 2022, no. 1, pp. 13-39. DOI: 10.20542/afij-2022-1-13-39

DOI: 10.20542/afij-2022-1-13-39

Received 23.01.2022.

Revised 18.02.2022.

Accepted 05.04.2022.

Abridged English-language version of the annual IMEMO forecast 'Russia and the World: 2022' is dedicated to the analysis and the forecast of key trends in the world economy and international relations in 2022. The primary focus is on the issues that are of fundamental importance for ensuring stable economic and political development of Russia in the near (2022) and more distant future. In the preparation of the paper, the long-term experience of predictive research carried out by IMEMO RAS was used. The paper consists of three parts: global trends, economics, and foreign policy. Among the global trends

accelerated digitalization and all related social, political, and economic changes; focus on technological competition; climate/environmental and energy agendas are coming to the fore; increasing geopolitical and geo-economic tensions and the raging global pandemic of *COVID-19* are highlighted. In the world economy, the authors of the paper expect an increase in inflation, acceleration of digitalization amid intensifying technology competition and the pursuit of digital sovereignty, acceleration of decarbonization, launch of demethanization process, and shifts in food systems. The paper further assesses the prospects of the leading industry drivers of world economic growth in 2022: production of semiconductors; pharmaceuticals and biomedicine; rare earth, non-ferrous, and ferrous metals. In the next section of the paper, political and social trends are analyzed in the countries of North America, Europe, Pacific and South Asia, Post-Soviet space. The final section of the paper gives the forecast of the relations of the Russian Federation with its key foreign partners. Against the backdrop of the renewal of the global economy, which includes energy transition and accelerated digitalization, it is becoming vitally important for Russia to conduct a comprehensive balanced restructuring of the national economy and social sphere.

Translation: Artamonova U.Z., Samarskaya L.M., Sokolova P.S., Urumov T.R., translation editors Mamedyarov Z.A., Moiseeva D.E.

Keywords: Russia, world economy, foreign policy, forecast, 'new normal'.

The paper presents an abridged version of the 20th anniversary annual IMEMO forecast 'Russia and the World: 2022'¹. It has become a good tradition to publish an English-language version of the forecast in a peer-reviewed journal, giving an insight into the thinking of a part of the Russian academic and policy community and encouraging academic debate on the critical issues for the international economy, foreign policy, and security [2; 3; 4].

The paper is based on the long-term experience of predictive research carried out by IMEMO RAS. It analyses the main external challenges for Russia and the potential responses to them. Special attention was given to the global trend towards the intensification of geopolitical and geo-economic tensions urgently requiring strenuous efforts aimed at neutralizing it. The developments at the end of 2021, which took place after the publication of the Russian-language version of the forecast, confirmed this conclusion. The tightening of the Russian position on international security issues, as well as the proposals put forward by Russia to streamline and stabilize the military-political sphere in the Euro-Atlantic area under the modality of demands on the United States and NATO initially caused a wave of fears and almost apocalyptic forecasts. However, in a matter of days the prospect of agreements with the West to start discussing these issues at the very beginning of 2022, most likely under the auspices of the OSCE or in another format, was outlined.

It can be assumed that such an algorithm of 'forcing negotiations and dialogue' initiated by Moscow in order to induce all counterparties to take its interests into account, will become one of the central topics in relations between Russia and the world in 2022.

GLOBAL TRENDS 2022

Key drivers. The events of 2021 confirmed the conclusions of the IMEMO annual forecast 'Russia and the World: 2021', as well as the mid-term forecast 'Russia and the World: 2024' regarding the global economic and political development trends and scenarios. In the context of the raging global *COVID-19* pandemic, accelerated digitalization and all related social, political, and economic changes; focus on technological competition; the imperatives of the climate/environmental and energy agendas and increasing geopolitical and geo-economic tensions have brought the whole world and Russia to 2022 in a different state, which is likely to become the 'new normal'. These words turned out to be a self-fulfilling prophecy.

¹ The full text in Russian: *Россия и мир: 2022. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз*. М.: ИМЭМО РАН, 2021. 136 с. [*Russia and the World: 2022. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy*. Moscow, IMEMO, 2021. 136 p. (In Russ.)]. DOI:10.20542/978-5-9535-0600-7

The main feature of 2022 and probably on the horizon of at least 3-5 years will be an unprecedented pressure from exogenous factors, which are both direct and applied through key stakeholders (state, public, and corporate), on redesigning the hierarchy and the essence of traditional factors that determine the global economics, politics, and security. This process has already begun, which is especially noticeable in energy and technology.

The essence of world politics in 2022 will be an ongoing adaptation of national states and their associations to the new conditions. At the current stage, the process will be based on the desire not so much to resist the negative consequences of the impact of exogenous factors per se, but to minimize the costs and damage for the development caused by adaptation to them. Active participation in global decision-making is needed for doing so. The system of institutions created after World War II, primarily the UN, can no longer cope with international governance, as was once again demonstrated by the UN Climate Change Conference 2021 (COP26).

In other words, the `new normal` of 2022 is a state caused by a deficit of effective governance, at both national and international levels in crisis and post-crisis periods, as well as an acute deficit of trust within states, between society and government, and between states, even between allies and partners, against the background of ongoing *COVID-19* pandemic. It has become commonplace to compare the current stage with the Hobbesian world of chaos. This picture is reinforced by the struggle between the `Leviathans`, namely the United States and China.

Along with the features of the `old normal`, the `new normal` is likely to lead to redesigning of power configurations, both ad hoc and conventional, and will bring about some changes in the global and regional balances.

The exogenous drivers, the influence of which on world politics, economy, social life, and security will increase in 2022, include, first of all, epidemiological situation and climate. The former, caused by *COVID-19*, is associated with uncertainty concerning pandemic duration, virus mutation, human immune response, and, finally, the emergence of new strains which cannot be adequately predicted. At the same time, the pandemic has already given impetus to world-system changes: in way of life, socio-psychological state of the global society, economy, trade, technology, the structure of economy and finance, international relations, and security. Most of these shifts will be further developed in 2022 and beyond, regardless of the level of the epidemiological threat, which served as a powerful trigger for them in 2020-2021.

The factor of global climate change and environmental degradation, which has been discussed for a long time, has become sharply actualized in 2021, partly due to stress against the background of the pandemic, as well as due to high instability in the energy sector. Abnormal weather conditions demonstrated the unreliability, or at least the weaknesses of renewable energy technologies (wind, solar), which is considered one of the reasons for the energy crisis of 2021. As of early 2022, the volatility of the global energy market is highly likely to affect decision-making process in relation to energy transition, primarily in terms of time.

Along with that, the so-called `climatization` of agenda of world politics and economy by 2022 has finally taken shape as a powerful tool of geopolitical, trade, economic, and technological competition.

The impact of exogenous drivers directly or indirectly affected the entire complex of political and economic world-system traditional features.

Political and social trends. The pandemic has caused a sharp increase in social imbalances within nation-states: not only in the developing and poor countries, but also in the rich leading powers. The jump in unemployment and the beginning of the restructuring of the labor market as well as the degradation and depreciation of the positions of the middle class caused tension, which has fallen on the fertile ground of social contradictions and protest activity of the recent years. The actions of governments, which can hardly keep the balance between compliance with epidemiological requirements and the need to maintain economic activity to prevent the collapse of businesses, especially small and medium-sized, cause discontent and protests among the population. The situation was aggravated around the world by the emergence of not yet a movement, but a large

number of COVID dissidents, whose protests have further destabilized the internal political situation in many countries.

Public distrust of the authorities, significantly aggravated by the pandemic situation, which was admittedly not its only cause, forces the elites to make urgent fiscal decisions that could have negative consequences for the national economies. However, in addition to fiscal measures, the authorities are looking for external lightning rods. The trend towards the domination of the internal agenda over the external one, which has also been noted by experts in various countries and regions for a number of years, will intensify in 2022. This will complicate foreign policy processes, affect the world agenda, and likely weaken strategic stability. The migration crisis in Belarus became an extreme manifestation of these tendencies. However, these trends can be equally easily traced in the politics of China, Israel, Tajikistan, or quite prosperous Czech Republic and Poland.

In the same paradigm of rebalancing domestic and foreign policies with the stress of the pandemic as a backdrop, nationalism will continue to grow throughout the world. Its manifestations are multifaceted and have long-term consequences. A stake on sovereignty, both in politics and economics, primarily in technology, or techno-nationalism, is becoming its basic form along with growing distrust in world politics, even between allies, and the aggravation of geo-economic and geopolitical competition. The Trump administration first set the tone for this trend. However, such trend is clearly defined not only in Russia, China, or Turkey, but also in European countries that belong to exemplary integration associations. All of this reinforces the growing influence of regional and small players, often to the detriment of regional stability. In all likelihood, the zones of smoldering or `semi-frozen` conflicts in the East of Ukraine and in Nagorno-Karabakh, where tensions increased at the end of 2021, will remain major risks to regional or even global security in 2022.

Within individual states, nationalist sentiments, sometimes taking extremist forms and fueled by the stress of the pandemic, will remain present in 2022 but there is no ground for their significant increase. In Europe, where the growth of nationalism in the last 5-10 years was a natural reaction to the integration process and the desire of Brussels to level everyone and everything, and was caused by migration waves, the protest, as 2021 has shown, is channeled into the fight against social inequality. At the same time, however, an understanding of the positive effect of a consolidated EU response to the pandemic crisis is emerging, especially among young people. Generally, it relieves the widespread fears for the integrity of the European Union in the foreseeable future. It should be noted that the offensive policy of Russia, as well as the unstable situation in the Eastern European states of the CIS, primarily in Belarus and Ukraine, influences the EU in the same consolidating way.

Meanwhile, experts predict the rise of a specific Asian nationalism, which is explained by a number of reasons. First of all, it is a reaction to the rise of nationalism in China, causing the nations to strengthen their sovereignties out of fears of the PRC domination. Then, it is a manifestation of national pride in development success, especially against the backdrop of a `sluggish` Europe. This is also a specific stage in Asian states' development. While in the first half of the 20th century they copied Western practices (European, American, or Soviet), striving to enter the world community built according to Western rules (secularism, linear borders, management system), now, against the background of the obvious crisis of the Western community and the simultaneous rapid development of the countries of the South, Southeast, and East Asia, Asian states are beginning to look for a civilizational foundation that would justify their rise as natural and predetermined. A new specific form of Asian nationalism is taking shape. It is not similar to the European one, for it provides for economic expansion, on the one hand, and the creation and division of spheres of political and military influence, on the other.

In other words, in the 2020s the shapes of a civilizational rift in the world order (if not a `clash of civilizations`), are becoming more visible.

The reliance on technological sovereignty, the localization of industries and production chains, which have intensified under the influence of the pandemic, in 2022 and onward will contribute to the trend towards regionalization of globalization and a change in the global balance, in which the huge Asian area is gaining momentum.

The ongoing confrontation between the United States and China operates in the same direction. In 2022, it is difficult to expect any softening of Washington's position, especially taking into account the coming midterm elections in the United States. The position of Beijing, where the preparations for the 20th Congress of the CPC in 2022 are underway, is also becoming increasingly tough. Being close to a bipolar confrontation, the global rivalry between the US and China in 2022 and in the foreseeable future will apparently remain the key world-system axis determining the dynamics of development of the global economy, politics, and security.

Despite possible retreats caused by pragmatic reasons like the agreement between Beijing and Washington on 'uncorking' strategic oil reserves amid the autumn energy crisis, the confrontation will not only intensify and expand progressively into the military sphere, but also institutionalize. This is evidenced by the US-initiated Trilateral Agreement on the exchange of nuclear submarine technology and strengthening the security partnership in the Indo-Pacific region (AUKUS), signed in 2021 with Australia and the United Kingdom in addition to the Quadrilateral Security Dialogue (Quad: USA, Japan, India, and Australia) and the Five Eyes Intelligence Alliance (Australia, Canada, New Zealand, United Kingdom, and the USA).

Further erosion of traditional Western military-political structures, primarily NATO, is the flip side of the military-political strengthening and the creation of an allied 'network' / 'platform' in the Indo-Pacific region aimed at containing the PRC. The multi-billion dollar deal to build a new generation of submarines for Australia by France, unceremoniously canceled due to the creation of AUKUS, caused an extremely negative reaction not only from Paris, but also from Brussels. Washington's policy under J. Biden to restore transatlantic allied ties, largely motivated by the need to build a broad Western alliance to contain China, started to be criticized in the European Union. Discussions about the 'strategic autonomy' of the EU resumed, albeit at a low profile. Significant changes in transatlantic relations can hardly be expected in 2022. The trust that was undermined under D. Trump will probably continue to weaken, despite the perceived threats from China and Russia cementing the Western alliance.

Destabilization in conflict-prone regions, primarily in the Middle East, may become one of the negative consequences of the degradation of Western military-political unity and the refocusing of the United States on the Indo-Pacific region. In 2021, Afghanistan has already become the outcome of this course.

In 2022, the significance of the Afghan factor in global politics will be determined by the developments within Afghanistan itself. In one favorable scenario, which implies normalization of the situation in the country; strengthening of the power of moderate pragmatists, the importance of the Afghan factor will decrease. Another scenario, the probability of which as of early 2022 is quite high, implies continuation and possible escalation of civil war in the near future, which can lead to the excesses of terrorism and tensions along the perimeter of the Afghan borders. The less likely scenario involves the return of the extremist part of the Taliban to power, albeit this is possible only in the course of a deadly war, which may de facto lead to a collapse of the country. The actions of fanatical extremists, especially in the beginning, can create a real threat to some countries of Central Asia. Military intervention from the outside is almost impossible; given the Soviet and American experience, no one would risk it.

For Russia, the extreme tension and fears in the region that have arisen in connection with the Taliban coming to power in Afghanistan create extra opportunities both for strengthening its positions in Central Asia and for dialogue with the West in case of unfavorable scenarios at least in 2022. However, the risks remain high.

Under any scenario, the situation in Afghanistan not only has a regional character, but also brings the issue of Islam as a global trend that in many ways determines the development or the world order to the forefront of the global agenda, even though in a latent form. In addition to ideological rivalry with various branches of Christianity and other world religions, in the foreseeable future, the confrontation of Islamic branches will increasingly influence the situation in the area of the Greater Middle East and Asia and deepen the global civilizational rift.

World economy. Economic trends. Rising inflation. Since summer 2021, the world economy has been developing against the backdrop of heightened and growing inflation. Its main reasons were the monetary policy of authorities in response to the exogenous shock of the pandemic, the disorganization of global and domestic production and supply chains, and the incipient energy transition and cartelization in the global oil market. In response to the shock of COVID-19, authorities have been pumping cash liquidity into economies, supporting the unemployed, low-income households, as well as small and medium-sized businesses. Demand support is carried out against the background of falling or anemically growing supply. Restrictions on labor migration created a labor shortage in trucking, port, and warehouse facilities. It will take several years for domestic, regional, and global transport to be back on track and for the labor market to adjust.

The energy transition has become a structural factor of inflation, as the rise in electricity prices is one of the sources of its financing. The rising carbon price is putting additional upward pressure on primary energy prices. The rise in oil prices is supported by the cartelization of the global oil market, as well as significant cuts in exploration and production investments by the world's major private oil companies in response to the risks of the green transition. Rising energy prices are also driving higher prices for food and agricultural stock.

In many developing countries, the devaluation of national currencies makes a significant contribution to inflation.

It is highly probable that even under the most favorable scenario, the global economy in 2022 and the following years will grow against the background of increased inflation. At the same time, the Fed's ability to extinguish the inflationary wave through an increase in the interest rate is limited. In the most probable scenarios, the rate will remain at the level of about 2% for the following years. A higher rate can undermine the stock and the bond markets. New massive injections of liquidity into the US economy as part of President Biden's infrastructure plan will push the inflationary wave further.

Accelerating digitalization amid increasing technology competition and the pursuit of digital sovereignty. The digital race has exacerbated economic and geopolitical competition. The exogenous shock of the global coronavirus pandemic has reinforced these trends. Both governments and private companies regard digitalization as the most important factor in economic growth. Governments and corporations will continue to accelerate R&D and investment in artificial intelligence, supercomputers and quantum computers, microelectronics (primarily semiconductors), the Internet of Things, and Big Data.

Since the beginning of the 2010s, the growing contradictions between the United States and China in the science, technology, and innovation (STI) have developed into the 'technological war'. In spring 2021, China adopted the Vision 2035 program, which aims to create fully independent national supply chains for critical products and technologies that are resilient to external shocks. We should expect the US to strengthen its policy to restrict PRC's access to advanced technologies and to squeeze Chinese competitors out from the markets. In 2022, the United States will continue to sanction Chinese telecommunications and consumer electronics companies to reduce their ability to scale promising digital solutions.

The 'technological war' in STI has become the norm and acquired a global dimension, including a geopolitical one. It has a noticeable impact not only on US-China relations, but also on the transatlantic dialogue and the interaction between the West and Asia. The intensifying technological competition will nudge the digitalization process in the USA, China, Europe, South Korea, and India with an eye to achieving digital and technological sovereignty.

Striving to strengthen the global zones of digital influence, the US will likely promote new initiatives to expand technological interaction with the EU, Japan, Australia, India, and South Korea. Attempts to create zones free from Chinese telecommunications and, in part, software and Internet solutions will be made. In its turn, PRC will continue to promote the Digital Silk Road initiative and related measures to globalize Chinese digital standards. The EU will also act in the logic of 'European digital sovereignty', trying to achieve a 'special status' for EU markets and build a soft protectionist regime for certain sectors of the data market.

Accelerating decarbonization. Despite the half-hearted results of the COP26 in Glasgow in November 2021, the trend towards decarbonization of world economic growth has been additionally accelerated. In 2021, 21% of global greenhouse gas emissions were subject to tax or other forms of carbon payments. Carbon tax or other emission trading systems for carbon operate in 45 countries. The world's largest national emission trading system for the electricity sector was launched in China in 2021.

The European Union, as the world leader in decarbonization, has developed two new decarbonization tools, the Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) and the EU Taxonomy. Both of them are extraterritorial in nature. The CBAM mechanism will start operating in test mode in 2023; the full-mode operation is scheduled for 2026. CBAM payments will decrease proportionally to the volume of free allowances for greenhouse gas emissions within the European trading system that the European Commission plans to abandon in full only after 2030-2035. In the beginning, the CBAM mechanism will cover cement, iron and steel, aluminum, fertilizers, and electricity; then it will be gradually extended to petroleum products.

The EU Taxonomy creates conditions and incentives for the reorientation of financial flows and investments into green economy and energy. The first list of environmentally sustainable economic activities came into effect in June 2021 and includes about 90 items. The second list will be published in 2022. High price for carbon quotas was one of the key factors of the EU gas crisis in autumn 2021 / winter 2022 and it can cause an increase in production costs and decrease in competitiveness of European exports. The European Commission will likely include natural gas in the EU Taxonomy as a transitional economic activity in a form of an exception to the rule, although this is actively opposed by the sectoral lobby for new renewable energy sources. In the nuclear energy sector, the situation is uncertain as the EU countries are split over the issue. France, Finland, Czech Republic, Poland, Hungary, Slovakia, Bulgaria, Romania, and Croatia support inclusion of nuclear energy into the Taxonomy, while Germany, Austria, Denmark, and Luxembourg are against.

The country-specific features of decarbonization will intensify, while the whole process will evolve at different speeds. Decarbonization in the United States, unlike in Europe, will be mostly based on market mechanisms. As the world's largest natural gas producer, the United States is not interested in squeezing it out of the energy balance. Due to internal problems in the electricity sector and under the influence of the energy crisis in the EU countries, China lifted restrictions on the development of coal-fired generation until 2025. India came across serious problems in sustaining strong economic growth, and therefore the importance of coal-fired power in the country is going to decline more slowly.

The process of demethanization of the world economy was launched following decarbonization. In October 2020, the European Union approved a strategy of methane emissions reduction. The Global Methane Pledge initiated by the EU and US was adopted and supported by more than 100 countries at the COP26. China did not join but intends to prepare its own demethanization program. In 2021, the European Commission in partnership with United Nations Environment Program (UNEP), Climate and Clean Air Coalition, and International Energy Agency, established the International Methane Emissions Observatory (IMEO) that started to compile an open database of global methane emissions. IMEO will propose universal standards of methane emissions control. As soon as 2022-2023, the methane capacity of the production chain will become a factor that affects the global competitiveness of oil, gas, and coal companies. In the future, payments for methane emissions similar to payments for carbon will be introduced at the company level. Oil, gas, and coal firms will be affected first; agriculture companies will be affected by these mechanisms later. Shifts in food systems. The COVID-19 pandemic has revealed the dangerous vulnerability of national provision systems, exacerbating the negative climate change impact on them. The spread of coronavirus in rural regions, combined with the transformation of extreme weather events into the 'new normal' for many countries and the escalation in some conflict and predominantly agricultural regions (from East Africa to Afghanistan) in 2021, has negatively affected world production and distribution of food. There is a real threat that the UN goal of achieving 'zero hunger' by 2030 is not being met. In September 2021, world leaders at the UN General Assembly conducted a special summit that outlined the transition to sustainable provision systems that seek to solve global provision and environmental problems by supporting social development of rural regions including assistance and cooperation of agro-industrial systems of less developed countries. A global "green" transition

is essentially impossible without the transformation of provision systems, which account for 33% of the world's anthropogenic greenhouse gas emissions and about 30% of the total economic damage from extreme weather events.

However, it is difficult to expect radical changes in the global provision industry in 2022 and in the following decade, in the light of the growing global demand for food, particularly for the products of 'eco-climate-unfriendly' livestock sector in developing countries. The main changes will include the mitigation and adaptation of traditional production and processing of agricultural stock and fish, as well as their consumption and waste disposal to climate change. It is necessary to take into account the interests of 600 million family farms that produce about 80% of world provision. Even in developed countries, such farms are mostly not ready to 'breakthrough' changes in technologies and organization of agricultural production.

Mitigating or neutralizing the 'green' transformation effect of the agro-industrial system for the socio-economic development of rural regions will require more time and investment. It includes the gradual replacement of the current industrial technology and organizational schemes by so-called FoodTech that involves an integrated implementation of digital technologies and biotechnology in all chains of provision systems. Such processes are already underway in rich countries. However, their pace, scale, and displacement degree of traditional products and technologies are still insufficiently determined. The European Union postponed the start of its new Agrarian Strategy for 2030, which includes a number of FoodTech areas, from 2022 to 2023. At a rough guess, the implementation of the planned eco-climate goals can reduce agricultural production in the EU by 10% and meat production by 15%. The prospects for developing countries are even more uncertain. More than 80% of peasant farms in these countries are small (up to 2 hectares) and they lack the necessary financial and human resources. They have been seriously affected by the pandemic and chronic internal conflicts. The implementation of the UN summit decisions will require serious assistance from rich countries and private sector but they are not ready for such assistance at the moment.

Drivers of growth. Under the influence of digitalization and decarbonization, the leading industry drivers of world economic growth in 2022 will be the production of semiconductors; pharmaceuticals and biomedicine; rare earth, non-ferrous, and ferrous metals.

Semiconductors play a central role in the process of digitalization and decarbonization of the world economy. The semiconductor shortage that arose in 2021 had a negative impact on the production of cars, computers, and industrial and consumer electronics. In the most optimistic scenario, the deficit will not resolve until mid-2022. At the same time, an increase in semiconductor prices is expected. The rise in demand and prices for semiconductors will in turn stimulate the rise of prices of metals, especially silicon.

The leading countries have formed large-scale programs of state support of the industry. In China, semiconductor-manufacturing companies will get government support of \$1.4 trillion under the 'Made in China 2025' strategy. The government of South Korea announced the support of national semiconductor manufacturers, in order of \$450 billion over 10 years, to create a domestic full-cycle production of chips. Under the Innovation and Competition Act, in the United States it is planned to support the national semiconductor industry with \$52 billion over 5 years. The EU has announced a plan to create 'ecosystems for domestic chip production', and the European Chips Act initiative is currently under development.

The 'technological war' between the United States and China will wield a major influence on the development of the semiconductor industry. Under the auspices of the EU-US Trade and Technology Council, established in June 2021, the creation of a common transatlantic semiconductor zone will be intensified. US companies have already built semiconductor factories in Europe. They have announced investments in new European semiconductor projects in the coming years amounted to tens of billions of dollars. US companies widen their expansion into the semiconductor sector in Japan via mergers and acquisitions. The US administration will increase pressure on South Korean and European companies, making them abandon joint projects with China in semiconductors.

Pharmaceuticals and biomedicine demonstrated dynamic growth in 2020 and 2021, while the production in most industries declined. Pharmaceutical companies have boosted resources

channeled into R&D. At the same time, large state orders for medicines, medical supplies, and vaccines, driven by COVID-19, have supported the companies' financial performance. The growing number of vaccinated by the inclusion of children, transition to mandatory vaccination for the entire population and need for revaccinations, and the formation of strategic stocks for protection against new strains of coronavirus will support the increased demand for vaccines in developed countries at least in 2022-2023. The demand will support the expansion of mass vaccinations to low per capita countries.

Despite the acceptance of programs for the production of vaccines at national and regional levels by many countries, the effect of these programs will not be seen earlier than in 2023–2024. In the nearest two years the USA, China, the largest EU countries, Japan, and India will remain the leading global producers of vaccines. Among the regional producers will be Russia, Iran, Turkey, and Brazil. The countries of Southeast Asia are actively expanding their vaccine production capacities.

By early 2023, the total pharmaceutical market can reach a record of \$1.5 trillion, a fifth of which will be channeled into innovative research and development. The amount of money transferred to this sector is bigger compared to any other sector of the world economy.

By the end of 2022, the world's leading companies will activate the commercialization of pharmacological and biomedical innovations developed during the coronavirus pandemic, including the implementation of biotechnology in the production of non-medical substances, cyber-physical systems, strengthening the biological protection of enterprises, and implementation of 'smart' information systems based on biometrics.

Energy transition and digitalization will noticeably increase demand for rare earth and non-ferrous metals, first of all, nickel, lithium, cobalt, copper and aluminum. Large-scale construction works in China and substantial financial inflows into infrastructure modernization in the US push demand for ferrous metals up.

Growth rates. In 2021, the main challenge for the world economy was to develop adaptive mechanisms to ensure positive economic growth in light of the continuing spread of coronavirus. Strong recovery of global economic indicators in the first half of the year gave us hope that the damage caused by the coronavirus crisis in 2020 would be recuperated faster than previously expected. By October 2021, the IMF raised its forecast for global GDP growth for 2021 to 5.9% (in comparison to 5.5% expected in January), and the WTO reconsidered its forecast for global trade growth to 10.8% (in comparison to 8.0% according to March forecast). However, by the end of the year, the worsening epidemic situation and concerns about the possible consequences of the spread of the omicron coronavirus strain had a negative impact on the global commodity and stock markets. That fact significantly increased the uncertainty concerning the development prospects in 2022.

In 2020, the depth of the economic crisis showed significant regional and country variations. Similarly, in 2021, varied rates of economic recovery were observed. Like in the previous year, developing countries of Asia appeared to be in the most favorable condition: in 2020, they showed the lowest economy cutback rates (–0.8% compared to –3.1% in the global economy; and –2.1% compared to the group of developing countries). In 2021, the growth rates of developing countries of Asia, according to the IMF estimates, may amount to 6.4%. The countries of Latin America and the Caribbean also showed significant GDP growth (6.3%), however, unlike in the developing countries of Asia, this didn't seem to be enough to compensate for the GDP cutback in 2020, which amounted to –7.0%. As for developed countries, the growth rates are estimated at 5.2%, while the indicators for the Eurozone (5.0%) and especially Japan (2.4%) are noticeably behind those for the United States and Great Britain (6.0% and 6.8%, respectively).

The differences in the rates of post-crisis economic recovery were based on three main groups of factors: the scale and intensity of quarantine and quasi-quarantine restrictions imposed in the context of tackling the coronavirus pandemic (and the rapidity of lifting the said restrictions); the effectiveness of the anti-crisis policy; as well as foreign trade specializations of countries and recovery rates of markets for relevant goods and services. The first of these groups of factors had a decisive effect on the differences in the economic cutback rates throughout 2020 and kept playing a deterrent role in many countries in 2021, especially in the EU countries, where the policy of lockdowns and

hard restrictions for the unvaccinated population was particularly intense). As for those countries that managed to avoid a sharp economic decline in 2020 by holding from imposing restrictions (or by quickly lifting them), in the absence of other favorable growth factors their growth dynamics was little. In this context, the most indicative example is the example of sub-Saharan Africa: in 2020, its losses from the crisis were relatively moderate (–1.7% of GDP), while in 2021 the economic growth rates were also low (3.7%).

As in the previous year, anti-crisis policy measures play the greatest role in developed countries. It is due to the scope of support for the economy and due to effective implementation of the decisions made, provided by the quality of political and administrative institutions. This refers mostly to the United States, where a new package of anti-crisis support for the economy for \$1.9 trillion was approved in March, while the Federal Reserve System kept pursuing the aggressive policy of quantitative easing.

The main source of differences in GDP growth rates was the influence of the dynamics of world markets on the economic situation in specific countries. World commodity markets were actively recovering during the year. The maximum indicators of world trade growth were predictably fixed in the Q2 of 2021, when compared to the crisis indicators of the previous year, the volume of world trade in goods increased by 22%, while the volume of trade in manufacturing products increased by 40%. Indicators for a number of manufacturing industries were even more impressive: for example, clothing production increased by 54%, iron and steel production increased by 71%, and automotive production increased by 101%. Although the recovery of international trade slowed down in the second half of 2021, it brought considerable dividends to countries that specialize in product output and demonstrate the highest rates of post-crisis 'rebound'.

Since the end of October, the uncertainty in the global economy has begun to increase again. First of all, it affected the global commodity and financial markets, most of which have not only fully recovered after the crisis, but also showed even better results. The stock quotations of dated Brent crude oil rose to \$86.74 per barrel in October 2021, having overcome the maximum pre-crisis level observed in January 2020 (\$71.75 per barrel) and reached the five-year maximum level recorded in October 2018 (\$86.70 per barrel). The SP500 stock index has in turn consistently updated historical highs, reaching the level of 4,743.74 points in November, which is 1.4 times more than in January 2020. In the light of continuing pandemic, such a 'boost' of stock quotations could cause serious correction risks that occurred in November–December 2021 and remain relevant for 2022.

The key factors that make these risks real are concerns about the new strains of coronavirus that may be resistant to existing vaccines, and the reduction of the US Federal Reserve's asset buyback program, which began in November (\$15 billion monthly). In addition, it is expected that in 2022 the Federal Reserve System starts raising interest rates on federal funds due to a sharp increase in inflationary trends in the US economy. Although the interest rate increase to tackle inflation will have a lower impact on markets than the decrease in fund buybacks, the cumulative effect of these measures on stock and commodity prices can be sharply downward.

In 2022, the world economy will continue its recovery growth, which will amount to 5.1%. The economies of most countries in the world will exceed the level of 2019, although the economies of China, India, and the United States have already reached pre-crisis levels in 2021. The highest growth rates will be demonstrated by emerging market and developing economies (5.4%), while the growth rates of advanced economies will increase by 4.7% (Table 1).

Table 1. GDP growth rates, %

	2001–2010	2011–2019	2020	2021	2022
World	3.9	3.5	–3.1	6.2	5.1
Advanced economies	1.7	1.9	–4.5	5.2	4.7
USA	1.8	2.2	–3.4	5.9	5.4
Japan	0.6	0.9	–4.6	2.4	3.2
UK	1.6	1.8	–9.8	6.9	5.1

	2001–2010	2011–2019	2020	2021	2022
Eurozone	1.2	1.3	-6.3	5.1	4.2
EU	1.5	1.6	-5.9	5.2	4.3
Germany	0.9	1.7	-4.6	3.2	4.4
France	1.2	1.4	-8.0	6.7	4.0
Italy	0.3	0.1	-8.9	6.0	4.4
Emerging market and developing economies	6.2	4.8	-2.1	7.0	5.4
China	10.5	7.3	2.3	8.3	5.8
India	7.5	6.6	-7.3	9.2	8.8
Brazil	3.7	0.8	-4.1	5.0	2.0
Russia	4.8	1.8	-3.0	4.6	3.2

Source: IMF WEO Database, forecast and estimation by IMEMO.

World trade. The current dynamics of world commodity trade allows expecting its 10% growth in 2021, and a 6% growth in 2022. In subsequent years, the dynamics will increase on average by 3%. Online service trade will continue to grow in the medium term, but overall growth in service trade does not seem to be as dynamic as it was in the pre-pandemic period.

In 2021, world trade grew almost 2 times faster than GDP. However, in 2022, the difference between these two indicators' growth rates will be minimal, and this ratio will likely be relevant in the medium term. In some years (like, for example, in 2017 and 2021), a situation may arise, that was typical for the period of accelerated development of world trade when its growth rate was 1.5-2 times higher than the GDP growth rates.

In 2022, the dynamics of world trade will be reductive. In subsequent years, the development of world trade will be increasingly determined by the factors associated with the deployment of a new stage of the research and technological revolution, including the growth of e-commerce and bringing production closer to consumers.

An important condition for the growth momentum of world trade after the end of the pandemic is adherence to the principles of liberal trade policy. Nowadays such adherence is confirmed by the world's leading countries, members of the G-20 group. After the return of the world economy and trade to sustainable growth, the attempts to overcome the WTO crisis can be expected.

Nevertheless, the rise of protectionism remains a serious problem for all participants in international trade. In addition, trade and technological rivalry between the United States and China will continue. It will be one of the main causes of instability and strengthening of protectionism in the foreign trade policies of leading countries.

The implementation of plans to change the energy balance of the leading countries in favor of increasing the role of renewable energy sources will have a growing influence on the dynamics and structure of world trade. As the experience of 2021 has shown, the energy transition carries serious risks for the state of the economy and trade. World trade remains vulnerable to shocks in the financial sector, the stability of which can be compromised by the exacerbation of the world debt problem.

The use of trade policy tools that aim to build a green economy will expand. These instruments will be similar to the EU carbon levy. During the negotiations of trade agreements, developed countries will actively insist on the inclusion of conditions that ensure compliance with environmental and labor standards in partner countries.

The process of maintaining high growth rates of international trade will depend not only on the foreign trade policies of the WTO members, but also on government economic support measures, that played a serious role in reducing the negative consequences of the pandemic. The economies of the leading countries and the whole world trade will depend on the way these measures are being scaled down.

COUNTRIES AND REGIONS

United States. In 2022, the United States will continue to reform the system of allied relations in accordance with the current challenges and threats, primarily from the PRC. As a matter of priority, it means the search for the new principles of interaction with allies in the areas of trade, technology export and information security. The European-American Trade and Economic Council (EU-US Trade and Technology Council Inaugural Joint Statement, TTC) will continue its work. The first meeting of the Council took place in September 2021 in Pittsburgh, USA.

Washington and Brussels will discuss the abolition or limitation of trade tariffs introduced during the Donald Trump presidency. Certain progress has been already outlined regarding this matter. This is both an important achievement for the EU and an agreed trade-off for the United States, who seeks to involve the partner in the confrontation with China. An agreement on the lifting of US tariffs on the portion of imports of steel and aluminum from the EU has been reached. Talks on aircraft subsidies for Boeing and Airbus will proceed.

The United States is intensifying its engagement in the modes of military cooperation between the EU member-states, in particular, the PESCO Project on Military Mobility. This will allow to maintain control over the activity of partners while lobbying the interests of American producers in terms of supplies for Western Europe's armed forces.

NATO will continue to shift its center of gravity to the countries of Eastern Europe, whose role and importance are growing. There is a possibility of significant military supply contracts being signed with the regional states, primarily with Poland and Romania. Against the backdrop of the US-Norway deal, which allows the former to use air force and naval stations of the latter, an increase in the military presence of the United States and its allies in the Arctic, subarctic waters and the airspace of the North Atlantic can be expected.

It is anticipated that in 2022 NATO will conduct a number of war games and military maneuvers, which increases the risk of incidents between the forces of the alliance and the Russian Federation. Norway is going to host the biggest NATO military exercise inside Arctic Circle since the Cold War (about 40 thousand soldiers) named Cold Response 2022. Within the framework of Dynamic Mongoose 2022, which is NATO-led maritime Anti-submarine Warfare (ASW) training in the North Atlantic and Arctic, nuclear submarines of the Russian Navy are considered as the main hypothetical enemy. Advanced anti-surface, anti-submarine warfare exercise, Dynamic Manta 2022, will take place in the Mediterranean Sea with the participation of the US.

In the Asia-Pacific and Indo-Pacific regions, AUKUS will become the key allied structure for the United States in the coming years. Cooperation with Australia and the United Kingdom provides the United States with a unique opportunity to form and support an anti-China coalition via the time-tested format of the three traditional allies. Unlike many others, London and Canberra are able to pay for the aid they receive from the United States.

The priority for the further development of the alliance system in the region will be the strengthening of ties between the United States and Japan as well as the development of cooperation between the latter and AUKUS in terms of joint trainings, conferences and military-technical cooperation.

Aside from building new and reinforcing traditional alliances, the United States will pursue a strategy of 'optimal engagement, given China threat'.

The development of the American-Indian dialogue is an important track for the United States but further progression of cooperation will be of a framework nature. The deepening of cooperation on regional security issues with New Delhi within the QUAD is quite possible. At the same time, the significant difference in the strategies of the United States and India regarding Iran, Russia, protectionist economic policy of India, violation of human rights, and climate agenda will remain. Nevertheless, Washington will be able to make concessions to New Delhi if it can contribute to the promotion of American strategy in Southeast Asia in line with the anti-China approach.

In South Asia, Washington will continue to implement the US-Uzbekistan-Afghanistan-Pakistan quadrilateral cooperation format aimed at the development of a whole package of infrastructural projects. The policy of the United States and its European allies around Afghanistan will be based, first of all, on the issue of recognizing the country's new government, as well as on the issue of providing it with humanitarian and economic assistance.

In Central Asia, the United States will continue to use the negative consequences of the Afghan crisis as a reason for strengthening its position as an alternative provider of security services and resources for economic development.

The Middle East will retreat further to the periphery of Washington's global strategy. Unlike his three predecessors, J. Biden did not propose a concept or format that would somehow involve all countries of the region. The United States will continue to pursue not a proactive but a reactive policy in the Middle East, focusing on a limited range of issues.

The US policy towards Iran will remain an important track, but a breakthrough is unlikely to happen: the course of the negotiation process demonstrates deep distrust between the parties, which will remain in 2022. The United States will uphold its demands for Iran to return to the terms of the JCPOA regarding the agreed limit of uranium enrichment, while Iran will expect the complete lifting of the sanctions. The difficulty of negotiations arises from the complexity of interrelated problems. In addition to the Iranian nuclear program and the impact of the renewed JCPOA regime on global energy markets, one should also consider Iran's development of intermediate and shorter-range missiles, Teheran's support for the Houthis in Yemen and Shiite minorities in Arab countries as well as for the government of Syria and Hezbollah in Lebanon. In addition, concerns about the possibility of eventual agreements reached with the Biden administration being canceled after a change of leadership in the White House at the beginning of 2025 are not without merit. This increases the likelihood of the new conservative Iranian government turning to a more reactionary policy in 2022 already.

The containment of Russia in terms of geopolitics, economy and technology remains one of the priorities of American foreign policy. The sanctions will last to the full extent. Moreover, it is possible that the democratic administration will monitor more closely the internal political processes in Russia and threaten to introduce new sanctions under the slogan of respect for human rights as a part of the election campaign. Any significant normalization of diplomatic interaction between the two countries is unlikely.

Europe. In 2022, the EU is going to approve the so-called 'strategic compass'. This document has been presented nearly as Europe's defense strategy. It is being developed at the same time as NATO's next Strategic Concept, which should replace the previous one adopted in 2010. Both documents are likely to reflect a strictly critical Western view on Russia's foreign policy. New incidents and disagreements, primarily in the area of 'common neighborhood', will continue to affect the EU's relations with Russia and Belarus.

The new German governing coalition has to pass a strength test in 2022. It seems unlikely that this coalition will uphold after the next elections in 2025, but the Chancellor who has proven himself a good choice could continue to play this role in a different scenario as well. Co-leader of Germany's Greens, the party known for its principled stance on human rights and democracy, took over the foreign ministry. However, the Chancellor has traditionally played a significant role in international arena. It is possible that he will be the one to assume the mission of interacting with the most problematic in Germany's opinion countries including Russia.

The new German government confidently declares its intention to take into account the interests of Central and Eastern European countries and to strengthen the unity of the EU. However, in order to achieve these results, a reciprocal readiness of countries whose political optics do not coincide with Germany's would be required. One of the most sensitive questions regarding the political future of Germany is about how the new government will conduct personal and political relations with close and distant neighbors.

In April 2022, France holds presidential elections, which is likely to require two rounds, followed by National Assembly elections. These elections will attract a lot of attention around the world because of the fundamental differences between the candidates and the significance of the result for the future of the EU. Many experts will observe it from the perspective of 'domino theory'. Will European political mainstream survive in France or will the results trigger the new powerful wave of national-populism that threatens the entire structure of the EU? There are major questions.

President E. Macron starts the election year having a rather good position. Polls predict him to win in the second round, probably against his traditional opponent M. Le Pen. The pandemic has a mixed effect on the events. On the one hand, President and government are consistently at the forefront of the fight against this threat. On the other, voters are looking for alternatives because they are tired from the restrictions, especially those who suffered damage through their association with small businesses and tourism.

The popularity of Le Pen in the second half of 2021 has declined markedly. She has to compete not only with Macron, but also with the new populist candidate E. Zemur, a former journalist who does not skimp on harsh political assessments and, apparently, is able to draw off a significant part of Le Pen's electorate. At the same time, it is not clear whether his candidacy and popularity will survive until the elections because massive criticism from various sides tries to convince voters that he is not suitable for the role of President.

For E. Macron, the dilution of an unsympathetic electorate between different opponents could be beneficial and risky at the same time. If a populist candidate manages to bypass M. Le Pen, he could demonstrate a lower anti-rating because not everyone who is not ready to vote for Le Pen under any circumstances would reject his candidacy. Erosion threatens the centrist electorate as well because of the rise of the Gaullist party The Republicans led by V. Pécresse and supported by the former chief EU negotiator on Brexit M. Barnier. EU partners do not consider these politicians unacceptable, but it is easier for them than for E. Macron to exploit the topic of the migration threat, traditionally considered a priority among populists and right-wing radicals, promising a tougher approach.

Left-wing politicians are more likely to lag behind in the presidential race but collectively they have a chance to receive a noticeable part of voters' support, depriving the favorites of the opportunity to secure a decisive advantage in the first round.

The outcome seems even more intriguing when coming parliamentary elections are considered. In 2017, in the wake of E. Macron's popularity, his political movement, despite being barely one year old by that time, managed to secure decisive support in Parliament for him. Such synchronization of the election results is unlikely to be preserved, both in the event of E. Macron's victory and in the event of his defeat. In this case, the relationship between the President and Parliament could bring new complications into the processes of policies formulation and implementation.

The negative consequences of Brexit in terms of trade relations with the mainland and logistical problems have become more tangible than, in fact, at the time of the announcement of the country's withdrawal from the EU. A noticeable part of criticism and negative emotions of voters is focused on the Prime Minister B. Johnson. One cannot rule out that in the foreseeable future the conservatives, while maintaining their overall political course and not questioning Brexit, will bet on another candidature in their camp, presenting this change as overcoming the political mistakes made by the Prime Minister.

Great Britain, which has declared that Brexit will allow it to acquire an independent 'global' role, is trying to be proactive in foreign policy. This includes strengthening its role as the closest US ally, recently highlighted by the creation of the AUKUS bloc with the US and Australia, toughness directed at Russia and participation in trade agreements in the Asia-Pacific region. The UK is looking for (not without success) countries among EU member-states that are ready to strengthen bilateral cooperation on selected issues within the bounds set by the EU norms. In particular, such course could be pursued by states with traditional pro-Atlantic attitude including Poland, Baltic states and Nordic countries.

The European Union continues to proclaim its desire to become an independent global center of power in the international competitive environment. However, the prevailing political dynamics in the West erodes increasingly the significance of the EU structures per se. Strategic and defense issues are covered at the level of transatlantic coordination. National governments continue to play the main role regarding the fight against the pandemic, solution of economic problems and the majority of foreign policy issues. The voters are more and more concerned about what is happening directly around them locally, not globally. The withdrawal of Great Britain remains a significant factor in European politics and some of the related consequences have not fully manifested yet. The Green Agenda promises significant results in the future but is unable to make a difference in the EU. 2022 will reveal what is more attractive for the EU member-states: the new German government or French populists.

Middle East and North Africa. Tensions that have been accumulated in the region will remain but the trend towards gradual de-escalation is expected to come into sharp focus. It includes both the normalization of relations between Israel and the Arab states (UAE, Bahrain, Morocco, and Sudan) and attempts to reduce tensions between other regional players.

The warming of relations between Qatar and Saudi Arabia is likely to continue, contributing to the further re-establishment of working ties between the members of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf.

As part of the de-escalation process, Ankara is expected to try to reach an agreement on expanding cooperation with Egypt, United Arab Emirates, and Saudi Arabia (mainly in the economic sphere). The resumption of active political contacts between Turkey and Israel cannot be excluded.

Attempts to establish a dialogue between Saudi Arabia and Iran can be treated as a trend towards de-escalation only conditionally. The parties are not ready for serious concessions, and the situation does not inspire optimism partially because of the high risk of 'black swans' emergence. Moreover, Saudi-Iranian contacts are taking place against the backdrop of increasing pressure on Tehran from Israel and the United States.

It is highly likely that the process of restoring relations between Syria and the states of the region will continue and the country will return to inter-Arab structures, primarily to the League of Arab States. Nevertheless, it is too early to talk about Damascus breaking its international isolation.

The escalation of tensions in Lebanon is expected. This is due to pressure on Beirut from Saudi Arabia and a number of its partners, mainly because of the Arab monarchies' desire to weaken the Hezbollah movement and reduce Iranian influence in Lebanon.

The situation in the Eastern Mediterranean will remain tense. The struggle for access to sea and marine resources will continue there. Against this background, Greece and Cyprus will strengthen military cooperation with Egypt, Saudi Arabia, United Arab Emirates, and Israel. Therefore, Ankara is hardly to abandon its claims to a significant part of the shelf and active policy aimed at asserting Turkey's dominant role in the Eastern Mediterranean.

It is hard to predict de-escalation in the Maghreb because of the aggravation of contradictions between Algeria and Morocco. In August 2021, Algeria announced the severance of diplomatic relations with Rabat. However, the parties are likely to confine themselves to political and diplomatic demarches as well as demonstrations of force, while avoiding a direct military clash.

Given the upcoming elections in December, the situation in Libya in 2022 is fraught with a new escalation. If conducted, the elections results may not satisfy a number of influential internal and external players.

Post-Soviet space. In 2022, for most of the post-Soviet space (PSS) countries internal processes will be complicated by the socio-economic consequences of the pandemic. General increase of international turbulence will affect the region as well along with the growing competition of the leading powers for influence in the PSS.

As in the rest of the world, the CIS countries face the challenge of balancing growing post-crisis social spending and stimulus measures. At the same time, social disparities in the CIS countries, exacerbated by the crisis, are higher than in developed countries. The demand for change will remain high, although the degree of dissatisfaction with economic policy in the CIS countries varies and depends on the level of economic development, or more specifically, resource endowment and export potential and the stability of political regimes. Resource-rich countries are considering the possibility of new formats of the social contract like direct financial assistance from the state, stimulation of social responsibility of business, state investment incentives. Countries with a low level of resource provision (Armenia, Moldova, Ukraine, Tajikistan, and Kyrgyzstan) in the social sphere count on funding from external donors, among other things.

Considering high priority of this region for Russia's foreign policy, the development of events in the PSS generates a number of challenges for Russia. In almost all CIS countries, the Russian Federation has turned into a kind of political lightning rod, to which all the internal and foreign policy problems of the PSS countries are attributed. Nevertheless, in 2022, Moscow may have a number of opportunities to strengthen its positions (Central Asia, Transcaucasia, and Belarus). This is due inter alia to the special role as mediator or peacemaker that Russia plays in resolving decades-old conflicts in the PSS.

Russia will remain the guarantor of security for the PSS countries through cooperation within the CSTO as well as on a bilateral basis. At the same time, in 2022, a kind of 'arc of instability' (chain of current and frozen conflicts that could rapidly transit to the 'hot' phase) will emerge along the perimeter of Russia's borders in the Western, Transcaucasian, and Central Asian directions facilitated by extra-regional powers. These include situation in Belarus, aggravation of Transnistria case, still not frozen conflict in Donbas, tensions around Karabakh and in bilateral relations between Armenia and Azerbaijan, border disputes in Central Asia, and consequences of the chaotic withdrawal of US and Western troops from Afghanistan.

Russia will remain the key mediator in Nagorno-Karabakh conflict, continuing to advance implementation of the trilateral ceasefire statement of November 9, 2020 and the agreements of January 11, 2021.

The growing competition of powers in world politics will have a destabilizing effect on the situation in a number of conflict zones in the PSS. Moreover, in 2022, not only US, EU, and PRC will preserve traditionally high level of activity in the region, but also growing centers of power like Turkey, Iran along with Poland and Romania.

The situation around Donbas is one of the most volatile in 2022. To compensate for a drop in ratings, President V. Zelensky will speak from maximalist positions on Crimea and Donbas issues (within the framework of the narrative established in Ukraine on the fight against 'Russian aggression'), demand the accelerated admission of Ukraine to NATO (to mitigate 'the Russian threat'), an urgent meeting with V. Putin (to end the Russian 'hybrid war in Donbas'), compensation from Germany and other European countries in connection with the loss of Ukraine's budget revenues (estimated at up to \$2 billion) due to the completion of the construction of Nord Stream 2, revision of the Minsk agreements 'imposed by force' on Ukraine, restoration of the country's territorial integrity. These approaches can receive support not only from the United States but also from the overwhelming majority of European political elites. The desire to demonstrate intransigence towards Moscow to the US and EU and at the same time to act a 'victim' of Russian aggression that is 'friendly to the West' may lead to new armed incursions not only on the line of contact in Donbas but also provocative actions around Crimea (on the Black Sea or Azov Sea).

In this context, Ukraine will develop military-technical cooperation with the United States, Britain and Turkey (supplies of modern lethal weapons including missile systems, warships, strike UAVs). That may strengthen the dangerous illusions of the part of the Ukrainian elite about the possibility of 'Croatian' or 'Azerbaijani' scenario in relation to Donbas already in 2022. This is the main destabilizing effect of the political course taken by the Ukrainian leadership that prevailed in 2021 and will be probably extended until the end of Zelensky's presidential term.

In Belarus, the domestic political situation will remain the key element of the agenda. In 2021, the authorities managed to take control over the situation in the country and push the leaders of the mostly pro-Western political opposition abroad or move them to places of detention. President A. Lukashenko has low level of popular support, especially in large cities. For the successful implementation of the constitutional reform, the ruling regime needs financial and economic support and international legitimacy. Throughout 2021, A. Lukashenko carried out maneuvers both for receiving economic assistance in the context of developing integration with the Russian Federation and for improving relations with Western countries.

Fluctuations in Belarusian political course will persist, and in 2022 Moscow will actively contribute to the implementation of 28 union programs with Minsk. This is supposed to create a solid institutional basis for a functioning common economic space. However, there is no reason to expect that Lukashenko will actively start implementing the programs in 2022 (except for those that directly affect his interests, such as the formation of a single energy market). Attempts to resume political bargaining with Western countries and even to 'force' them into dialogue in a specific way are also predictable, which was clearly demonstrated by the migration crisis on the Belarusian borders with the EU countries in 2021. The ruling regime will try to persuade the Western countries to fully resume relations, which will allegedly give it freedom of maneuver on the 'eastern flank' and will allow evading Russian integration initiatives more effectively. However, it is unlikely that the Western countries will refrain from the sanctions pressure on President A. Lukashenko, especially in view of his unsystematic behavior and direct pressure.

The greatest political risks in the Central Asia region are traditionally generated in Kyrgyzstan. This time, they are associated with the concentration of powers in the hands of President S. Japarov, which is fraught with the consolidation of political and regional forces removed from power and new political destabilization. Observers are concerned about the prolonged transit of power in Kazakhstan, which, however, will remain under control in 2022.

In foreign policy, the Central Asian countries will continue a multi-vector course with a balanced development of relations with the leading centers of power including Russia, China, United States, EU, and Turkey. Tajikistan will be the only exception, as Russia and China are remaining its main strategic partners. Besides, China is gradually beginning to act not only as the Republic's key creditor but also as its security ally.

RUSSIA IN THE WORLD 2022

The renewal of the global economic interface including key features like energy transition and accelerated digitalization, poses a number of challenges for Russia.

Given Russia's remaining high dependence on energy exports, the first challenge is a need for a comprehensive balanced restructuring of the national economy and social sphere. Having been voiced for a long time, this goal under the new conditions becomes existential and vitally important for the state. In order to solve this problem in a strategic manner, climatic change should be taken into account, e.g. eventual shifts in the Russian 'North', changes of the country's water balance, already happening transformations of the agricultural landscape.

The second challenge is to ensure the adaptation to the transition happening with minimum costs and maximum consideration of long-term benchmarks. According to the strategy presented by the Russian delegation at the COP26 summit, Moscow's position includes several points of fundamental importance. The first is to achieve the recognition of nuclear and hydropower as 'green' sources of energy, and natural gas as a low-carbon fuel. The second is to establish the notion of the Russian forest fund (about 20% of the world) as a factor offsetting Russian CO₂ emission. The third is Moscow's willingness to take part in the development of norms for international carbon trading. Finally, the fourth point is the intention to become one of the leading (up to 20% of the world market) producers of hydrogen energy, especially considering the declared by the country's leadership possibility of exporting it through existing pipelines, primarily Nord Stream-2. Russia also intends to encourage companies to invest in

Russian projects that contribute to the fight against climate change, so that money stays in the country and is not being used in order to pay taxes and duties abroad.

Generally, in 2022 Russia is as if the rest of the world will remain dependent on the impact of an exogenous epidemiological factor and measures aimed at overcoming the pandemic, which were introduced in the country and throughout the world.

Following the global trend of re-sovereignization, Russia will continue to pursue its traditional foreign policy strategy. In 2022, there are still no visible factors or signs of improvement of Moscow's relationship with the West where Russia is highly mistrusted.

As for the Russian-American relations, IMEMO experts consider that the most probable scenario is selective cooperation against the background of a generally conflictual relationship. The factor of Chinese threat cultivated by the American government also prevents Washington from going beyond the established framework of confrontation with Russia. Therefore, containment of Russia will remain a priority of American foreign policy both in general context and on the bilateral track. The sanctions regime will remain fully operational. However, consultations on strategic stability issues will continue. Washington is interested in reaching a mutual understanding with Moscow, taking into account the growth of the PRC's capabilities.

In the matter of Russian-European relations in 2022, much will depend on the dynamics in 'the common neighborhood' and the political course of the new German government. As for trade and economic cooperation, one can expect from Berlin the continuation of the course initially set by A. Merkel. Concerning politics, it is likely that somehow toughened attitude will emerge.

In the Middle East in 2022 Moscow may have some selected opportunities to strengthen its positions, since states concerned about the weakening of the US commitment may show a great interest in partnership with Russia on the issues related to security, political and diplomatic settlement in the region. The United States may try to reach a certain understanding with Russia on the situation in northeastern Syria and on the issue of humanitarian access. Possible attempts to resume the negotiation process on the Palestinian problem cannot be completely ruled out either. Here Russia will be able to act within the framework of the Quartet (UN, EU, USA, RF), which could be possibly expanded by including a number of regional players.

The situation in the post-Soviet space will become even more complicated. Amid the instability in Afghanistan, Central Asian states consider Russia as the only reliable guarantor of security in the region. That, however, does not prevent them from further implementation of a multi-faceted foreign policy with considerable attention towards China and Turkey. In general, in 2022 the situation in Afghanistan is highly likely to remain the main threat to security in the region for Russia and its neighbors in Central Asia.

It is difficult to expect the existing format of relations between Moscow and Minsk to change significantly, despite the weakness and increased dependence of the latter on the former. As for Russian-Ukrainian relations, one cannot completely rule out neither the scenario of 'unfreezing' the conflict in Donbass nor the scenario of aggravation of general confrontation. The 'war of nerves' is becoming above all the factor of powerful political pressure but it also poses a risk of transition to uncontrolled escalation, which could be further aggravated by the military-political support from Western countries to Kiev. Under such conditions, an increasing level of conflict in 2022 seems quite likely, whereas a mere preventing the situation from collapsing and causing an uncontrollable ripple effect can be considered a positive scenario. However, another possible option seems to be the preservation of the prevailing circumstances, inter alia, with the support of the West, primarily the United States.

From the point of view of IMEMO experts, 2022 will not bring any special changes to the picture of Russia's relations with the countries of the Pacific and South Asia region. PRC will remain the main geopolitical partner of Russia with whom it shares a similar view of global processes and has a significant convergence of geopolitical goals and priorities. An expected visit of Russian President to the Olympic Games in Beijing is a symbol of the deepening partnership between two countries

in the political sphere against the background of the West's campaign for a diplomatic boycott. No changes are expected in the partnership between Russia and India, disregarding the 'multi-faceted' nature of India's foreign policy and sporadic conflicts in bilateral relations.

The Republic of Korea also treats Russia as one of the vectors of its foreign policy, in particular as the object of its Northern Economic Partnership strategy and the Nine Bridges program. Some hopes are pinned on a possible constructive role of Russia in normalizing inter-Korean relations and resolving the situation around the DPRK's nuclear and missile programs.

ASEAN's relations with Russia are based on the Comprehensive Plan of Action to Implement the ASEAN and the Russian Federation Strategic Partnership in 2021-2025. Non-military high-tech exchanges are intensifying, including those related to countering the COVID-19 pandemic.

The development of Russian-Japanese relations will be constrained both by objective differences in the positions of the two states in the system of global alliances and confrontations and by the long-standing territorial dispute. The resumption of bilateral contacts to the same extent after the pause associated with the pandemic will be hindered by the declining interest of the Japanese leadership in developing relations with Russia. At the same time, Moscow and Tokyo will maintain the achieved level of humanitarian ties, including educational and cultural exchanges.

The new normal of energy transition, digitalization and fierce technological competition in 2022 will have an increasing impact on the global economy, politics and security. Russia's ability to launch the process of accelerated adaptation to changes will determine the country's place in the changing world order and in the hierarchy of global powers for the ongoing decade.

REFERENCES

1. Afontsev S., Kobrinskaya I., Machavariany G., et al. Russia and the World: 2020 IMEMO forecast. *New Perspectives*. 2020, 28(4), pp. 435-461. DOI:10.1177/2336825X20954758
2. Kobrinskaya I., Machavariany G., Dynkin A., et al. Russia and the World: 2019 IMEMO Forecast. *New Perspectives*. 2019, 27(2), pp. 87-114. DOI:10.1177/2336825X1902700205
3. Dynkin A., Baranovsky V., Kobrinskaya I., et al. Russia and the World: 2018 IMEMO Forecast. *New Perspectives*. 2018, 26(3), pp.143-166. DOI:10.1177/2336825X1802600308

РОССИЯ И МИР: ПРОГНОЗ ИМЭМО НА 2022 Г.

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2022, no. 1, pp.13-39)

**Поступила в редакцию 23.01.2022.
Доработана после рецензирования 18.02.2022.
Принята к публикации 05.04.2022.**

Сокращенная англоязычная версия ежегодного доклада ИМЭМО РАН "Россия и мир: 2022" посвящена анализу и прогнозу ключевых тенденций экономического и политического развития мира в 2022 г. Прогноз сфокусирован на проблемах, имеющих важное значение для обеспечения стабильного экономического и политического развития России на ближайшую (2022 г.) и более отдаленную перспективу. В работе использован многолетний опыт прогнозных исследований, проводимых ИМЭМО РАН. Работа состоит из трех частей: глобальные тренды, экономика и внешняя политика. Среди глобальных трендов отмечены ускоренная цифровизация и связанные с ней социальные, политические и экономические изменения, выход на первый план климатической/экологической, а с ней и энергетической повестки, усиление геополитической и геоэкономической напряженности – и все это в условиях пандемии COVID-19. В мировой экономике прогнозируется повышение инфляции, ужесточение технологической конкуренции и тренды на цифровой суверенитет, ускорение декарбонизации и запуск процесса дегетанизации мировой экономики, сдвиги в продовольственных системах. Прогнозируется динамика ведущих отраслевых драйверов роста мировой экономики в 2022 г.: производства полупроводников, фармацевтики и

биомедицины, редкоземельных, цветных и черных металлов. В следующем разделе работы дан прогноз политических тенденций в 2022 г. в ведущих государствах Северной Америки, Европы, Тихоокеанской и Южной Азии, на постсоветском пространстве. В заключительном разделе дается оценка перспектив развития взаимоотношений России с ее ключевыми внешнеполитическими партнерами. Обновление мировой экономики, ключевыми параметрами которого становятся факторы, связанные с энергетическим переходом и ускоренной цифровизацией ставит перед Россией задачу провести комплексную сбалансированную реструктуризацию национальной экономики и социальной сферы. В новых условиях эта цель приобретает для государства жизненно важный характер. Перевод на англ.: Артамонова У.З., Самарская Л.М., Соколова П.С., Урумов Т.Р., редакторы перевода: Мамедьяров З.А., Моитсеева Д.Э.

Ключевые слова: Россия, мировая экономика, внешняя политика, прогноз, “новая нормальность”.

Автор, ответственный за переписку: КОБРИНСКАЯ Ирина Яковлевна, кандидат исторических наук, руководитель центра ситуационного анализа, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23 (psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681

Об авторах:

ДЫНКИН Александр Александрович, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, президент ИМЭМО РАН (dynkin@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4183-914X

БАРАНОВСКИЙ Владимир Георгиевич, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель научного направления Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (baranovsky@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7283-0244

КОБРИНСКАЯ Ирина Яковлевна, кандидат исторических наук, руководитель Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (psifoundation@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4419-0681

МАЧАВАРИАНИ Гиви Ираклиевич, заведующий сектором прогнозирования мировой экономики и политики Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (g.machavariani@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4948-2624

АДНО Юрий Леонидович, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник группы анализа товарных рынков и корпоративных услуг Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН (adno@imemo.ru)

АФОНЦЕВ Сергей Александрович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом экономической теории ИМЭМО РАН (afontsev@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0887-4768

БОГАЕВСКАЯ Оксана Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475

БОГАЧЕВА Анастасия Сергеевна, младший научный сотрудник группы изучения региональных отношений лаборатории “Центр ближневосточных исследований” ИМЭМО РАН (anastasia.s.bogacheva@gmail.com), ORCID: 0000-0003-0556-6719

ВАРТАЗАРОВА Людмила Степановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник группы анализа текущих экономических проблем центра ситуационного анализа (vls38@mail.ru)

ВОДА Кристина Рудольфовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (vodakris@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2775-0875

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник группы региональных политических проблем стран Востока и Юга Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН (andreivolodine@gmail.com), ORCID: 0000-0002-0627-4307

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746

ДАНИЛИН Иван Владимирович, кандидат политических наук, заведующий отделом науки и инноваций, заведующий сектором инновационной политики ИМЭМО РАН (danilin.iv@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4251-1998

ДЕСЯТСКИ Екатерина Анатольевна, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404

ДМИТРИЕВ Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН (america@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219

ЖУКОВ Станислав Вячеславович, доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе, главный научный сотрудник Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН (zhukov@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2021-2716

ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, руководитель Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X

ЗАГАШВИЛИ Владислав Степанович, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором внешнеэкономической политики отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО РАН (zagashvili@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-2037-5729

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (zvyagel@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-5937-9997

ИБРАГИМОВ Ибрагим Эминович, младший научный сотрудник группы изучения региональных отношений лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (ibragimov.ie@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-9669-4243

КАНАЕВ Евгений Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (ekanaev@hse.ru), ORCID: 0000-0002-7988-4210

КВАШНИН Юрий Дмитриевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра европейских исследований ИМЭМО РАН (kvashnin@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2042-7215

КИСЛИЦЫН Сергей Владимирович, кандидат политических наук, руководитель Центра изучения стратегического планирования ИМЭМО РАН (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964

КОПЫТИН Иван Александрович, кандидат экономических наук, руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН (kopytin@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-7824-2670

КРАМНИК Илья Александрович, младший научный сотрудник группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН (ikramnik@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1716-6261

КУДИНОВА Ольга Николаевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник группы анализа товарных рынков и корпоративных услуг Центра промышленных и

инвестиционных исследований ИМЭМО РАН (kudinova@imemo.ru)

КУПРИЯНОВ Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель группы Южной Азии и региона Индийского океана Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (a.kupriyanov@imemo.ru), ORCID 0000-0002-9041-6514

ЛАЗОВСКИЙ Станислав Олегович, младший научный сотрудник группы изучения общих проблем региона лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (stas-jesin@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-1249-3634

ЛЕОНТЬЕВА Елена Львовна, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (e_leont@voxnnet.ru)

ЛОМАНОВ Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (Lomanov@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2676-4271

ЛУКАШИН Юрий Павлович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора прогнозирования мировой экономики и политики Центра прогнозных исследований ИМЭМО РАН (loukaschin@imemo.ru)

ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук, заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (sergeylukonin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-8120-0420

МАЛАШЕНКО Алексей Всеволодович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник группы стратегических оценок Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (AMalashenko@doc-research.org), ORCID: 0000-0001-8862-304X

МАЛЫШЕВА Дина Борисовна, доктор политических наук, заведующий сектором Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (dsheva@mail.ru), ORCID: 0000-0002-8625-6132

МАМЕДЬЯРОВ Заур Аязович, кандидат экономических наук, заведующий сектором экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (mamedyarov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4336-1020

МЕДЖИДОВА Джаннета Джамаловна, младший научный сотрудник сектора прогнозирования мировой экономики и политики центра прогнозных исследований ИМЭМО РАН (medzhidova@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1063-3162

МИГРАНЯН Азгануш Ашотовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора Кавказа центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (n.mihryan@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-6014-5955

МИРКИН Яков Моисеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН (yakov.mirkin@gmail.com), ORCID: 0000-0003-2507-9811

НЕВСКАЯ Анастасия Алексеевна, кандидат экономических наук, заведующий сектором исследований Европейского союза центра европейских исследований ИМЭМО РАН (nevs kaya@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3939-8760

НИКИТИНА Елена Николаевна, кандидат экономических наук, заведующий сектором глобальных экономических проблем отдела глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО РАН (elenanikitina@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8431-7990

ПОДКОЛЗИНА Инна Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора исследований Европейского союза Центра европейских исследований ИМЭМО РАН (inna.a.podkolzina@gmail.com), ORCID: 0000-0002-9243-7992

ПОПОВ Владимир Васильевич, кандидат военных наук, старший научный сотрудник сектора проблем корпоративного управления и инвестиций Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН (vlvaspopov@rambler.ru), ORCID: 0000-0001-5299-958X

ПРИТЧИН Станислав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора Центральной Азии Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН (Pritchinn.stanislav@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-9464-9836

САМАРСКАЯ Людмила Максимовна, младший научный сотрудник группы изучения региональных отношений лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (saluma@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-4596-4404

СВИСТУНОВА Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник группы изучения региональных отношений лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (isvistunova@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-5191-9090

СОЛОВЬЕВ Эдуард Геннадьевич, кандидат политических наук, руководитель центра постсоветских исследований, заведующий сектором теории политики ИМЭМО РАН (solovyev@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4433-3291

СУРКОВ Николай Юрьевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник группы изучения общих проблем региона лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (nsurkov@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7185-7990

ТЮКАЕВА Татьяна Иршатовна, кандидат политических наук, научный сотрудник группы изучения общих проблем региона лаборатории "Центр ближневосточных исследований" ИМЭМО РАН (tatyana-tyukaeva@yandex.ru), ORCID: 0000-0003-0758-4187

УТКИН Сергей Валентинович, кандидат политических наук, руководитель группы стратегических оценок, ведущий научный сотрудник Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (sv.utkin@gmail.com), ORCID: 0000-0003-3275-7297

ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич, доктор экономических наук, руководитель группы общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (a.fedorovsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3892-8432

ФРУМКИН Борис Ефимович, кандидат экономических наук, руководитель группы анализа текущих экономических проблем, ведущий научный сотрудник Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН (boris.frumkin@mail.ru), ORCID: 0000-0002-1821-0140

ХУДЯКОВА Людмила Семеновна, кандидат экономических наук, заведующий отделом глобальных экономических проблем и внешнеэкономической политики ИМЭМО РАН (L.khudyakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-6680-6734

ШВЫДКО Виталий Григорьевич, кандидат экономических наук, руководитель группы экономики и политики Японии Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН (v_shvydko@mail.ru), ORCID: 0000-0002-7784-1655

ШИРОКОВ Сергей Сергеевич, научный сотрудник сектора прогнозирования мировой экономики и политики Центра прогнозных исследований ИМЭМО РАН (shirokov@imemo.ru)

Вклад авторов:

Дынкин А.А., Барановский В.Г. – научное руководство; концепция исследования.

Кобринская И.Я. – научное руководство; концепция исследования; методология исследования; автор раздела “Политика”; итоговые выводы.

Мачавариани Г.И. – научное руководство; концепция исследования; методология исследования; автор раздела “Экономика”; итоговые выводы.

Адно Ю.Л., Афонцев С.А., Богаевская О.В., Дмитриев С.С., Загашвили В.С., Кудинова О.Н., Леонтьева Е.Л., Лукашин Ю.П., Луконин С. А., Меджидова Д.Д., Мигранян А.А., Невская А.А., Никитина Е.Н., Подколзина И.А., Попов В.В., Фрумкин Б.Е., Худякова Л.С., Широков С.С. – авторы раздела “Экономика”.

Богачева А.С., Вода К.Р., Володин А.Г., Давыдов А.А., Десятски Е.А., Журавлева В.Ю., Звягельская И.Д., Ибрагимов И.Э., Канаев Е.А., Квашнин Ю.Д., Кислицын С.В., Крамник И.А., Куприянов А.В., Лазовский С.О., Малашенко А.В., Малышева Д.Б., Притчин С.А., Самарская Л.М., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю., Тюкаева Т.И., Федоровский А.Н. – авторы раздела “Страны и регионы”.

Вартазарова Л.С. – автор раздела “Политика”.

Данилин И.В., Мамедьяров З.А. – авторы раздела “Технологии”.

Жуков С.В., Копытин И.А. – авторы раздела “Энергетика”

Миркин Я.М. – автор раздела “Финансы”

Соловьев Э.Г., Уткин С.В. – авторы разделов “Страны и регионы”, “Политика”

Швыдко В.Г. – автор разделов “Экономика”, “Страны и регионы”.

DOI: 10.20542/afj-2022-1-13-39

УДК: 338.27

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ В КОНТЕКСТЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗДОРОВОГО СТАРЕНИЯ ООН

© СИНДЯШКИНА Е. Н., 2022

СИНДЯШКИНА Евгения Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела комплексных социально-экономических исследований Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований (syndyash@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-6410-5643.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23.

Синдяшкина Е.Н. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в контексте Десятилетия здорового старения ООН. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 1, сс. 40-53. DOI: 10.20542/afij-2022-1-40-53

DOI: 10.20542/afij-2022-1-40-53

УДК: 338.27

Поступила в редакцию 09.12.2021.

Доработана после рецензирования 23.01.2022.

Принята к публикации 05.04.2022.

Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни широко применяется в демографических и социальных прогнозах. Пандемия коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в долгосрочные тенденции роста продолжительности жизни, отразилась на перспективах здорового старения. В статье рассматриваются методологические вопросы измерения ожидаемой продолжительности здоровой жизни, межстрановые сопоставления, основные тенденции и особенности формирующегося неравенства в этой сфере. Повышение продолжительности здоровой жизни, активное долголетие, развитие “серебряной экономики” могут стать ответом на демографические вызовы старения при наличии необходимых ресурсов как на уровне стран, так и на уровне групп населения.

Ключевые слова: продолжительность здоровой жизни, старение, здоровье, неравенство, социальная политика, активное долголетие, “серебряная экономика”, пандемия COVID-19, прогнозные исследования.

Продолжительность жизни – один из конвенциональных показателей общественного прогресса, входящий в состав Индекса человеческого развития (ИЧР). При расчете ИЧР учитываются значения трех компонентов: благосостояния, образования и долголетия. Индикатором последнего как раз и служит “ожидаемая продолжительность жизни при рождении”, которая, в свою очередь, позволяет в наиболее общем виде оценить состояние здоровья населения. В международной статистике и в прогнозных исследованиях применяется также интегральный показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни, позволяющий объединить информацию о состоянии здоровья и смертности населения.

Социальный контекст изучения ожидаемой продолжительности здоровой жизни наряду с медицинскими аспектами включает широкий круг проблем в различных сферах: неравенство качества жизни, в том числе неравенство здоровья населения и возможности прогресса в этой области для развитых и развивающихся стран; социальная политика и социальные обязательства государства; демографические тенденции и вызовы, в первую

очередь вопросы старения населения; прогнозные исследования демографических и социальных процессов.

Пандемия новой коронавирусной инфекции, ставшая событием, без преувеличений перевернувшим жизнь современного общества, резко прервала сформировавшиеся долгосрочные тенденции в области состояния здоровья населения, ожидаемой продолжительности жизни в мире, отразилась на перспективах здорового старения, породила новые аспекты неравенства, привела к изменениям в социальной политике и системах здравоохранения. Все эти вопросы требуют нового осмысления, анализа, оценок перспектив развития и возможностей прогресса в этих областях.

Из всех разнообразных аспектов проблематики ожидаемой продолжительности здоровой жизни в данной статье рассматриваются три блока вопросов: методологические вопросы измерения; наблюдаемое в мире неравенство в этой области и активное долголетие как один из возможных ответов на демографические вызовы старения.

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ СТАТИСТИКЕ

Прежде чем говорить о тенденциях ожидаемой продолжительности здоровой жизни и их взаимосвязи с проблемами старения населения, необходимо остановиться на методологических аспектах измерения, специфике и сфере применения показателя ожидаемой продолжительности здоровой жизни.

Показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни, используемый в международной статистике, – прогнозный показатель, показывающий, сколько лет человеку предстоит прожить в здоровом состоянии при условии, что на протяжении его жизни возрастные уровни смертности и заболеваемости не изменятся. Идея обобщающего индикатора, позволяющего учитывать и продолжительность жизни, и состояние здоровья, была предложена в 1964 г. Б. Сандерсом [1]. Название “Ожидаемая продолжительность здоровой жизни” (*Health Adjusted Life Expectancy, HALE*) было сформулировано Д. Салливаном в 1971 г., он также разработал теоретические основы и методологические подходы к расчетам [2]. В настоящее время используются различные варианты этого индикатора или производных от него, но принцип расчета не меняется – продолжительность здоровой жизни (*HALE*) определяется как разность между общей продолжительностью жизни и числом лет, прожитых в нездоровом состоянии.

При этом разграничение здорового и нездорового состояния является ключевой проблемой при оценке *HALE*. Измерение отдельных показателей здоровья населения, таких как заболеваемость в расчете на 1000 человек населения по видам болезней, смертность по причинам смерти и по возрастам, не представляет затруднений, тогда как обобщенная оценка состояния здоровья – весьма сложная методологическая задача, не предполагающая простых и однозначных решений. Методологические сложности обусловлены неоднозначностью возможных определений границ между здоровым и нездоровым состоянием, а также множественностью градаций степени нездорового состояния; обратимостью нарушений (возможностью полного или частичного выздоровления).

Можно выделить два основных подхода к оценке состояния здоровья при расчете ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Первый базируется на официальной статистике заболеваемости и выявленных закономерностях ухудшения здоровья после перенесенных заболеваний – этот подход использует Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Второй подход, практикуемый, в частности, Евростатом, а также Росстатом, основывается на самооценках населения, получаемых в ходе различных национальных и международных обследований.

Подход ВОЗ. Оценки продолжительности здоровой жизни опираются на данные проекта “Изучение глобального бремени болезней” (ГББ)¹, который реализуется под эгидой ВОЗ и Всемирного банка. В ходе исследования бремени болезней К. Мюррэй и А. Лопес предложили использовать сравнительный индекс, который складывается из потерянных лет жизни в результате преждевременной смертности и лет, прожитых с нарушением здоровья, – “количество потерянных лет здоровой жизни” (*Disability Adjusted Life Year, DALY*) [3]. В дальнейшем методика была модифицирована и подробно представлена в публикациях [4; 5; 6].

Количество потерянных лет здоровой жизни для каждого вида заболеваний определяется как сумма лет жизни, потерянных в результате смертности от него, и лет жизни, прожитых с нарушением здоровья, вызванным данным заболеванием. При оценке лет жизни, прожитых с нарушением здоровья, количество случаев заболевания (по каждому виду) за определенный период умножается на его среднюю продолжительность и условный коэффициент тяжести по шкале от 1 (смерть) до 0 (полное здоровье), который определяется на основании разработанной математической модели [5]. После оценки потерянных лет здоровой жизни вычисляется ее ожидаемая продолжительность.

Многие исследователи отмечают ряд сложностей и ограничений применения такой методики [7; 8]. Прежде всего, это связано с условностью критериев степени потери здоровья, также во многих странах недостаточно статистических данных для выполнения всех предусмотренных методикой расчетов, что и приводит к необходимости использования математического моделирования, различных экспертных оценок и допущений для получения данных. Тем не менее на сегодняшний день это основной общепринятый в международной статистике инструмент оценки ожидаемой продолжительности здоровой жизни. ВОЗ широко использует показатель *HALE* для мониторинга ситуации в сфере здоровья населения в различных странах, для разработки рекомендаций по увеличению продолжительности здоровой жизни и сокращению межгосударственного неравенства. Результаты публикуются в докладах ВОЗ “Мировая статистика здравоохранения”² и на сайте Всемирной организации здравоохранения в разделе “Глобальное наблюдение за здоровьем”³.

Подход Евростата. Статистическая служба Европейского союза, в дополнение к данным ВОЗ, рассчитывает показатель “Годы здоровой жизни” (*Healthy Life Years, HLY*), называемый также “Ожидаемая продолжительность жизни без нарушений здоровья” (*Disability-Free Life Expectancy, DFLE*). Этот индикатор тоже объединяет информацию о смертности и состоянии здоровья, однако методика отличается от используемой ВОЗ. Если Всемирная организация здравоохранения при оценке потерь лет здоровой жизни основывается в первую очередь на статистике заболеваемости и моделях расчета потерь по группам болезней, то данные Евростата в основном базируются на самооценках населением своего состояния.

Евростат публикует ряд данных, характеризующих состояние здоровья населения^{4,5}, на основании которых оценивается ожидаемая продолжительность здоровой жизни, по следующим разделам:

- самооценка здоровья и благополучия (симптомы депрессии по степени тяжести; самооценка своего здоровья в целом);
- самооценка функциональных ограничений (физические и сенсорные ограничения; затруднения в самообслуживании и в ведении домашнего хозяйства для лиц в возрасте 65 лет и старше; самооценка длительных ограничений в обычной деятельности из-за проблем со здоровьем);

¹ *Global Burden of Disease*. Institute for Health Metrics and Evaluation. Available at: <http://www.healthdata.org/gbd/2019> (accessed 15.09.2021).

² *World Health Statistics*. World Health Organization. Available at: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/en/ (accessed 20.09.2021).

³ *The Global Health Observatory: Explore a World of Health Data*. World Health Organization. Available at: <https://www.who.int/data/gho> (accessed 10.10.2021).

⁴ *Self-Perceived Long-Standing Limitations in Usual Activities due to Health Problem by Sex, Age and Labour Status*. Eurostat. Available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=hlth_silc_06&lang=en (accessed 13.09.2021).

⁵ *Self-Perceived Health by Sex, Age and Labour Status*. Eurostat. Available at: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=hlth_silc_01&lang=en (accessed 15.09.2021).

- самооценка хронической заболеваемости;
- травмы в результате несчастных случаев (со слов респондентов);
- детерминанты здоровья (индекс массы тела; оздоровительная физическая нагрузка; употребление фруктов и овощей; употребление табачных изделий и алкоголя).

Подход Росстата. В России с 2019 г. также рассчитывается показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении, для расчетов используются данные таблиц смертности и данные Выборочного наблюдения состояния здоровья населения. В Выборочном наблюдении представлен широкий круг вопросов, касающихся различных аспектов здоровья. Наряду с прямым вопросом “Как в целом вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время” (от очень хорошего до очень плохого) задаются вопросы о наличии различных хронических заболеваний, а также о наличии недомоганий и функциональных нарушений по направлениям: подвижность; уход за собой; привычная повседневная деятельность; наличие боли или какого-либо дискомфорта, тревоги, депрессии⁶.

Этот блок вопросов, во многом сходный с вопросами Евростата, представляется исключительно важным прежде всего с позиций оценки продолжительности здоровой жизни, так как именно наличие либо отсутствие подобных ограничений и затруднений в повседневной жизни в значительной степени определяет здоровую жизнь. Также подобная информация необходима для определения потребности в инфраструктуре по уходу за пожилыми лицами и инвалидами. Однако, согласно методике Росстата, здоровое и нездоровое состояние оценивается на основании ответа на единственный вопрос (“Как в целом вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?”)⁷, без учета ответов на детализирующие вопросы, позволяющие более полно учесть ограничения здоровья и повысить объективность оценок. То есть подходы к оценке продолжительности здоровой жизни в методике Росстата близки к применяемым в Евростате, но расчеты проводятся в несколько упрощенной форме.

Таким образом, количество лет здоровой жизни (*HLY*), рассчитываемое Евростатом, несопоставимо с показателем *HALE*, рассчитываемым ВОЗ. Самооценка состояния здоровья носит субъективный характер, на нее влияет также принадлежность к той или иной социальной группе, поскольку люди с разным социально-экономическим статусом могут различным образом интерпретировать понятия здорового и нездорового состояния. Измеритель, используемый ВОЗ, более объективен, обеспечивает большую сопоставимость данных и в большей степени пригоден для межстрановых сравнений. При этом *HLY*, рассчитываемый Евростатом, позволяет учесть восприятие своего здоровья людьми, а также оценить испытываемые в повседневной жизни ограничения и, следовательно, потребность в уходе, в развитии соответствующих медицинских и социальных служб.

Использование различных способов оценки состояния здоровья при расчете ожидаемой продолжительности здоровой жизни позволяет в определенной степени нивелировать различные допущения и условности расчетов и выбирать наиболее адекватные для различных сфер применения и решаемых задач показатели. Так, для анализа неравенства ожидаемой продолжительности здоровой жизни в мире и тенденций в этой области более прочих подходит показатель ВОЗ, хотя и данные Евростата могут дать полезную дополнительную информацию. При анализе взаимосвязи продолжительности здоровой жизни с возможностями активного долголетия повышается значимость показателя Евростата, учитывающего различные функциональные ограничения и препятствия для активной жизни.

⁶ Выборочное наблюдение состояния здоровья населения 2020. Росстат. [The Selective Surveys of the State of Health of the Population 2020. Federal State Statistics Service. (In Russ.)] Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/ZDOR20/PublishSite_2020/index.html (accessed 20.10.2021).

⁷ Приказ от 25 февраля 2019 года № 95 об утверждении методики расчета показателя “Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)”. Министерство экономического развития Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. [The Order on February 25, 2019 no. 95 on Approval of the Methodology for Calculating the Indicator ‘Healthy Life Expectancy (Years)’: Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Federal State Statistics Service (In Russ.)] Available at: <https://docs.cntd.ru/document/552499807> (accessed 10.10.2021).

ТЕНДЕНЦИИ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ В МИРЕ

Говоря о неравенстве в сфере здоровья населения и возможностях прогресса в этой области для стран с высоким и низким доходом, прежде всего рассмотрим сложившиеся до пандемии долгосрочные тенденции в динамике ожидаемой продолжительности здоровой жизни, иллюстрируемые данными ВОЗ и Евростата.

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни по оценкам ВОЗ. За два прошедших десятилетия (2000–2019) в мире был достигнут значительный прогресс в области долголетия; общая ожидаемая продолжительность жизни увеличилась на 6.5 лет, продолжительность здоровой жизни – на 6 лет (здесь и далее см. данные табл. 1). Однако, несмотря на очевидный прогресс, сохраняется высокий уровень неравенства в вопросах долголетия и здоровья. Разрыв в продолжительности здоровой жизни и между регионами ВОЗ, и между группами стран с низким и высоким доходом достигает 13 лет, а между странами – лидерами по продолжительности здоровой жизни (Япония и Сингапур) и беднейшими странами с самыми низкими показателями (Лесото и Центральнаяафриканская Республика) – 28–30 лет (74 года и 44–46 лет)⁸.

Таблица 1. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (HALE), лет

	при рождении			в возрасте 60 лет		
	2000	2019	2019/2000, %	2000	2019	2019/2000, %
Весь мир	58	64	110.3	14.1	15.8	112.1
Регионы ВОЗ						
Африканский	46	56	121.7	11.5	13.3	115.7
Американский	64	66	103.1	15.7	16.6	105.7
Юго-Восточной Азии	55	61	110.9	12.0	13.7	114.2
Европейский	64	68	106.3	15.0	17.1	114.0
Восточного Средиземноморья	57	60	105.3	12.9	13.6	105.4
Западной части Тихого океана	64	69	107.8	14.7	16.5	112.2
Группы стран по уровню доходов						
Низкий доход	47	57	121.3	11.4	13	114.0
Ниже среднего	54	60	111.1	12.1	13.5	111.6
Выше среднего	62	67	108.1	14.0	16.0	114.3
Высокий	68	70	102.9	16.6	18.2	109.6

Источник: составлено автором по данным Всемирной организации здравоохранения⁹.

При этом наиболее интенсивный рост показателей продолжительности здоровой жизни наблюдался в Африканском регионе ВОЗ – на 10 лет или на 21.7%, тогда как в Американском регионе рост составил только два года или 3.1%. Как отмечается в исследовании “Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты”, чем выше уровень социально-экономического развития страны, тем труднее добиться дальнейшего прогресса в области здоровья населения, для этого требуется перманентное увеличение финансирования и внедрение все более сложных медицинских технологий [9]. Особенно ярко эта закономерность проявляется при группировке стран по уровню дохода (классификация Всемирного банка по уровню валового национального дохода – ВНД на душу населения): рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни замедляется от 121.0% в группе стран с низким доходом до 102.9% – в группе стран с высоким доходом.

⁸ The Global Health Observatory...Op. cit.

⁹ Healthy Life Expectancy (HALE) at Birth (Years). World Health Organization. Available at: <https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/gho-ghe-hale-healthy-life-expectancy-at-birth> (accessed 22.09.2021).

В бедных развивающихся государствах такие результаты достигаются прежде всего за счет сокращения младенческой и материнской смертности, детской смертности в результате широкого внедрения давно применяемых в развитых странах методов лечения и профилактики, причем эти медицинские практики распространяются при поддержке экономически развитых стран и международных организаций. В развитых странах возможности такого роста уже исчерпаны, что наглядно иллюстрируется данными о соотношении расходов на здравоохранение и продолжительности здоровой жизни. Например, во Франции, Дании, Нидерландах, Великобритании при доле расходов на здравоохранение в ВВП 10–11% продолжительность здоровой жизни выросла с 2000 г. на 2–3 года, тогда как в Анголе, Конго, Эритрее – на 9–12 лет при расходах на здравоохранение 2.8–2.9% ВВП^{10,11,12}.

Таким образом, происходит постепенное сокращение неравенства между странами с низким и высоким доходом. При этом необходимо отметить, что бедные страны догоняют экономически развитые только по продолжительности здоровой жизни при рождении, тогда как разрыв между ними по продолжительности жизни в старших возрастах с 2000 г. не изменился и по-прежнему составляет 5.2 года.

В России как ожидаемая продолжительность жизни в целом, так и продолжительность здоровой жизни значительно ниже, чем в экономически развитых странах. Так, если рассматривать данные по регионам ВОЗ, то РФ опережает только Африканский регион, регионы Юго-Восточной Азии и Восточного Средиземноморья. От средних показателей продолжительности здоровой жизни по Европейскому региону Россия в 2019 г. отставала на 4 года, а от наиболее благополучных в этом отношении стран Европейского региона – на 9–10 лет. Однако разрыв постепенно сокращается. По темпам роста (112.3%) РФ опережает средний уровень по своей группе государств – и по Европейскому региону ВОЗ, и по странам с доходом выше среднего. Причем более быстрый, чем в России, рост наблюдался только в Африканском регионе ВОЗ и в группе стран с низкими доходами.

По продолжительности жизни в старших возрастах (в возрасте 60 лет) экономически развитые государства также существенно опережают Россию. Отставание России от среднего показателя по Европейскому региону составляло 2.1 года, от стран-лидеров (Франция, Испания, Швейцария) – 5.5 лет. При этом опережающий рост продолжительности жизни в возрасте 60 лет в России на мировом фоне выражен значительно ярче, чем продолжительности жизни при рождении. За 20 лет ожидаемая продолжительность здоровой жизни в возрасте 60 лет в России выросла на 22%, при этом в регионах ВОЗ рост составил от 5.4% в странах Восточного Средиземноморья до 15.7% в Африканском регионе.

Рассмотрим подробнее ситуацию с ожидаемой продолжительностью здоровой жизни в Европейском регионе, в который наряду со странами, расположенными в Европе, ВОЗ включает Турцию, Израиль, постсоветские государства, географически относящиеся к Азии. Разброс показателя *HALE* при рождении демонстрирует значительный уровень неравенства в Европейском регионе – от 73 лет в Швейцарии до 62 в Туркменистане в 2019 г., во главе списка – страны Северной, Западной, Южной Европы, средние показатели отмечаются в Восточной Европе, самые низкие – в большинстве постсоветских государств. Россия входит в число пяти стран, замыкающих список, опережая только Таджикистан и Туркменистан, однако по темпам роста она на втором (после Казахстана) месте. В число стран с опережающим ростом *HALE* также входят Узбекистан, Киргизия, Азербайджан, Молдавия и другие государства с низкой продолжительностью здоровой жизни, подтверждая тезис о том, что “чем на более

¹⁰ *Healthy Life Expectancy (HALE) at Birth (Years)...* Op. cit..

¹¹ *Total Health Care Expenditure*. Eurostat. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00207/default/table?lang=en> (accessed 10.09.2021).

¹² *Рейтинг стран мира по уровню расходов на здравоохранение*. Всемирная организация здравоохранения. [Ranking of Countries in the World by the Level of Spending on Health Care. World Health Organization. (In Russ.)] Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/global-health-expenditure> (accessed 15.10.2021).

низком уровне экономического развития находится та или иная страна, тем меньшие затраты требуются для улучшения ситуации. С ростом качества жизни все большие ресурсы требуются для дальнейшего прогресса” [9, с. 23].

По оценкам Европейского бюро ВОЗ, при сохранении сложившихся тенденций постсоветским странам может потребоваться до 50 лет, а “новым” странам Европейского союза – до 25 лет, чтобы достичь сложившихся в “старых” странах ЕС уровня продолжительности жизни и смертности от предотвратимых заболеваний [10]. Вместе с тем у постсоциалистических стран имеется значительный потенциал для ускоренного сокращения отставания за счет использования новых технологий и накопленного опыта по сокращению смертности. Именно эта тенденция и наблюдается в настоящее время в Европейском регионе ВОЗ, где темп роста показателя *HALE* за 2000–2019 гг. в Казахстане достиг 116.1%, в Узбекистане, Киргизии, Азербайджане, Молдавии – 110.2–112.1%, тогда как в странах Западной Европы прогресс в этой области замедляется. В таких странах, как Австрия, Бельгия, Германия и ряде других, рост *HALE* составлял 104.4%, в Нидерландах, Великобритании, Швеции – 102.9%¹³.

Влияние пандемии COVID-19 на ожидаемую продолжительность здоровой жизни. Итак, до 2020 г. продолжительность здоровой жизни, по оценкам ВОЗ, в мире устойчиво повышалась, разрыв между бедными и экономически развитыми странами постепенно сокращался. Однако пандемия коронавирусной инфекции, ставшая самым масштабным глобальным кризисом в области здоровья населения со времен гриппа 1918 г., внесла свои коррективы в долгосрочные тренды роста продолжительности жизни, превратившись в глобальную угрозу здоровью населения. На начало декабря 2021 г. в мире переболели *COVID-19* около 265 млн человек, из которых умерло более 5 млн, и эти показатели с каждым днем увеличиваются. Причем, с учетом многочисленных случаев бессимптомного течения болезни, неполного охвата диагностическим тестированием, реальная заболеваемость может быть значительно выше официально зарегистрированной. Кроме того, пандемия косвенно вызвала значительное число дополнительных смертей, что неизбежно привело к сокращению продолжительности жизни во многих странах.

В результате в 2020 г. ожидаемая продолжительность жизни сократилась почти во всех странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за исключением Японии, Дании, Финляндии, Норвегии, Латвии, Колумбии и Коста-Рики, особенно значительно продолжительность жизни упала в США (на 1.6 года), Испании (1.5 года), а также Литве, Польше, Италии, Бельгии (на 1.2–1.3 года)¹⁴. Такой разброс данных объясняется различными обстоятельствами, включая доступность медицинской помощи, запас прочности систем здравоохранения, вариации вводимых государством ограничительных мер, масштабы вакцинации, соблюдение населением масочного режима и социального дистанцирования и другими.

Данные об ожидаемой продолжительности здоровой жизни на момент подготовки статьи не были опубликованы, однако естественно предположить значительное снижение этого показателя в большинстве стран, обусловленное как ростом смертности и заболеваемости, так и проявлением в дальнейшем еще не до конца изученных долгосрочных негативных последствий для здоровья людей, переболевших *COVID-19*. Особенно негативно пандемия влияет на общую продолжительность и продолжительность здоровой жизни в старших возрастах; пожилой возраст остается основным фактором риска тяжелого течения и летального исхода заболевания [11]. По оценкам ОЭСР, более 90% случаев смерти от коронавирусной инфекции в 2020 г. приходилось на лиц в возрасте 60 лет и старше. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в 2020 г. в странах ОЭСР снизилась в среднем на 0.6 года, снижение наблюдалось в 18 из 25 стран, по которым имеются данные [12].

¹³ *Healthy Life Expectancy (HALE) at Birth (Years)*...Op. cit.

¹⁴ *Life Expectancy at Birth*. Organisation for Economic Co-operation and Development. Available at: <https://data.oecd.org/healthstat/life-expectancy-at-birth.htm#indicator-chart> (accessed 03.12.2021).

Еще одним эффектом пандемии стало нарастание неравенства в мире. По данным ВОЗ, по состоянию на 1 мая 2021 г. только 1% доз вакцины приходится на страны с низкими доходами, 19% – на страны с доходами ниже среднего, 33% – с уровнем дохода выше среднего и 47% – с высоким уровнем дохода¹⁵. Первоначально заболеваемость COVID-19 была сконцентрирована в основном в государствах с высоким уровнем дохода. Однако в последнее время происходит дрейф заболеваемости к низкоресурсным странам, что еще более усиливает неравенство в области здоровья и продолжительности здоровой жизни.

Также обострилось внутристрановое неравенство, особенно сильно пострадали уязвимые группы населения, которые столкнулись с повышенным риском заражения, тяжелых форм заболевания и смерти. Как отмечается в докладе ОЭСР, существует явный социальный градиент риска заражения и смерти от коронавирусной инфекции, пандемия выявила и усугубила существующее неравенство в обществе. По данным экспертов ОЭСР, риск заражения и тяжелых последствий для здоровья выше среди лиц, живущих в неблагополучных районах, лиц с низкими доходами, с более низким уровнем образования, а также среди этнических меньшинств и иммигрантов [12].

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в странах ЕС по оценкам Евростата. Данные ВОЗ за период 2000–2019 гг. демонстрируют устойчивый рост показателей продолжительности здоровой жизни (до пандемии) в мире и, в частности, в Европейском регионе, тогда как по данным Евростата наблюдалось снижение показателей в ряде стран ЕС. Такая парадоксальная ситуация свидетельствует о том, что в экономически развитых странах население предъявляет более высокие требования к своему здоровью и качеству жизни в целом, что отражается в субъективных оценках здоровья и функциональных ограничений.

По данным Евростата за 2019 г., верхняя граница количества лет здоровой жизни при рождении совпадает с показателем *HALE*, используемым ВОЗ, – 73 года в Швеции и на Мальте, нижняя граница – на девять лет ниже (53 года в Латвии); при этом страны – лидеры по уровню *HALE* не обязательно оказываются среди первых в списке Евростата¹⁶. Статистическая служба ЕС отмечает снижение количества лет здоровой жизни за 2010–2019 гг. в целом ряде государств. Динамика показателя на отдельных интервалах времени нестабильна, меняется от года к году и от страны к стране.

Такие колебания прежде всего связаны с методикой, применяемой Евростатом. Если общая продолжительность жизни – это объективный расчетный показатель, определяемый статистикой смертности, то корректировка его с учетом состояния здоровья по самооценке населения вносит субъективную составляющую в величину продолжительности здоровой жизни. Самооценка может отражать не только и не столько состояние здоровья индивида, сколько общую удовлетворенность жизнью, ощущение тревоги, депрессии, которые, в свою очередь, подвержены влиянию не только медицинских факторов, но и экономической, социально-политической ситуации и общей атмосферы в обществе. Например, можно предположить, что снижение продолжительности здоровой жизни в Латвии, Литве, Эстонии отражает некоторое разочарование общества и неоправдавшиеся ожидания относительно подъема уровня жизни после вступления в Европейский союз, а также проблемы русскоязычного населения; в Великобритании – напряжение в обществе в связи с выходом из ЕС.

Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России по оценкам Росстата. Данные ВОЗ позволяют сопоставить показатели общей и здоровой продолжительности жизни в России со странами и регионами мира. В дополнение к оценкам ВОЗ в России с 2019 г. также рассчитывается показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении по методике Росстата¹⁷, построенной на схожих с подходами

¹⁵ World Health Statistics... Op. cit.

¹⁶ Healthy Life Years at Birth by Sex. Eurostat. Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00150/default/table?lang=en> (accessed 12.09.2021)

¹⁷ Приказ от 25 февраля 2019 года № 95 об утверждении методики расчета... Указ. соч.

Евростата принципах, но, как отмечалось выше, менее полно учитывающей различные функциональные нарушения и ограничения здоровья.

Ожидаемая продолжительность жизни в России стабильно росла с 2004 г. В 2020 г. под влиянием пандемии впервые за этот период произошло снижение на 1.8 года, то есть больше, чем в любой из стран ОЭСР. Продолжительность здоровой жизни за год снизилась на 1.4 года. Хотя данные Росстата о продолжительности здоровой жизни не могут использоваться для межстрановых сопоставлений, этот показатель весьма полезен для анализа внутрироссийской дифференциации состояния здоровья населения. В табл. 2 представлены регионы-лидеры и аутсайдеры по продолжительности здоровой жизни в 2020 г. По сравнению с 2019 г. состав регионов с максимальной и минимальной продолжительностью здоровой жизни несколько изменился, однако судить о каких-либо тенденциях пока рано, поскольку 2020 г. стал исключительным в плане заболеваемости и смертности населения.

Таблица 2. Регионы с максимальной и минимальной ожидаемой продолжительностью здоровой жизни при рождении в 2020 г., лет

Минимальная продолжительность			Максимальная продолжительность		
Российская Федерация 58.9					
1	Чукотский автономный округ	37.0	1	Республика Дагестан	68.2
2	Ненецкий автономный округ	43.9	2	Республика Татарстан	66.9
3	Еврейская автономная область	48.3	3	Чеченская Республика	66.4
4	Республика Марий Эл	49.9	4	Ханты-Мансийский АО - Югра	62.4
5	Республика Тыва	50.5	5	Москва	61.6
6	Орловская область	50.8	6	Московская область	61.1
7	Республика Алтай	51.0	7	Ярославская область	61.0
8	Курская область	52.4	8	Белгородская область	61.0
9	Магаданская область	52.8	9	Республика Ингушетия	60.6
10	Республика Карелия	53.4	10	Республика Саха (Якутия)	60.6

Источник: составлено автором по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)¹⁸.

Обращает на себя внимание значительный разрыв в продолжительности здоровой жизни между российскими регионами. Так, в 2019 г. продолжительность здоровой жизни в регионе-лидере (Ингушетия) была на 37% выше, чем в Чукотском АО, в 2020 г. разрыв между первым (Дагестан) и последним (Чукотский АО) регионами увеличился до 84% и составил более 30 лет – жизнь целого поколения. Хотя данные Росстата несопоставимы с данными ВОЗ, тем не менее с определенной степенью условности можно сравнить региональную дифференциацию продолжительности здоровой жизни в России с масштабами неравенства между странами и группами стран. По данным ВОЗ за 2019 г., разрыв показателя *HALE* при рождении между группами стран с высоким и низким доходом составлял 22.8%, между регионом Западной части Тихого океана и Африканским регионом – 23.2%, между странами Европейского региона 17.7%.

Таким образом, различия в продолжительности здоровой жизни между субъектами Российской Федерации достигают большего размаха, чем между группами стран с низким и высоким доходом, между регионами ВОЗ, между странами Европейского региона ВОЗ. Это еще раз подтверждает отмечаемую многими экспертами [13; 14; 15] проблему колоссальной региональной дифференциации качества жизни населения в Российской Федерации. Россия – одна из стран, для которых огромное значение

¹⁸ Ожидаемая продолжительность здоровой жизни. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). [Healthy life expectancy. Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS). (In Russ.)] Available at: <https://www.fedstat.ru/indicator/59456> (accessed 18.09.2021).

имеет территориальный аспект неравенства во всех его проявлениях. Под влиянием пандемии эта проблема применительно к области здоровья населения в РФ еще более обострилась [16; 17].

Еще раз обращаясь к методологическим вопросам количественной оценки ожидаемой продолжительности здоровой жизни, отметим, что независимо от метода измерения, наблюдается значительное неравенство в продолжительности здоровой жизни между странами и группами стран. Что касается динамики, то тенденции зависят от выбранного показателя. В связи с такой неоднозначностью измерителей продолжительности здоровой жизни необходимо выделить оптимальные сферы применения различных показателей.

Используемый ВОЗ показатель *HALE*, в значительной мере базирующийся на официальной статистике заболеваемости и моделях расчета потерянных лет здоровой жизни после перенесенных заболеваний, в большей степени пригоден для международных сопоставлений, для оценки результативности систем здравоохранения, для мониторинга ситуации в области здоровья населения, для разработки направлений борьбы с ключевыми заболеваниями в различных странах и регионах.

Как отмечается в докладе ВОЗ “Мировая статистика здравоохранения” за 2020 г., в странах с низким уровнем дохода основными причинами преждевременной смерти все еще остаются инфекционные заболевания и осложнения родов. Вместе с тем по мере прогресса в борьбе с инфекционными заболеваниями здесь повышается доля сердечно-сосудистых, онкологических, хронических респираторных заболеваний, диабета, для преодоления которых страны с низким уровнем дохода не располагают достаточными возможностями¹⁹. Также для низкодоходных государств все еще актуальны проблемы доступа к безопасному водоснабжению и охвата населения услугами здравоохранения. В странах с высоким уровнем дохода основными причинами смертности являются неинфекционные заболевания, прежде всего, сердечно-сосудистые и онкологические, что определяется как успехами в борьбе с инфекционными угрозами, так и возрастной структурой населения.

Отмеченные проблемы определяют основные пути сокращения преждевременной смертности и повышения ожидаемой продолжительности здоровой жизни, широко освещаемые в документах ВОЗ применительно к различным странам и регионам. В документах Всемирной организации здравоохранения рассматриваются как меры медицинского характера в области диагностики, лечения, реабилитации, профилактики, так и меры, направленные на формирование здорового образа жизни, повышение доступности медицинской помощи, а также высоко актуальное для стран с низкими доходами расширение доступа к безопасной питьевой воде и средствам санитарии, полноценному питанию.

Что касается экономически развитых стран, то наряду с внедрением новейших медицинских технологий и методов лечения, стимулирования здорового образа жизни, на первый план выходят социально-психологические и экономические аспекты здорового старения. Показатели, рассчитываемые Евростатом на основании самооценок населения в области состояния здоровья, различных функциональных нарушений и ограничений, в большей степени пригодны для оценки качества жизни и определения потребности в медицинском обслуживании, социальных услугах и уходе. Самооценка состояния здоровья, несмотря на субъективный характер, дает более полное представление о потребностях общества в условиях глобального тренда старения населения. Она имеет важное значение для определения масштабов потенциального спроса на медицинские и социальные услуги, для разработки социальной политики, отвечающей потребностям людей в меняющихся демографических условиях.

¹⁹ World Health Statistics... Op. cit.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЗДОРОВОЙ ЖИЗНИ И АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Говоря о неравенстве в сфере здоровья населения и возможностях прогресса в этой области для стран с высоким и низким доходом, прежде всего рассмотрим сложившиеся до пандемии долгосрочные тенденции в динамике ожидаемой продолжительности здоровой жизни, иллюстрируемые данными ВОЗ и Евростата.

Продолжительность жизни в мире в целом и в большинстве стран до 2020 г. постоянно увеличивалась. Надо полагать, что после завершения пандемии COVID-19 (которая, по опыту всех предшествующих пандемий и эпидемий, не может быть бесконечной) эта глобальная тенденция восстановится. При этом преимущества, связанные с ростом продолжительности жизни, в значительной степени зависят от состояния здоровья в старших возрастах. Эксперты ВОЗ и ООН постоянно подчеркивают, что растущая продолжительность жизни только тогда может рассматриваться как показатель социального прогресса, когда она сопряжена с улучшением здоровья в старших возрастных группах населения. В противном случае (если этот рост сопровождается ухудшением самочувствия, социальной изоляцией или зависимостью от ухода) последствия для пожилых людей и общества в целом могут быть весьма негативными [18; 19].

Таким образом, продолжительность жизни неразрывно связана с проблемами здорового старения. Процесс старения населения в мире все более ускоряется. Как отмечается в материалах Комиссии по народонаселению и развитию ООН, этот процесс – один из четырех глобальных демографических трендов наряду с ростом численности населения, урбанизацией и международной миграцией [20]. Он затрагивает все страны, однако в наибольшей степени проблемы старения сейчас актуальны для экономически развитых государств. Одновременно это – глобальный демографический вызов современности, оказывающий влияние практически на все аспекты жизни общества, включая систему здравоохранения, социальную защиту, сферу услуг, спрос на потребительские товары, систему образования, рынок труда, процессы цифровизации и др. ООН и Всемирная организация здравоохранения откликнулись на злободневную повестку: 2021–2030 гг. объявлены Десятилетием здорового старения [18]. Безусловно, достижение целей Десятилетия может оказаться под угрозой вследствие влияния пандемии, особенно негативно отразившейся на здоровье именно пожилых людей. Вместе с тем это делает еще более актуальными задачи здорового старения.

Увеличение доли пожилых людей в общей массе населения требует реформирования систем общественного здравоохранения и социального обслуживания, которые изначально были рассчитаны на совершенно другую возрастную структуру и иные задачи. Здесь возникает проблема ограниченности ресурсов, причем не только в бедных странах, но и в обществах с высоким уровнем дохода.

Кроме того, здоровое старение – это новые вызовы для прочих систем современного общественного уклада, включая как проблемы, вытекающие из изменения возрастной структуры населения, так и открывающиеся возможности и стимулы к развитию. Увеличение продолжительности здоровой жизни в старших возрастах удлиняет период трудовой деятельности, повышает потребность в программах непрерывного образования, расширяет спрос на товары и услуги, ориентированные на пожилых людей. Структурные изменения в экономике, инициированные процессом старения населения, принято называть “серебряной экономикой” (*Silver Economy*) или “экономикой долголетия” (*Longevity Economy*) [21; 22; 23].

В этой связи ВОЗ рассматривает здоровое старение как один из элементов более широкой концепции – концепции активного долголетия, позволяющей учесть все аспекты общественной жизни, связанные с увеличением доли людей преклонного возраста. Эта идея впервые была выдвинута ВОЗ в 2002 г. в Рамочной стратегии активного долголетия [24]. Названная концепция охватывает три аспекта жизни пожилых людей: здоровье, участие в общественных делах и защищенность. Сфера здоровья рассматривается

с позиций увеличения продолжительности периода физического благополучия; участие предполагает широкое вовлечение в общественную деятельность, включая трудовую, социальную и политическую, внутрисемейную активность; защищенность подразумевает обеспечение прав и потребностей пожилых людей.

Активное долголетие и развитие “серебряной экономики” могут стать в не столь отдаленном будущем одним из возможных ответов на демографический вызов старения населения. Однако, как отмечает ряд экспертов, формирование “серебряной экономики” и реализация потенциальных плюсов возрастного тренда не происходят автоматически [23]. Для их воплощения в жизнь необходимо выполнение, как минимум, трех условий. Прежде всего, это достижение высокой ожидаемой продолжительности именно здоровой жизни в пожилом возрасте. Также необходимы структурные, организационные, институциональные изменения, отвечающие меняющимся демографическим условиям, практически во всех сферах общественной жизни: в системе здравоохранения, социальной защиты, пенсионного обеспечения, образования, трудовых отношений. Наконец, требуются финансовые ресурсы, необходимые для реализации первых двух условий.

* * *

В современном мире сохраняется высокий уровень неравенства в вопросах долголетия и здоровья, несмотря на значительный прогресс в этих областях. Анализ динамики ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения свидетельствует, что более интенсивный ее рост происходит в странах с низким доходом. По мере увеличения благосостояния рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни замедляется. Однако постепенное сокращение неравенства между богатыми и бедными странами касается только продолжительности здоровой жизни при рождении. Разрыв между ними по продолжительности жизни в старших возрастах не сокращается.

Проблемы, связанные со старением населения, наиболее остро стоят в экономически развитых странах. Наряду с медицинскими аспектами повышения продолжительности здоровой жизни в них растет актуальность социально-психологических и экономических аспектов здорового старения и активного долголетия. Увеличение продолжительности здоровой жизни, особенно в старших возрастах, – необходимое условие активного долголетия. Последнее вкпе со здоровым старением может рассматриваться как ответ на глобальный демографический вызов – общее старение населения, создавая новые стимулы к развитию.

Вместе с тем здоровое старение, с одной стороны, задает новые направления, новые горизонты развития различных сфер общества: медицины, социальной защиты, образования, рынка труда, с другой, формирует новые аспекты неравенства в этих сферах, определяющиеся наличием необходимых ресурсов как на уровне стран, так и на уровне групп населения и отдельных индивидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Sanders B.S. Measuring Community Health Levels. *American Journal of Public Health*, 1964, vol. 54, no. 7, pp. 1063-1070. DOI: 10.2105/ajph.54.7.1063
2. Sullivan D.F. A Single Index of Mortality and Morbidity. *HSMHA Health Reports*, 1971, vol. 86, no. 4, pp. 347-354. DOI: 10.2307/4594169
3. Murray C.J.L., Salomon J.A., Colin D.M, Lopez A.D., eds. *Summary Measures of Population Health: Concepts, Ethics, Measurement and Applications*. Geneva, World Health Organization. 2002. 770 p. Available at: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/42439> (accessed 10.10.2021).
4. Murray C.J.L., Lopez A.D. Measuring the Global Burden of Disease. *The New England Journal of Medicine*, 2013, no. 369, pp. 448-457. DOI: 10.1056/NEJMra1201534
5. Murray C.J.L., Ezzati M., Flaxman A.D., et al. GBD 2010: Design, Definitions, and Metrics. *Lancet*, 2012, no. 380, pp. 2063-2066. DOI: 10.1016/S0140-6736(12)61899-6
6. Wang H., Dwyer-Lindgren L., Lofgren K.T., et al. Age-Specific and Sex-Specific Mortality in 187 Countries, 1970–2010: a Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010. *Lancet*, 2012, no. 380, pp. 2071-2094. DOI: 10.1016/S0140-6736(12)61719-X

7. Самородская И.В., Ватолина М.А., Бойцов С.А. Методические вопросы и результаты оценки глобального бремени болезней (обзор литературы). *Профилактическая медицина*, 2015, № 18(1), сс. 40-45. [Samorodskaja I.V., Vatolina M.A., Boytsov S.A. Methodological Issues and Results of Assessment of the Global Burden of Disease (Literature Review). *Profilakticheskaya Meditsina*, 2015, no. 18(1), pp. 40-45. (In Russ.)] DOI: 10.17116/profmed201518140-45
8. Naghavi M., Makela S., Foreman K., et al. Algorithms for Enhancing Public Health Utility of National Causes-of-Death Data. *Population Health Metrics volume*, 2010, article no. 9. DOI: 10.1186/1478-7954-8-9
9. Садовая Е.С., Сауткина В.А. *Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты*. Москва, ИМЭМО РАН, 2012. 208 с. [Sadovaya E.S., Sautkina V.A. *Quality of Life of the World Population: Measurement, Trends and Institutions*. Moscow, IMEMO RAN, 2012. 208 p. (In Russ.)]
10. *На пути к Европе, свободной от предотвратимых неинфекционных заболеваний*. Европейское региональное бюро ВОЗ. 2017. 13 с. [Towards a Europe Free of Avoidable Noncommunicable Diseases. Regional Office for Europe of WHO. 2017. 13 p. (In Russ.)] Available at: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0009/340866/Report-1-Ru.pdf (accessed 10.10.2021).
11. *World Population Ageing 2020 Highlights: Living Arrangements of Older Persons*. New York, United Nations, 2020. 47 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/undesa_pd-2020_world_population_ageing_highlights.pdf (accessed 01.12.2021).
12. *Health at a Glance 2021: OECD Indicators*. Paris, OECD, 2021. 274 p. DOI: org/10.1787/ae3016b9-en
13. Зубаревич Н.В. *Регионы России: неравенство, кризис, модернизация*. Москва, Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с. [Zubarevich N.V. *Russian Regions: Inequality, Crisis, Modernization*. Moscow, Independent Institute of Social Policy, 2010. 160 p. (In Russ.)]
14. Быков А.В., Красильникова М.Д. и др. *Неравенство в сфере здравоохранения: аналитический доклад*. Москва, НИУ ВШЭ, 2021. 78 с. [Bykov A.V., Krasil'nikova M.D., et al. *Inequality in Health Care: Analytical Report*. Moscow, NIU VShE, 2021. 78 p. (In Russ.)] Available at: https://www.hse.ru/data/2022/01/30/1758503209/04_Shishkin_Inequality_Healthcare_NCMU_Site_2022.pdf (accessed 01.12.2021).
15. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. Неравенство качества и уровня жизни населения регионов. *Экономика региона*, 2012, № 2, сс. 170-178. [Bobkov V.N., Gulyugina A.A. The Inequality of the Quality and Standards of Life of the Population of the Regions. *Economy of Regions*, 2012, no. 2, pp. 170-178. (In Russ.)] Available at: <http://region.council.gov.ru/media/files/41d4c51abc73059f36f8.pdf> (accessed 08.10.2021).
16. Осипова Н.Г., ред. *Международная научная конференция "COVID 19 как фактор отражения социального неравенства". Сборник материалов*. Москва, МАКС Пресс, 2020. 115 с. [Osipova N.G., ed. *International Scientific Conference 'COVID 19 as a Factor of Social Inequality'. Collection of Materials*. Moscow, MAKS Press, 2020. 115 p. (In Russ.)] Available at: https://www.socio.msu.ru/documents/20210111_sbornik.pdf (accessed 21.10.2021).
17. Мау В.А., Идрисов Г.И., Кузьминов Я.И., Радыгин А.Д., Садовничий В.А., Синельников-Мурылев С.Г., ред. *Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России*. Москва, 2020. 744 с. [Mau V.A., Idrisov G.I., Kuz'minov Ya.I., Radygin A.D., Sadovnichii V.A., Sinelnikov-Murylev S.G., eds. *Society and the Pandemic: Experience and Lessons in the Fight Against COVID-19 in Russia*. Moscow, 2020. 744 p. (In Russ.)] Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/414121642.pdf> (accessed 01.10.2021).
18. *Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.)*. Всемирная организация здравоохранения. [The Decade of Healthy Ageing (2021–2030)]. World Health Organization. (In Russ.)] Available at: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (accessed 01.10.2021).
19. Robine J.-M. *Ageing Populations: We Are Living Longer Lives, but Are We Healthier?* United Nations. Department of Economic and Social Affairs. September, 2021. 26 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org/development/desa/pd/files/files/documents/2021/Sep/undesa_pd_2021_technical_paper_no.2_healthy_life_expectancy.pdf (accessed 10.10.2021).
20. *World Demographic Trends*. Commission on Population and Development. United Nations. Available at: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/E/CN.9/2020/5> (accessed 12.11.2021).
21. *The Silver Economy as a Pathway for Growth*. Organisation for Economic Co-operation and Development. 2014. 15 p. Available at: <http://www.oecd.org/sti/the-silver-economy-as-a-pathway-to-growth.pdf> (accessed 01.11.2021).
22. *Growing the Silver Economy in Europe*. European Commission. August 16, 2017. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/growing-silver-economy-europe> (accessed 01.11.2021).
23. Цапенко И.П. Социально-экономические контуры общества долголетия. *Мировая экономика и международные отношения*, 2017, т. 61, № 5, сс. 34-44. [Tsapenko I.P. Socio-Economic Contours of Longevity Societies. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, vol. 61, no. 5, pp. 34-44. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-34-44
24. *Active Ageing: a Policy Framework*. World Health Organization. 2002. 60 p. Available at: <https://extranet.who.int/agefriendlyworld/wp-content/uploads/2014/06/WHO-Active-Ageing-Framework.pdf> (accessed 16.10.2021).

HEALTHY LIFE EXPECTANCY IN THE CONTEXT OF THE UNITED NATIONS DECADE OF HEALTHY AGEING

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2022, no. 1, pp. 40-53)

Received 09.12.2021.

Revised 23.01.2022.

Accepted 05.04.2022.

Evgeniya N. SINDYASHKINA (syndyash@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-6410-5643, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article examines the dynamics of the healthy life expectancy (HALE) in the world, in the WHO European Region and in Russia. It provides cross-country comparisons, revealing the main trends in the dynamics of healthy life expectancy at birth and at older ages. The author notes that the most intense growth in healthy life expectancy can be observed in low-income countries; as wealth increases, growth in healthy life expectancy slows down.

The author analyzes the differences in healthy life expectancy between the regions of the Russian Federation. It is noted that the inequality between Russian regions is higher compared to the inequality between groups of low- and high-income countries, between WHO regions, and between countries of the WHO European Region. Russia is one of the countries for which the territorial aspect of inequality in all its manifestations is of great importance.

The article discusses various methods for assessing healthy life expectancy, adopted in international and Russian statistics. The study concludes that the HALE indicator used by WHO is optimal for assessing the performance of health systems, for monitoring the health situation of the population. The indicators calculated by Eurostat and Russian statistics are based on the population's self-perceived state of health. Self-perceived health status is essential for assessing the quality of life and determining the need for health care, social services and care, although it is subjective. This is especially important in terms of promoting healthy ageing. The process of population ageing in the world is accelerating more and more. Medical, social, economic, psychological problems associated with the ageing of the population are most acute in economically developed countries.

Increasing healthy life expectancy, active longevity, and the development of the 'silver economy' are responses to the global demographic challenge of population ageing. Active longevity sets new directions for the development of various spheres of society: medicine, social protection, education and the labour market. At the same time, active longevity creates new types of inequality in these areas, associated with the availability of the necessary resources both at the country level and at the level of population groups and individuals.

Keywords: life expectancy, ageing, health, inequality, social policy, active longevity, silver economy, COVID-19, forecasting studies.

About the author:

Evgeniya N. SINDYASHKINA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Sector of Social Policy and Labor Market Studies, Department of Complex Socio-Economic Research, Center of Comparative Socio-Economic and Political Studies.

DOI: 10.20542/afij-2022-1-40-53

ПЕРВЫЙ ГОД ДЖОЗЕФА БАЙДЕНА В БЕЛОМ ДОМЕ

© БОГАЕВСКАЯ О.В., БУНИНА А.А., ДАВЫДОВ А.А., ДЕСЯТКИ Е.А.,
ДМИТРИЕВ С.С., ЖУРАВЛЕВА В.Ю., КИСЛИЦЫН С.В., КИРИЧЕНКО Э.В.,
КУЛАКОВА В.К., МИШИН И.О., ШЛИХТЕР А.А., 2022

БОГАЕВСКАЯ Оксана Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник группы экономических исследований Центра североамериканских исследований (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475

БУНИНА Анастасия Александровна, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований (abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований" (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746

ДЕСЯТКИ Екатерина Анатольевна, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404

ДМИТРИЕВ Сергей Сергеевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник группы экономических исследований Центра североамериканских исследований (sdmitriev.at.imemo@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219

ЖУРАВЛЕВА Виктория Юрьевна, кандидат политических наук, руководитель Центра североамериканских исследований (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X

КИСЛИЦЫН Сергей Владимирович, кандидат политических наук, научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964

КИРИЧЕНКО Элина Всеволодовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований (elinakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852

КУЛАКОВА Василиса Константиновна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований (kulakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-0677-4440

МИШИН Игорь Олегович, младший научный сотрудник группы исследований политики США и Канады в Мировом океане Центра североамериканских исследований (mishin.igor2@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6547-1319

ШЛИХТЕР Алексей Артемьевич, ведущий научный сотрудник группы экономических исследований США Центра североамериканских исследований (shlihter.alexey@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-9531-0885

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23.

Богаевская О.В., Бунина А.А., Давыдов А.А. [и др.]. Первый год Джозефа Байдена в Белом доме. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 1, сс. 54-77. DOI: 10.20542/afij-2022-1-54-77

DOI: 10.20542/afij-2022-1-54-77

УДК: 327+339(73)

Поступила в редакцию 03.02.2022.
Доработана после рецензирования 07.02.2022.
Принята к публикации 05.04.2022.

В статье анализируются основные события социально-экономической, внутривнутриполитической жизни США, а также ключевые шаги, предпринятые ими на международной арене в 2021 г. Прошедший год оказался довольно успешным для демократической администрации Дж. Байдена, которому удалось воспользоваться практически максимальным контролем своей партии над федеральной властью, чтобы заложить законодательную основу для реализации одного из приоритетных пунктов предвыборной повестки и начать трансформацию внешнеполитической стратегии глобального лидерства США. Статья стала результатом многоаспектных исследований коллективом авторов трансформаций, происходящих в США в реальном времени. В основе методологии проведенного исследования системный подход к анализу внутривнутриполитических, социально-экономических, внешнеполитических и внешнеэкономических процессов в США.

Ключевые слова: президент США, инфраструктурная реформа, “зеленая повестка”, иммиграционный кризис, антикитайский вектор, трансатлантическая солидарность, выход из Афганистана, управляемая конфликтность, санкционный механизм, переговоры с Россией.

Джозеф Байден, в отличие от Дональда Трампа в 2016 г., в битве за Белый дом опередил своего соперника и по числу выборщиков, и по количеству голосов избирателей, набрав 51.3%. Более того, первые месяцы после избрания его популярность значительно превышала показатели предшественника. Между тем в тот же начальный период президентства одной из наиболее обсуждаемых тем в информационном пространстве был очень скорый его уход и передача власти вице-президенту Камале Харрис. Слухи о слабом здоровье американского президента заставляли наблюдателей присматриваться к его походке и прислушиваться к речи, обращая внимания на малейшие запинки или повторения. Однако с каждым месяцем в Белом доме пожилой лидер становился все красноречивее, а его походка все увереннее. Отметим же годовщину своего президентства Дж. Байден самой долгой пресс-конференцией: два с половиной часа он рассказывал об успехах своей администрации, подробно отвечая на бесконечные вопросы журналистов, полностью владея аудиторией, контролируя беседу, шутя, демонстрируя детальное знание всех поднимаемых тем. Его первый год действительно был насыщенным – в непростых условиях продолжающейся пандемии он открыл новый этап социальных и внешнеполитических преобразований.

Данная статья продолжает проект ежегодных итоговых обзоров основных событий в социально-политической, экономической и внешнеполитической жизни США. Обзор является результатом исследований сотрудников Центра североамериканских исследований, которые они проводили на протяжении года по различным направлениям. В основе методологии системный подход к анализу социально-политических, экономических и внешнеполитических процессов в США. Цель такого обзора состоит в мониторинге и анализе ключевых направлений развития Соединенных Штатов на современном этапе. Актуальность этой работы связана с тем, что США, оставаясь сегодня определяющим актором мирового порядка, проходят через трансформационные процессы, важность которых объясняет необходимость детального анализа и фиксирования в режиме реального времени ключевых событий.

ПРЕЗИДЕНТ В ПОЛЯРИЗОВАННОЙ СРЕДЕ

Президент США Дж. Байден пришел в Белый дом с масштабной социальной повесткой, над которой Демократическая партия работала все четыре года президентства Д. Трампа в ожидании реванша. Амбициозные планы включали, помимо борьбы с COVID-19, последующее реформирование системы здравоохранения, начатое Бараком

Обамой, обеспечение расового равенства и справедливости в социальной сфере, модернизацию инфраструктуры страны, запуск “зеленого перехода” и реформирование иммиграционной системы.

Все эти реформы давно назрели и действительно были необходимы. Однако с начала XXI в. реформационные усилия президентов в США традиционно дают очень небольшой результат – в среднем по одной масштабной реформе на каждого президента. Список требующихся стране изменений множится, но скорость его реализации только падает. Причина такого замедления лежит в партийной поляризации и радикализации, которые стремительно росли в этот же период, сокращая пространство для компромисса – основного условия для реформаторской деятельности в условиях американского разделения властей.

Сегодня идейная пропасть между Демократической и Республиканской партиями настолько велика, что они формируют и предлагают обществу два противоположных социально-экономических проекта развития страны. В таких условиях реализовать свою повестку президент может только при полном контроле его партии над федеральной властью. В поляризованном Вашингтоне этот период практически не затягивается дольше чем на один созыв Конгресса и редко повторяется за весь период президентства.

Демократы с Дж. Байденом завоевали свой шанс на реванш в 2020 г., однако на пути его реализации оказались не только республиканцы, численный перевес над которыми давал возможность игнорировать их сопротивление, но и отсутствие единства в самой Демократической партии. За предыдущие четыре года левое крыло партии расширило свою численность в Конгрессе и превратилось в мощную силу, готовую противостоять даже своему президенту. Масштабная социальная повестка, предложенная Байденом в ходе избирательной кампании, предполагающая расширение социальной ответственности государства, вызвала серьезные возражения и у левых демократов, и у республиканцев. Первые сочли ее недостаточной, с точки зрения вторых, она предлагала слишком революционные изменения.

Центристские позиции Байдена в условиях партийной поляризации оказались скорее препятствием продвижению реформ, чем возможностью для их реализации. В итоге на компромисс пришлось идти всем участникам. Парадоксально, но идейная радикализация партий, уничтожившая возможности и поле для компромисса, сама же стала фактором компромисса в ситуации, когда изменения могли оказаться слишком резкими как для самой власти, так и для общества.

Действительно, трансформация социальной системы, на которой настаивает левое крыло демократов, все еще слишком революционна не только для консервативной части американского общества, но и для многих сторонников Демократической партии. Бесплатное высшее образование, медицина и детские сады, пособия по уходу за ребенком на длительный период – норма для социальных государств в Европе, но разрушение основ баланса “общественного договора” для США. Разрушение, к которому не готова значительная часть американцев, которое требует революции общественного сознания, изменения культурной матрицы.

На этом этапе поляризация неожиданно оказалась механизмом поступательного развития – традиционного для американской социально-политической системы. Президент вынужден работать в более сложных условиях, но как показал опыт Д. Трампа, такой защитный механизм может быть очень востребован во времена радикальных идей и “неожиданных” президентов.

Опыт первого года администрации Дж. Байдена показывает, что в условиях крайней поляризации повестка президента претерпевает серьезные изменения, требуя больших усилий и всех имеющихся у главы Белого дома каналов и инструментов, чтобы хотя бы отдельные ее пункты прошли “узкое горлышко” межпартийного согласования. Однако фокус на развитие и вовлечение “оставленных системой” людей, выбранный президентом-демократом, по всей видимости, дает свои результаты.

ИНФРАСТРУКТУРНАЯ РЕФОРМА

Основные усилия администрации Дж. Байдена в 2021 г. были направлены на продвижение реформы инфраструктуры страны, она же стала основным достижением первого года пребывания у власти демократа. Инфраструктурный план был предложен администрацией в начале года, на его превращение в федеральную инвестиционную программу развития ушел почти год – двухпартийный “Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места” (*Infrastructure Investment and Jobs Act*) вступил в силу 15 ноября [1]. Изначальный план серьезно изменился за этот год межпартийных согласований, но в целом закон запускает масштабные изменения.

Документ выделяет на предусмотренные инфраструктурным планом Байдена цели 1.2 трлн долл. бюджетных средств, из которых только 550 млрд долл. представляют новые инвестиции, не запланированные в рамках других программ, одобренные задолго до принятия закона [2]. Пятилетний пакет инфраструктурных программ частично будет профинансирован за счет репрофилирования на цели плана Байдена неизрасходованной помощи на борьбу с COVID-19. Сюда также входит бюджетное финансирование, которое ежегодно выделяется на строительство автомагистралей, часть расходов на помощь по страхованию от безработицы, выплаты которой некоторые штаты приостановили в ходе пандемии, доходы от лизинга федеральных земельных участков для освоения ресурсов нефти и природного газа, будущие поступления в бюджет от инфраструктуры и т.д.

Самая крупная статья расходов – модернизация инфраструктуры транспорта. Предусмотренные новым законом ассигнования на дороги и мосты в размере 110 млрд долл. оказались значительно меньше 159 млрд долл., которые Байден первоначально запрашивал у Конгресса. По данным Белого дома, 275 тыс. км американских автомагистралей и шоссе дорог, а также 45 тыс. мостов находятся в предаварийном состоянии. Согласно плану Байдена, всего предстоит реконструировать 32 тыс. км автодорог и более 10 тыс. мостов (средства на строительство новых элементов дорожной инфраструктуры планом не предусмотрены) [3].

Значительное внимание уделяется также развитию инфраструктуры воздушного, железнодорожного и водного транспорта. Это также не случайно. Подсчитано, что в авиации задержки и отказ от рейсов обходятся экономике США в 35 млрд долл. в год. Американский президент назвал нью-йоркский *LaGuardia* аэропортом, подходящим лишь для стран Третьего мира. Новый закон предусматривает направить 25 млрд долл. на реконструкцию взлетно-посадочных полос, модернизацию терминалов и систем управления воздушным движением в аэропортах.

Еще одним слабым местом признается инфраструктура морских и речных портов, которая не обновлялась десятилетиями. По признанию Белого дома, по уровню автоматизации морские порты США сегодня уступают даже некоторым портам Кении или Танзании. План Байдена предусматривает вложение 17 млрд долл. в порты, паромные терминалы и береговую охрану. На железнодорожном транспорте нуждаются в замене или ремонте 200 станций, 5 тыс. железнодорожных вагонов и тысячи километров путей. Система железных дорог США *Amtrak* получит 66 млрд долл. вместо запрошенных Байденом 80 млрд, но это будут крупнейшие федеральные инвестиции в пассажирские железнодорожные перевозки за последние 50 лет. В частности, реанимируется проект создания “Северо-восточного коридора” – маршрута из г. Бостон в округ Колумбия. Обещания Байдена выделить 85 млрд долл. на общественный транспорт также полностью не реализовались, Конгресс сократил их до 39 млрд. И это в условиях, когда по оценке Министерства транспорта, 40% автобусного парка и 23% вагонов метро находятся в неудовлетворительном состоянии [4].

План Байдена разрабатывался в соответствии с политическими и социальными приоритетами Демократической партии. Восстановление инфраструктуры Вашингтон намерен осуществлять с опорой на средний класс, рост благосостояния которого рассматривается как важнейший фактор увеличения спроса на американские товары и услуги. Заметная часть выделенных средств направляется на повышение качества жизни и сокращение расового и экономического неравенства. В частности, закон закладывает

основу обеспечения доступности широкополосной связи для населения с низкими доходами, а также расширения контингента потребителей услуг интернета в сельских и удаленных районах. На эти цели предусмотрено выделение 65 млрд долл. (изначально Байден предполагал инвестировать 100 млрд). В настоящее время США занимают 18-е место в мире по охвату населения услугами высокоскоростной связи. По оценкам Белого дома, около 30 млн американцев до сих пор не имеют надежного доступа в интернет, что оказалось серьезной проблемой для учебы и работы во время пандемии.

Отдельное внимание уделяется модернизации инфраструктуры водоснабжения, особенно в страдающих от засухи западных штатах. На обеспечение населения питьевой водой выделяется более 55 млрд долл. (вместо запрошенных 100 млрд). До 21 млрд долл. будет затрачено на консервацию заброшенных нефтяных и газовых скважин, угольных и урановых шахт, которые администрация Байдена считает источником повышенной опасности. Еще 47 млрд долл. предназначены на решение проблем, связанных с безопасностью трубопроводов, смягчением последствий от засух, наводнений, лесных пожаров, береговой эрозии и кибератак [1].

Согласно опросам абсолютное большинство американцев одобряют инфраструктурный план, но его поддержка в Конгрессе неоднозначная. Сторонники Байдена утверждают, что инвестиции в производство и цепочки поставок заставят американцев работать над созданием новых технологий и будут способствовать преодолению чрезмерной зависимости экономики страны от импорта стратегического сырья, материалов и оборудования, имеющих непосредственное отношение к проблемам национальной безопасности, и переключению цепочек поставок с поставщиков из “автократических” стран на американские компании.

Критики инициативы демократов ссылаются на прогнозируемый дефицит рабочей силы, сырья и оборудования в постковидный период, а также обращают внимание на тот факт, что реализация закона на практике будет связана со значительным увеличением государственных расходов на экономику. По данным Бюджетного управления Конгресса, их следствием может явиться увеличение дефицита госбюджета. При этом признается, что значительный процент бюджетных ассигнований неизбежно будет потрачен на неэффективные проекты. В частности, выделенные средства могут быть использованы для раздачи преференций профсоюзам и радикальным активистам [5]. Не случайно Байден уже подписал указ о создании рабочей группы для содействия реализации закона и контроля за расходованием средств с тем, чтобы бюджетные деньги были использованы “для тех целей, на которые они были предназначены” [6].

“ЗЕЛЕНАЯ” ПОВЕСТКА

Заявленная Вашингтоном инфраструктурная программа увязывается с задачами климатической политики и включает мероприятия по декарбонизации промышленности и топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Таким образом, Дж. Байден смог продвинуться в реализации еще одного предвыборного обещания, сделав серьезный шаг по осуществлению своего “зеленого плана”.

20 января 2021 г., еще до инаугурации, Дж. Байден подписал указ “Об охране здоровья населения и окружающей среды”, затем указ “О борьбе с климатическим кризисом”, по которому к 2035 г. планируется создать “безуглеродный электроэнергетический сектор”. Электросеть США в настоящее время на 40% питается “чистой” энергией [7], и планка в 80% может быть достигнута уже к 2030 г. с помощью природосберегающих технологий без дополнительных затрат для плательщиков, поскольку стоимость возобновляемой энергии снижается¹.

Нового президента США сразу же прозвали “зеленым Джо” за активные начинания в сфере “зеленой” экономики. В частности, он пообещал запретить использовать на

¹ За последние годы цены ветровой и солнечной энергетики снизились до 5.6 цента и 1.4 цента за 1 кВт/ч соответственно в то время, как стоимость газовой и угольной сократилась до 6.1 и 6.6 центов.

государственных землях технологии гидроразрыва пласта для извлечения сланцевых нефти и газа (речь идет о будущих проектах)². Планируется строительство новых атомных электростанций (АЭС), развитие рынка электротранспорта. Покупателям, которые откажутся от обычного бензинового авто и купят электромобили, будут предоставляться дотации государства.

23 апреля 2021 г. Байден объявил о сокращении до 52% выбросов парниковых газов (ПГ) в США к 2030 г., что вдвое превышает цель, установленную ранее Б. Обамой. Важной составной частью плана Белого дома по декарбонизации экономики является требование к коммунальным предприятиям отказаться от угля и природного газа и в течение 10 лет сократить выбросы ПГ вдвое. Американская администрация надеялась извлечь выгоды из растущей поддержки со стороны коммунальщиков, профсоюзов и “зеленых” движений для получения национального мандата в области “чистой” энергетики, подтолкнув Конгресс к принятию закона, требующего, чтобы к 2030 г. электросеть получала 80% своей энергии из источников, свободных от выбросов. Эта цель рассматривается как промежуточная, которая может быть пройдена в рамках процесса согласования бюджета без поддержки республиканцев. В соответствии с исполнительным указом Дж. Байдена от 25 января 2021 г. (“Обеспечение будущего во всей Америке американскими рабочими местами”) планируется удвоить к 2030 г. объемы энергии, производимой в США на оффшорных ветряных электростанциях.

Многие коммунальные предприятия США уже имеют планы перевода своих систем на безуглеродные схемы, однако обеспокоены тем, что необходимые для этого технологии (находящиеся пока только в стадии разработок), могут оказаться недоступными, чтобы уложиться в сроки до 2035 г.

Реализацию климатической политики администрация Дж. Байдена начала через все правительственные ведомства, в том числе и через органы финансового регулирования. Финансовые регуляторы в настоящее время закладывают основы для создания системы косвенного климатического регулирования. Так, Федеральная резервная система (ФРС) действует в данном направлении одновременно как на микроуровне, предполагающем регулирование на уровне отдельных финансовых компаний, так и на макроуровне, предполагающем регулирование экологических рисков, воздействующих на стабильность финансовой системы в целом. Фактически перед банковскими регуляторами поставлены задачи инкорпорировать соображения, связанные с изменением климата, в системы калибровки рисков в рамках регулятивных требований к капиталу; поощрять банковские компании использовать экологические соображения в качестве одного из критериев оценки кредитного риска; доработать механизмы надзорных стресс-тестов путем включения в них экологических рисков.

Многие пункты “зеленой” повестки президента вошли в “Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места”. В ближайшие годы климатическая политика Вашингтона будет во многом определяться именно им. В процессе прохождения законопроекта через Конгресс планируемые ассигнования на борьбу с изменениями климата также существенно сократились – до 100 млрд долл., но остаются достаточно масштабными для того, чтобы признать план Байдена крупнейшим федеральным климатическим законом в истории США [8].

Конгресс согласился выделить на расширение парка электромобилей и электрификацию наземного транспорта в самих США в общей сложности около 15 млрд долл., в том числе 5 млрд. – на замену школьных автобусов с двигателями внутреннего сгорания на транспортные средства с нулевым уровнем выбросов. Еще 7.5 млрд долл. пойдут на создание общенациональной сети зарядных устройств для электромобилей. Сейчас в США насчитывается порядка 43 тыс. зарядных станций для электротранспорта. За счет средств инфраструктурного плана предполагается профинансировать строительство до 500 тыс. зарядных станций, размещаемых в основном вдоль существующих магистральных

² По данным Американского института нефти (API), на федеральные земли приходится лишь 22% общего объема производства нефти и 12% газа.

коридоров. Правда, критики уверены, что уже к 2030 г. их потребуется намного больше – порядка 628 тыс., если исходить из расчетного увеличения парка электромобилей к указанной дате до 15 млн единиц [9].

Поставленную Байденом задачу “завоевания” мирового рынка электротранспорта это вряд ли решит, учитывая рост предложения на рынке неамериканских (в особенности китайских) конкурентов *Tesla*. Впрочем, шансы сделать электромобили доступными для каждого американца, как обещает Байден, могут возрасти в случае одобрения Конгрессом его социального плана “Построить заново и лучше” (*Build Back Better*), поскольку эта инициатива, в числе прочего, предусматривает значительное увеличение субсидий на приобретение электромобилей [10].

Инвестиции в размере 65 млрд долл. (вместо запрошенных 100 млрд) пойдут на обновление инфраструктуры энергосетей, включая строительство новых высоковольтных линий совокупной мощностью до 20 ГВт, хранение энергии и форсирование энергоперехода на возобновляемую энергию. Закон также выделяет 3 млрд долл. на то, чтобы повысить уровень автоматизации электросетей и их отказоустойчивость.

Вашингтон рассчитывает довести к 2030 г. выработку электроэнергии морскими ветряными электростанциями до 30 ГВт, что считается достаточным для обеспечения потребности владельцев 10 млн домов. Это амбициозная задача, учитывая, что на сегодняшний день доля офшорной ветроэнергетики в США незначительна. Примечательно также, что закон предусматривает инвестиции в размере 21 млрд долл. в демонстрационные проекты в ядерной и гидроэнергетике, а также связанные с технологиями использования чистого водорода [11]. Между тем заикленность администрации Байдена на климатических параметрах инфраструктурного плана создает для США опасность потери конкурентных преимуществ на рынках энергоносителей, металлов, цемента, удобрений, химикатов, пластмасс и даже продукции животноводства, в сравнении со странами с более высокими выбросами. Кроме того, проводимый нынешним американским президентом курс на постепенный отказ от углеводородов снижает возможности Вашингтона использовать их в качестве инструмента геополитического влияния.

ТРУДНОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ

Продвижение дальнейшей социальной повестки Дж. Байдена столкнулось с жесткой оппозицией со стороны республиканцев, обвиняющих президента в накачивании социальных расходов, которые неизбежно ведут к росту дефицита федерального бюджета. Противоречия между партиями закономерно привели к тому, что к середине декабря бюджет и новый потолок госдолга все еще не были приняты, а вместе с ними и социальный план Байдена “Построить заново и лучше”, который демократы стремились провести через республиканскую оппозицию под общей “шапкой” бюджета.

Двухпартийный Закон о бюджете на 2020 фин. г., принятый в августе 2019 г., кодифицировал дату формирования долгового потолка на 31 июля 2021 г. Госдолг был зафиксирован на уровне 28.4 трлн долл. Партии ожидаемо не договорились о новом долговом потолке, в результате чего Казначейство не могло выпускать новые долговые бумаги. Чтобы иметь возможность выплачивать долги, Министерству финансов пришлось прибегнуть к “чрезвычайным мерам”, в частности, задержать инвестиции в фонды медицинского страхования федеральных служащих и почтовых работников. Поставив страну на грань беспрецедентного технического дефолта, 14 декабря Конгресс одобрил увеличение потолка федерального долга на 2.5 трлн долл. Прогнозируется, что этой суммы должно хватить для покрытия расходов до конца 2022 г., когда пройдут промежуточные выборы.

Проблема государственного долга США напрямую увязана с быстро растущим бюджетным дефицитом. В результате резкого роста расходов дефицит федерального бюджета в 2020 г. более чем в три раза превысил дефицит 2019 г. и составил рекордные 3.1 трлн долл. (14.9% ВВП). Бюджетный дефицит в 2021 г. составил 2.8 трлн долл. (12.4% ВВП).

Все это несколько омрачает вполне приличную картину, которая сложилась за год в экономике США. В 2021 г. она продолжала восстанавливаться после очень глубокой, но самой короткой в истории “коронавирусной” рецессии, которая, по официальным данным Национального бюро экономических исследований США, продолжалась всего два месяца – март–апрель 2020 г.³ Масштабные программы федеральной помощи компаниям, гражданам, штатам и округам, развернутые в 2020 и продолжавшиеся в 2021 г., помогли избежать серьезного обострения социальных проблем и содействовали восстановлению экономики. Принятые меры включали программы поддержки занятости, льготные кредиты крупному и малому бизнесу, гранты компаниям и штатам, увеличение размера пособий по безработице, стимулирующие выплаты работающим американцам. Размер федеральной помощи в 2020–2021 гг. составил более 6 трлн долл., из которых почти 2 трлн приходится на принятый в марте 2021 г. “Американский план спасения” (*American Rescue Plan*). Выплаты “вертолетных денег” в 2021, как и в предшествующем году, вызвали рост доходов американцев: в I квартале, когда происходили выплаты второго и третьего транша, реальные располагаемые доходы выросли на 54.7%, а без учета трансфертных платежей – сократились на 1.9%. Во II и III кварталах реальные располагаемые доходы сократились на 29.1% и 4.3% несмотря на то, что реальные доходы без учета трансфертных платежей выросли на 5.2% и 2.6% соответственно. Таким образом, прекращение массивной государственной помощи привело к резкому сокращению доходов после их аномального роста.

Норма сбережений сократилась с 20.5% в I квартале до 9.5% в III квартале 2021 г. [12]. В I и II кварталах 2021 г. ВВП рос уверенными темпами 6.3% и 6.7% соответственно и во II квартале превысил докризисный уровень. Однако в III квартале рост ВВП замедлился до 2.3% из-за подъема заболеваемости COVID-19 и введения ограничений в некоторых штатах и округах. Тогда же значительно уменьшились темпы роста потребительских расходов, причем расходы на товары уменьшились, а темпы роста расходов на услуги значительно замедлились. Это было связано как с некоторым снижением спроса (к середине года закончились федеральные стимулирующие выплаты, а также значительно уменьшились объемы федеральной помощи бизнесу, властям штатов и округов), так и со снижением предложения, вызванным сбоями в цепочках поставок (например, глобальный дефицит полупроводников вызвал падение производства автомобилей). Во II и III кварталах 2021 г. также сокращались инвестиции в жилье, а федеральные расходы снижались более чем на 5%.

Несмотря на сложности с поставками, объем промышленного производства уверенно рос начиная с III квартала 2020 г., а в 2021 г. увеличился на 5.6%. При этом объем производства автомобилей и запчастей снизился с декабря 2020 г. по декабрь 2021 г. на 5%, в то время как объем производства добывающей промышленности вырос на 11%. В декабре 2021 г. объем промышленного производства превышал докризисный уровень февраля 2020 г. на 3.7%. Коэффициент использования производственных мощностей вырос с 74.1% в декабре 2020 г. до 76.5% в декабре 2021 г., но остается ниже среднего значения 1972–2000 гг. (79.6%) [13].

Ситуация на рынке труда США в 2021 г. продолжала улучшаться. Уровень безработицы снизился с 6.4% в январе до 3.9% в декабре, что примерно соответствует уровню начала 2019 г. Численность безработных составила в декабре 6.3 млн, что на 600 тыс. больше, чем перед кризисом в феврале 2020 г. (5.7 млн).

Однако снижение уровня безработицы может вскоре замедлиться, поскольку на рынке труда происходят серьезные структурные преобразования, связанные как с объективными долгосрочными тенденциями, так и с существенными сдвигами в образе жизни и моделях потребления, вызванными последствиями пандемии.

³ См. официальные данные Национального бюро экономических исследований США по датировке экономических подъемов и спадов: *Business Cycle Dating Committee Announcement July 19, 2021. Determination of the April 2020 Trough in US Economic Activity*. Available at: <https://www.nber.org/news/business-cycle-dating-committee-announcement-july-19-2021> (accessed 09.12.2021); *US Business Cycle Expansions and Contractions*. Available at: <https://www.nber.org/research/data/us-business-cycle-expansions-and-contractions> (accessed 09.12.2021).

В частности, после кризиса произошло резкое снижение доли экономически активного населения⁴. В феврале 2020 г. этот показатель составлял 63.4%, на пике кризиса в апреле 2020 г. упал до 60.2%, а в декабре 2021 г. подрос до 61.9% [14, р. 2, 3, 15]. Эта тенденция частично связана с объективными демографическими факторами, прежде всего, с ростом доли людей старшего возраста, то есть старением населения. Однако есть и другие причины, непосредственно связанные с последствиями “пандемической” рецессии. По данным на декабрь 2021 г., 1.1 млн американцев, не входивших в состав экономически активного населения, не искали работу из-за пандемии. Многие представители старшего возраста преждевременно потеряли работу из-за кризиса и уже не вернутся к поискам работы, а значит, в состав рабочей силы. По оценкам экономиста ФРС, с начала кризиса до августа 2021 г. более 2.4 млн человек ушли на пенсию досрочно из-за распространения *COVID-19* [15]. Родители детей младшего возраста из-за закрытия школ и детских садов были вынуждены оставлять работу, чтобы находиться дома с детьми, и некоторые из них не вернутся в ряды экономически активного населения. Сыграл определенную роль и существенно увеличенный размер пособий по безработице, который в течение продолжительного времени мог служить антистимулом для поиска работы. Эти же факторы воздействовали и на динамику доли занятых в населении, которая после пикового падения до 51.3% в апреле 2020 г. возросла до 59.5% в декабре 2021 г., но еще не восстановилась до докризисного уровня 60–61%.

На структуру занятости оказывают непосредственное влияние изменение структуры потребительского спроса, связанное с адаптацией потребностей и образа жизни в условиях пандемии. Число работающих на дому по-прежнему велико: в декабре 2021 г. доля работающих дистанционно составляла 11.1% занятых [14, р. 2, 3, 15]. В конце 2020 г. начался стремительный рост вакансий – с 6.77 млн в ноябре 2020 г. до 10.56 млн в ноябре 2021 г. С июня 2021 г. количество вакансий в американской экономике снова превышает численность безработных, как это было до кризиса. За год с ноября 2020 г. по ноябрь 2021 г. возросло число увольнений по собственному желанию (с 3.3 млн до 4.5 млн) и сократилось число увольнений по инициативе работодателя (с 2.1 млн до 1.4 млн) [16, р. 1, 4, 12, 13]. Все это свидетельствует о том, что на американском рынке труда спрос на рабочую силу значительно превышает предложение. Дефицит кадров заставляет работодателей повышать заработную плату, что может значительно подстегнуть инфляцию.

Резко ускорившаяся инфляция стала центральной проблемой американской экономики в 2021 г. В 2020 г. индекс расходов на личное потребление *PCE* составил всего 1.2%, а во II квартале 2020 г. даже упал на 1.6%. Однако в 2021 г. начался стремительный рост цен: индекс *PCE* (по сравнению с тем же месяцем предыдущего года) вырос с 1.4% в январе до 5.7% в ноябре. В III квартале значение индекса составило 5.3%. Индекс цен производителей *PPI* вырос с 1.6% в январе до 9.7% в декабре 2021 г., а индекс потребительских цен *CPI* в декабре достиг 7%. При этом, в отличие от предыдущих лет, рост цен на товары был выше роста цен на услуги. Цены на продовольственные товары выросли за год на 6.3%, на подержанные автомобили – на 37.3%, на бензин – на 49.6% [17, р. 1, 2]. Такой высокой инфляции в США не было уже более 30 лет.

Ускорение инфляции наблюдается на фоне огромного размера баланса ФРС, который с момента начала пандемии вырос более чем в два раза и в конце 2021 г. приблизился к рекордному 8.8 трлн долл. [18] Баланс ФРС находится на нестандартно высоком уровне уже много лет (после трех раундов количественного смягчения в 2008–2014 гг. размер баланса возрос с 1 до 4.5 трлн долл.), все это время уровень инфляции, как правило, не превышал 2%. Хотя сверхмягкая монетарная политика ФРС (предельно низкий целевой уровень ставки по федеральным фондам и различные варианты количественного смягчения) может быть одним из сопутствующих факторов, провоцирующих инфляцию, сам по себе этот фактор не приводил к существенному росту цен в течение многих лет.

Резкий рост темпа инфляции в 2021 г. объясняется совокупностью причин, связанных с реакцией экономики на пандемию. Если в начале года рост цен еще можно было объяснить

⁴ Экономически активное население, или рабочая сила – это лица трудоспособного возраста, работающие или активно ищущие работу.

относительно низкой базой предыдущего года, то позднее на первый план выдвинулись другие факторы. В результате сбоев в поставках, вызванных изменением структуры спроса и локдаунами, происходили разрывы цепочек стоимости как в локальном, так и в глобальном масштабах, что привело к дефициту предложения и росту цен (например, глобальный дефицит полупроводников вызвал рост цен на электронику и автомобили, а дефицит строительных материалов – рост цен на недвижимость). Эти процессы усугубились изменением структуры потребления из-за противопандемийных мероприятий и трансформации образа жизни. Сыграла свою роль и реализация отложенного спроса, который сформировался в первый год пандемии в связи с одновременным снижением потребления и масштабной федеральной помощью, которая привела к беспрецедентному увеличению доходов. Ситуация усугублялась тем, что дефицит предложения возник и в секторах, в которых за счет изменения образа жизни в пандемических реалиях увеличивался спрос (автомобили, недвижимость).

Сочетание этих факторов вызвало рост цен, который первоначально не вызывал большого беспокойства и трактовался ФРС как временный. Но уже в середине 2021 г. появились первые признаки того, что проблема может оказаться более серьезной. Превышение спроса над предложением на рынке труда усиливает конкуренцию работодателей и уже привело к ускорению роста номинальной заработной платы, что влечет за собой рост издержек и дальнейший рост цен. Кроме того, в экономике начали формироваться инфляционные ожидания, которые сами по себе могут провоцировать дальнейшее повышение уровня цен.

К концу 2021 г. глава ФРС Джером Пауэлл признал, что инфляция не является временной и представляет серьезную проблему для национальной экономики. В условиях высокой инфляции существенно возрастают риски, связанные с воздействием монетарной политики ФРС на экономику: перед центральным банком стоит сложная задача – перейти к более жесткой политике, при этом не вызвав замедление роста или, еще хуже, рецессии. Механизмы нормализации баланса ФРС и возвращения монетарной политики на традиционные, образца “до рецессии 2008–2009 гг.,” рельсы (да и сама возможность такого возвращения) были не до конца ясны и до пандемического кризиса. Теперь, в условиях высокой инфляции, риски ошибки существенно возросли. В ФРС долгое время закрывали глаза на рост цен и концентрировались на успехах на рынке труда. Только на ноябрьском заседании Комитета по открытым рынкам было принято решение о начале ужесточения монетарной политики. Закупки активов центробанком будут постепенно сокращаться и должны быть прекращены в середине 2022 г. Ожидается, что в 2022 г. ФРС начнет постепенное повышение целевого уровня ставки: по мнению большинства членов Комитета по открытым рынкам и ставка в течение года будет повышена как минимум три раза.

Мощным драйвером роста американской экономики в течение первого года экономического подъема был рынок жилья, однако к лету 2021 г. ситуация на жилищном рынке, оставаясь динамичной, стала гораздо более волатильной. Объем запуска строительства новых домов в 2021 г. достигал годового минимума (1.447 млн) в феврале и максимума (1.725 млн) в марте, держался на уровне 1.5–1.6 млн с апреля по октябрь, а в декабре составил 1.702 млн, что на 2.5% выше, чем годом ранее. Превышение спроса над предложением, сохраняющийся дефицит стройматериалов и площадок для нового строительства, рост доходов и доступность кредитования, как и в предыдущем году, толкали цены на недвижимость вверх. Общенациональный индекс цен на жилье (*FHFA House Price Index*) вырос в III квартале 2021 г. по сравнению с III кварталом 2020 г. на 18.5%, причем цены достигли исторического максимума и рост наблюдался во всех штатах и городских агломерациях [19]. Медианная цена проданного дома выросла с 337.5 тыс. долл. в III квартале 2020 г. до 404.7 тыс. долл. в III квартале 2021 г., или на 20% [20]. Однако количество проданных домов в 2021 г. оказалось меньшим, чем в 2020 г., а доля семей, проживающих в собственном доме после резкого роста до 68.1% во II квартале 2020 г. снизилась до 65.4% в III квартале 2021 г., что примерно соответствует уровню I квартала 2020 г. (65.3%) непосредственно перед кризисом [21]. Падение объема продаж было связано как с дефицитом предложения, так и с беспрецедентным ростом цен на жилье.

В целом уверенный рост ВВП и снижение безработицы свидетельствуют о благополучном преодолении кризиса. Однако пандемия и реакция на нее государственных структур, бизнеса и отдельных американцев, а также вызванные ею значительные изменения образа жизни и структуры спроса, спровоцировали существенную структурную перестройку рынка труда и экономики США в целом. Адаптация экономики к новым условиям продолжается и будет происходить еще значительное время, особенно в условиях сохраняющейся неопределенности и возможного появления новых штаммов SARS-CoV-2.

ИММИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС

В баталиях за социальные проекты и бюджеты вновь остался за бортом один из важнейших вопросов повестки многих президентов, включая Дж. Байдена – иммиграционная реформа. Несмотря на то, что президент заявил о ней, как о важнейшем приоритете и обещал провести преобразования уже в первые 100 дней, на деле иммиграционная политика не только не стала сферой успешной деятельности нынешней администрации, но превратилась в серию неудач и объект постоянной критики, в том числе на международном уровне, что в немалой степени способствовало падению рейтинга Байдена. Администрация не смогла провести через Конгресс ни одного иммиграционного закона, не удалось быстро решить и конкретные проблемы, прежде всего, урегулировать ситуацию на южной границе США.

Такой провал был обусловлен рядом причин. Прежде всего, вопреки предвыборным обещаниям, собственной концепции реформы и плана действий у демократической администрации не было. Оказалось, что недостаточно просто отменить указы Д. Трампа и вернуться к подходам, разработанным при Б. Обаме. Поляризованная среда не позволила Дж. Байдену договориться не только с республиканцами, но и с однопартийцами: левое крыло демократов выступает за немедленную и радикальную либерализацию иммиграционного законодательства, с чем не согласны центристы. Не были учтены и негативное влияние пандемии на экономику государств Центральной Америки, и обрушившиеся на этот регион в последние два года стихийные бедствия, в результате чего значительно возросла численность людей, лишившихся работы и своих жилищ и стремящихся найти убежище в США. Поспешная отмена введенного Трампом режима ЧС на границе и прекращение строительства заградительной стены спровоцировали пограничный кризис, который не урегулирован до сих пор.

Причиной неудач стало и то, что не была своевременно сформирована новая команда, которая могла бы сразу приступить к работе. Достаточно сказать, что кандидатура Ур Джадду (*Ur Jaddou*) на пост главы Службы гражданства и иммиграции была утверждена сенатом только 30 июля 2021 г. Два других важнейших агентства – Служба таможенной и пограничной охраны и Служба иммиграционной и таможенной полиции – до сих пор возглавляются руководителями в статусе исполняющих обязанности⁵.

Отсутствие слаженной команды специалистов по иммиграции не позволило в достаточной мере проработать идеи, выдвинутые президентом. Дж. Байден неоднократно заявлял, что намерен сделать акцент не на борьбе с нелегальной миграцией, а на искоренении причин, ее порождающих, то есть на изменении экономической и социальной ситуации в странах, откуда прибывают основные потоки мигрантов. Этим вопросом по поручению президента должна была заниматься вице-президент К. Харрис. Пока никакого конкретного плана действий представлено ею не было. Тем не менее можно предположить, что в рамках текущего президентского срока эта сложнейшая стратегическая задача решена не будет.

В настоящее время администрация Байдена выстраивает региональную стратегию, пытаясь договориться с соседними государствами, прежде всего с Мексикой, о создании буферной зоны и размещении лагерей для беженцев на этой территории.

Еще одной идеей президента стала попытка исследования влияния изменения климата на масштабы и направление миграционных потоков. В феврале 2021 г. президент

⁵ На момент подготовки статьи.

поручил к началу августа подготовить доклад на эту тему. Документ был представлен Советом национальной безопасности только в конце октября. В нем констатировалось, что в результате климатических изменений к 2050 г. внутренними и международными мигрантами могут стать 143 млн человек и это приведет к целому ряду серьезных проблем. Многие сочли доклад недостаточно конкретным, в нем отсутствовал четкий план мероприятий, необходимых для решения назревших задач. Тем не менее это первый шаг на пути комплексного рассмотрения двух проблем – изменения климата и международной миграции, которые ранее изучались в отрыве одна от другой.

Сейчас иммиграционная система США работает в режиме решения ситуационных проблем, таких как внезапно возникший на границе с Техасом многотысячный лагерь гаитянцев, стремящихся попасть в страну, или необходимость размещения беженцев из Афганистана, численность которых, по данным Министерства внутренней безопасности США, составляет около 70 тыс. человек.

Не достигнув соглашения с Конгрессом, Байден вынужден, как и его предшественник, руководить путем издания исполнительных указов. Как и при Трампе, они блокируются федеральными судьями и Верховным судом. Резко выступают против иммиграционной политики президента губернаторы южных штатов, страдающих от беспорядков на границе.

Миграционный кризис бесспорно отразится на шансах демократов в 2022 г. – республиканцы не упустят такую “громкую” тему, тем более что последние опросы показывают, что в вопросах безопасности границ, иммиграции, национальной безопасности и борьбы с преступностью республиканцам доверяет больший процент граждан, чем демократам. Шансов коренным образом изменить ситуацию за оставшееся время немного. Однако процесс иммиграции может быть активизирован претворением в жизнь “Закона об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места”. Его осуществление потребует значительного увеличения численности инженерно-технических и рабочих кадров, в том числе это можно будет реализовать через привлечение их из-за рубежа.

Параллельно с реализацией широкой социальной повестки администрация Байдена начала реформирование внешнеполитической стратегии США, основным фокусом которой стало объединение союзников в защиту демократических ценностей.

“ВОЗВРАЩЕНИЕ” ЕВРОПЕЙСКИХ СОЮЗНИКОВ

Укрепление системы партнерских и союзнических отношений стало одним из важнейших фокусов внешней политики администрации Дж. Байдена. Главным направлением в обновляемой администрацией системе вновь становится трансатлантическое партнерство.

Президент Дж. Байден, так же как и его внешнеполитическая команда, традиционно придерживается проатлантистских взглядов и исходит из того, что какими бы сложными и даже тупиковыми не были отдельные проблемы в отношениях с Европейским союзом, сотрудничество с ним является основой американской системы союзов. Евросоюз был и остается ключевым внешним партнером в сферах экономики, технологического развития, решении других острых и актуальных вызовов. Соответственно, реставрация прежних отношений между Вашингтоном и Брюсселем, насколько она возможна, стала одной из основных внешнеполитических задач администрации Байдена.

Несмотря на “кризисный” период 2017–2021 гг., когда администрация Д. Трампа перешла к протекционистской политике и вступила в конфронтацию с ЕС по ряду вопросов, у американско-европейских отношений оставался устойчивый базис, обеспечивающий их высокую живучесть и способность преодолевать различные кризисы.

В этой связи на первоначальном этапе от администрации Байдена требовался ряд несложных и весьма символических шагов. Так, одним из первых решений 46-го президента

стало возвращение США в Парижское соглашение по климату⁶, а соответствующий исполнительный указ был подписан уже 20 января 2021 г. – в первый день работы администрации [22].

Таким же незатруднительным стало переподтверждение союзнических обязательств США по НАТО. С соответствующей официальной речью о приверженности Североатлантическому договору государственный секретарь Энтони Блинкен выступил в штаб-квартире альянса в марте 2021 г. [23]

Остальные противоречия и вызовы требовали более глубокой проработки. Среди них: выработка общей политики в отношении Китая, контроль его технологической экспансии и инвестиционной активности, поиск взаимопонимания относительно ряда действующих торговых тарифов, смягчение противоречий между *Airbus* и *Boeing* и др.

Решение этих проблем имело и имеет особое значение в контексте переосмысления американского лидерства. Изменение международных условий, в которых приходится действовать Вашингтону, в значительной степени связано с усилением невоенных вызовов, что в наибольшей степени проявляется именно в Европе, где увеличивается роль КНР в технологическом и экономическом развитии. Китайские компании способствуют расширению местной цифровой инфраструктуры и, в частности, сетей 5G. Не менее важно и то, что инвестиции из КНР направлены на модернизацию европейской транспортной инфраструктуры, энергетики. Подобный вектор как бы уводит ЕС из-под непосредственного американского влияния.

Для вытеснения китайских компаний США необходимо предоставлять альтернативные предложения. Их выработка, равно как и поиск взаимопонимания с европейскими союзниками стали императивами для внешней политики администрации Дж. Байдена. На встрече “Группы семи” (G7) в июне 2021 г., американский президент заявил о новой глобальной инициативе США: “Восстановим лучший мир” (*Build Back Better World, B3W*) [24]. В перспективе она является качественным переосмыслением американских глобальных подходов и приложения лидерских амбиций. Ее суть сводится к созданию глобальной инфраструктурной сети, способной конкурировать с китайским проектом “Один пояс – один путь”. Помимо вопросов логистики она подразумевает внедрение норм и стандартов ведения бизнеса, инвестиционной активности, обеспечения прав, свобод, открытости и прозрачности процессов для участников *B3W*.

Таким образом, новый проект, в случае его успешного развития, станет своеобразным переосмыслением американского лидерства, имеющим непосредственный прикладной императив – внешнеэкономическая деятельность, регулируемая американскими стандартами и идейно-ценностными ориентирами. В контексте развития данного инфраструктурного проекта предполагается распределение ответственности по регионам между американскими союзниками. В этом же смысле Европа должна будет сыграть важнейшую роль в *B3W*. Наибольшая активность по урегулированию споров, существующих в трансатлантических отношениях, пришлось уже на осень 2021 г. В конце сентября в г. Питтсбург (Пенсильвания) состоялось первое заседание Европейско-американского торгового и технологического совета (*The EU-US Trade and Technology Council, TTC*). Его основные задачи – координация подходов союзников в сферах экономики, торговли, технологий, вопросах общих демократических ценностей и прав человека.

Встреча в Питтсбурге может рассматриваться как продолжение политики в рамках *B3W*. По ее результатам стороны договорились работать по ряду направлений. В частности, поддерживать контроль инвестиций для противостояния рискам национальной безопасности; работать над повышением эффективности экспортного контроля для товаров двойного назначения; развивать и внедрять системы с использованием “искусственного интеллекта”, отличающиеся не только своей инновационностью, но и надежностью с точки зрения безопасности, уважения прав человека и общих демократических ценностей; сотрудничать по вопросам перебалансировки глобальных

⁶ Соглашение в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата (2015 г.).

цепочек поставок, в том числе полупроводников; работать над устранением или смягчением существующих взаимных торговых барьеров.

Дальнейшая работа совета будет продолжена по 10 ключевым направлениям в рамках соответствующих рабочих групп: 1) технологические стандарты; 2) климат и “зеленые” технологии; 3) безопасность цепочек поставок; 4) информационные и коммуникационные технологии и сервисы, их безопасность и конкурентоспособность; 5) контроль/управление данными и технологические платформы; 6) злоупотребление технологиями, угрожающими безопасности и правам человека; 7) экспортный контроль; 8) инвестиционный скрининг; 9) поддержка малого и среднего бизнеса, предоставление возможности использования цифровых инструментов; 10) глобальные вызовы в торговой сфере.

Помимо этого, в течение 2021 г. велись переговоры по урегулированию противоречий между *Airbus* и *Boeing*. Конкуренция между двумя крупнейшими мировыми производителями авиационной техники является вполне естественной. Вместе с тем взаимные претензии сводились к нечестному проведению тендеров с поддержкой *Airbus* в ЕС и *Boeing* в США, а также субсидированию деятельности обеих компаний своими правительствами. По результатам переговоров стороны наметили пути отмены взаимно действующих тарифов на авиационную технику, обязались гарантировать, что проводимые НИОКР не будут ущемлять интересы друг друга. Кроме того, было подтверждено стремление работать против нерыночных действий третьих сторон (прежде всего подразумевалась КНР). По предварительным оценкам, разрешение споров в авиапромышленной сфере устраняет угрозу попадания под тарифы потребительских товаров ЕС и США на сумму 11.5 млрд долл. [25]

Уже после встреч в Питтсбурге появились определенные надежды на дальнейшее смягчение торговых тарифов, действующих между США и ЕС. Так, согласно заявлению американского министра торговли Джинны Раймондо, часть европейского экспорта стали и алюминия будет выведена из-под действия соответствующих тарифов, введенных еще администрацией Д. Трампа [26].

Кроме того, в 2021 г. обозначились перспективы урегулирования некоторых проблем, касающихся Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (*PESCO*) в ЕС. В частности, недовольство Вашингтона вызывали ограничения для третьих сторон на участие в НИОКР, проходящих в рамках этого формата. Еще в 2020 г. участники *PESCO* смогли утвердить общие правила для сторонних подрядчиков, а уже в 2021 г. США, Канада и Норвегия присоединились к проекту по повышению военной мобильности, проводимому под эгидой Постоянного структурированного сотрудничества [27].

Таким образом, перспективы “оздоровления” трансатлантических отношений с приходом в Белый дом администрации Дж. Байдена были обозначены весьма отчетливо. Возникшие в течение 2021 г. кризисы не оказали длительного негативного эффекта на отношения с Европейским союзом. В дальнейшем укрепление сотрудничества между США и ЕС сможет вывести союзнические отношения на принципиально новый уровень, ограничивающий растущее невоенное вмешательство третьих стран.

Реализацией идейного наполнения нового витка союзнических отношений и лидерских амбиций США стал Саммит демократии, проведенный в виртуальном режиме 9–10 декабря 2021 г. На него было приглашено более 100 стран, 80 из которых приняли приглашение и участвовали в двухдневных заседаниях. Список приглашенных говорил, скорее, об отношениях того или иного государства с США, чем о его приверженности демократическим ценностям, так как среди них оказались, например, Бразилия, Филиппины, Конго и Чили. “Враги” же демократии были определены очень четко – прежде всего, Китай, а за ним Россия. Остальные, не попавшие в список “избранных”, (например, единственная европейская страна Венгрия), стали символическим исключением.

КИТАЙ – ГЛАВНЫЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СОПЕРНИК

Антикитайский вектор американской политики глобального лидерства сохранился со сменой власти в Белом доме. Администрация Байдена продолжает считать Китай “самой важной геополитической угрозой” для США в XXI в. и заявляет о намерении продвигать свои стратегические интересы методами жесткой конкуренции. Сформулировав в предварительной стратегии национальной безопасности тезис о китайской угрозе, США продолжили организовывать союзников в регионе Транстихоокеанской Азии и реализовывать торговую политику, направленную на конкурентное соперничество с Китаем.

Американская стратегия в отношении КНР сочетает три направления: партнерство, конкуренция и противостояние. Соединенные Штаты планируют и в дальнейшем взаимодействовать с Китаем в отдельных сферах, сохраняя налаженные ранее торговые связи, но жестко противостоять китайской экспансии как геополитической, так и торговой и технологической, и сдерживать развитие азиатского гиганта.

Разработанная Белым домом официальная стратегия торгово-экономических отношений с Китаем декларирует намерение Вашингтона восстановить нарушенное при Трампе взаимодействие с Пекином, в том числе во внешнеэкономической сфере. Заявлено о намерении Белого дома создать рабочие группы для поддержания диалога с КНР по вопросам борьбы с пандемией, энергетической политике, изменениям климата, ситуации в Синьцзяне, Тибете и Гонконге и правам человека. О наличии точек соприкосновения свидетельствует также подписание сторонами совместной декларации по климатической повестке и возобновляемой энергетике [28]. Вашингтон добился от Пекина обещания сокращать потребление угля и не инвестировать в проекты по ископаемому топливу за рубежом.

Одновременно внешнеэкономический курс США продолжает смещаться в сторону многостороннего сдерживания Китая. Акцент делается на выстраивании коалиций “партнеров-единомышленников” и проведении скоординированной антикитайской политики. При этом Соединенные Штаты по-прежнему считают ВТО неподходящим инструментом для решения торговых споров с КНР. Разрабатываются планы формирования авангардной группы стран, которая могла бы возглавить кампанию по реформированию ВТО с целью увязки обсуждения торговых вопросов с задачами коллективного сдерживания Китая, в том числе по вопросам климатической повестки, государственных субсидий и проблеме принудительного труда.

Вместе с тем США не отказываются и от заключения новых двусторонних договоренностей, если они отвечают задаче противодействия Китаю. Так, в противовес Пекину, резко увеличены масштабы торгового взаимодействия с Тайванем. Объявлено о запуске нового американо-японского партнерства по торговле. В орбиту американского лидерства втягиваются и другие страны азиатского континента. Преследуемая при этом цель – распространение американского лидерства в стратегическом для Китая Индо-Тихоокеанском регионе.

В планах США формирование “глобальной договоренности по устойчивой стали и алюминию”, задача которой – ограничить доступ на рынки продукции черной металлургии Китая, как “не соответствующей стандартам по низкоуглеродной интенсивности”. Китаю предъявляются претензии по поводу сохранения “избыточных мощностей” в сталелитейной, алюминиевой и других отраслях промышленности [29].

Белый дом объявил о “дипломатическом бойкоте” зимних Олимпийских игр 2022 г. в Китае и продолжает поднимать вопрос Тайваня, апеллировать к проблемам нарушений прав человека, настаивать на соблюдении Китаем экологических норм и исключении рисков использования принудительного труда.

В интересах американских импортеров объявлено об инициировании тактики “тарифных исключений”, при этом точечная отмена тарифов применяется для

остродефицитных в США товаров, не имеющих адекватных альтернативных источников поставки (полупроводники, медоборудование и т.д.).

Возобновление переговорного процесса по “второй фазе” двустороннего торгового соглашения с КНР увязывается с проблемой дисбаланса в торговле. В ходе виртуальной встречи Байдена с председателем КНР Си Цзиньпином, американский президент настаивал на выполнении Китаем согласованных при Трампе обязательств по увеличению импорта американских товаров и услуг [30]. При этом даже американские эксперты признают, что заявленные в рамках “первой фазы” соглашения количественные параметры закупок на практике оказались нереалистичными, особенно с учетом последствий пандемии. Так, США не располагают ресурсами сжиженного природного газа (СПГ), необходимыми для увеличения поставок в Китай в объемах, установленных соглашением [31]. К тому же действующие ответные китайские пошлины делают американские товары менее конкурентоспособными в Китае.

Конкуренция с КНР в сфере технологий остается важнейшим императивом национальной безопасности США. Вашингтон обеспокоен выводами экспертов о том, что Китай уже сейчас является равноправным конкурентом США по основополагающим технологиям XXI в. – “искусственному интеллекту”, полупроводникам, беспроводной сети 5G, квантовой информатике, биотехнологиям и “зеленой” энергетике. Белый дом намеревается перекрыть Китаю доступ к высокотехнологичным продуктам, разработанным не только в США, но и в союзных странах. Министерство торговли расширило “черный список” китайских фирм, участвующих в деятельности, противоречащей интересам национальной безопасности США. Принят закон, запрещающий использование в Соединенных Штатах оборудования компаний *Huawei* и *ZTE* [32]. Корпорация *Intel* не получила разрешение на расширение производства на заводе в Чэнду [33]. *Yahoo* и *LinkedIn* объявили, что прекращают предоставление своих услуг в Китае [34]. Антикитайскую направленность имеет также создание Совета по торговле и технологиям между США и ЕС.

Зависимость Китая от американского рынка постепенно снижается, тогда как, по свидетельству китайских аналитиков, “комфортная жизнь (американцев) зависит от товаров, произведенных в КНР”. Как пишет автор статьи в журнале *Times*, “без продукции китайского производства, особенно продукции среднего и низкого уровня, будет трудно контролировать инфляцию в США, а инфраструктурный план стоимостью 1 трлн долл. не может быть успешно завершен в соответствии с графиком” [35]. Об этом свидетельствует и увеличение объема товарооборота между Китаем и США за первые 11 месяцев 2021 г. на 21.1% по сравнению с тем же периодом 2020 г. Показательно, что американские поставщики, несмотря на взятые США климатические обязательства, оказались не готовыми отказаться от активного наращивания экспорта угля и СПГ в КНР.

Ограничительные меры поощряют китайские компании в их намерении стать технологически независимыми. Китай доминирует в цепочках поставок редкоземельных элементов, фармацевтических ингредиентов, транспортных контейнеров и ряда других товаров. Учитывая нацеленность демократической администрации на “зеленую повестку”, некоторые решения, направленные на замыкание цепочек поставок на американские компании, оказываются нежизнеспособными, поскольку их реализация возможна только при условии возобновления строительства в самих США предприятий, загрязняющих природную среду.

Действия США подталкивают Пекин к принятию жестких ответных мер. Минторг США обвинил правительство КНР в блокировке закупок “Боингов” китайскими авиакомпаниями [36]. Пекин одобрил создание *China Rare Earth Group* – одной из крупнейших в мире компаний по производству редкоземельных металлов. В ответ на демарш регуляторов фондового рынка США, поощряющий делистинг китайских компаний с американских бирж, сервису транспортных услуг *DiDi* было предложено разработать собственный план делистинга под предлогом опасений по поводу утечки конфиденциальных данных [37]. Это стало жестким негативным сигналом для американских инвесторов, планирующих инвестиции в китайские корпорации.

Противодействие и давление на Китай США продолжают и на морских пространствах. В частности, сохраняет свою остроту противостояние в Южно-Китайском море (ЮКМ), рассматриваемом Вашингтоном в качестве важнейшей мировой акватории, контроль над которой дает им экономическое и военное преимущество в конкуренции с Китаем.

Основой политики Вашингтона в спорной акватории остается сочетание военных и дипломатических усилий, направленных на сохранение американского доминирования в регионе.

В начале 2022 г. Государственный департамент США опубликовал официальный доклад, касающийся конфликта в Южно-Китайском море [38]. Фактически он повторил тезисы предыдущей администрации: по заключению американского внешнеполитического ведомства, КНР предъявляет незаконные морские претензии в большей части ЮКМ, включая притязания, основанные на так называемых исторических правах. В документе отмечается, что с 2014 г. КНР продолжает претендовать на широкую полосу Южно-Китайского моря, а также на участок, который КНР называет “внутренними водами” и “удаленными архипелагами”. Все это, по словам авторов доклада, противоречит международному праву, отраженному в Конвенции по морскому праву 1982 г. Подчеркивается, что Соединенные Штаты “продолжат летать, плавать и действовать везде, где это разрешено международным правом”.

Администрация Дж. Байдена продолжила активно использовать операции по защите свободы судоходства (*Freedom of Navigation, FONOP*) как инструмент сдерживания амбиций Пекина в ЮКМ. Символично, что первая операция ВМС США в Южно-Китайском море прошла через несколько недель после инаугурации нового президента. К сентябрю 2021 г. США провели уже пять военно-морских операций в акватории Южно-Китайского моря [39]. Частота *FONOP* в ЮКМ в первые месяцы президентства Дж. Байдена даже превысила аналогичные показатели во время пребывания на посту предыдущего президента.

В рамках *FONOP* также продолжались облеты самолетами ВВС США спорной акватории. В конце января Соединенные Штаты развернули еще четыре стратегических бомбардировщика *B-52* на авиабазе Андерсен на Гуаме, которая находится в пределах легкой досягаемости Южно-Китайского моря. Согласно доступной информации, общее количество вылетов в январе и феврале составило рекордные 70 и 75 соответственно, а в апреле американские самолеты (*P-8 Poseidon, EP-3E, RC-135W*) в среднем выполняли по два разведывательных полета каждый день [40].

Администрация Дж. Байдена не оставляет попытки максимально расширить и интернационализировать проведение *FONOP* в ЮКМ, опираясь как на двусторонние связи со своими союзниками, так и многосторонние форматы. Традиционными союзниками США в данной акватории остаются Великобритания и Франция, регулярно отправляющие свои корабли в Южно-Китайское море с целью демонстрации приверженности свободы судоходства. Кроме того, Соединенные Штаты неоднократно обращались с призывом провести совместные *FONOP* к еще двум ближайшим союзникам, Австралии и Японии.

Важными форматами многостороннего сотрудничества в ЮКМ для США становятся неформальные союзы. Вероятно, в ближайшей перспективе Вашингтон постарается максимально привлечь партнеров по Четырехстороннему диалогу (*QUAD*) к проведению совместных *FONOP* в ЮКМ, либо, как минимум, согласовать общую официальную позицию по конфликту. Расширением новых форматов союзов стал образованный 15 сентября 2021 г. трехсторонний (Австралия, Великобритания, США) региональный оборонный пакт *AUKUS*. Тесное военно-техническое сотрудничество трех стран позволит Австралии получить атомные субмарины для длительного патрулирования в АТР. Данный альянс в числе прочего будет направлен на противодействие влиянию КНР в Южно-Китайском море.

Стратегическая цель Соединенных Штатов при Дж. Байдене очевидна – создание широкой неформальной коалиции демократических государств (как европейских, так

и азиатских) для противодействия КНР в регионе как на суше, так и на море. Вашингтон позиционирует себя и своих союзников как защитников “мирового порядка, основанного на правилах” (*Rules-based order*) [41]. Китай же выставляется перед международным сообществом “авторитарной коммунистической страной, грубо нарушающей международное право”.

ВЫХОД США ИЗ АФГАНИСТАНА И НОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНЕ

Китайская угроза стала одним из определяющих факторов и при формировании политики США в регионе Центральной Азии. Одним из важнейших итогов первого года администрации Дж. Байдена, а в среднесрочной перспективе и всего его президентства, стал быстрый вывод войск из Афганистана. “Забывтая война”, как ее больше десятилетия называли в СМИ, получила свое катастрофическое разрешение. Ее исход не решил ни одной из стратегических задач, которые перед ней ставились разными президентскими администрациями в различные периоды. Рекордные объемы зарубежной экономической и технической помощи по национальному строительству, сопоставимые по своим масштабам с планом Маршалла по послевоенному восстановлению Европы, не привели ни к закреплению надежных хозяйственных связей Афганистана со странами Центральной и Южной Азии, ни к усилению самостоятельности государственного аппарата официальных властей и сил безопасности. Затраченные военные и временные ресурсы также не гарантировали искоренения очага международного терроризма, активность которого и послужила непосредственной причиной вторжения сил НАТО в страну из-за трагических событий 11 сентября 2001 г. [42] Двадцатилетние усилия по национальному строительству, укреплению управленческого и оборонного потенциала официально признанного государства Исламской Республики Афганистан, были уничтожены за считанные недели.

Очевидно, что решение о выходе принималось в стратегической парадигме противодействия России и Китаю. Антикитайский вектор внешней политики США обусловил и отсутствие четко заданной рамки практического завершения афганской кампании, направленной на поддержание процесса примирения противоборствующих сторон и постконфликтное политическое и социально-экономическое устройство страны. Фактически единственным достижением переговорного процесса американцев с талибами⁷ стала договоренность, что антиправительственные силы Афганистана не станут наносить удары по уходящим из страны иностранным войскам.

Наконец, антикитайский вектор американской внешней политики привел к использованию афганского кризиса для укрепления западного присутствия в Центральной Азии. В дополнение к существующей платформе диалога между США и странами субрегиона “С5+1” [43] была создана еще одна по линии “США–Афганистан–Узбекистан–Пакистан” (САУП) [44], направленная на укрепление связей Центральной и Южной Азии. При этом развитие транспортно-коммуникационных, электроэнергетических и иных проектов напрямую увязывается с подрывом позиций России и Китая [45, р.10]. Для достижения этих целей с момента реформирования пребывания натовской миссии США и их союзники серьезно усилили как свое присутствие на торгово-финансовых рынках [46], так и рычаги для политического давления на страны Центральной Азии из-за проблем с соблюдением права человека и функционированием демократических институтов [47].

УПРАВЛЯЕМАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ С РОССИЕЙ

В 2021 г. отношение к России в США стабилизировалось: произошло принятие отсутствия перспектив улучшения и установления “старой новой” нормы – контролируемой конфликтности. Ведущие позиции в американской администрации занимают сторонники прагматических отношений с РФ: глобальное соперничество и сдерживание вместе с сотрудничеством по необходимости.

⁷ Талибан – запрещенная в РФ организация.

После проведения в июне 2021 г. саммита Дж. Байдена и В. Путина в Женеве стал складываться необходимый для поддержания двусторонних отношений формат диалога на уровне президентов. Постепенно стало очевидно, что возможное поле взаимодействия максимально сужено до традиционных для России и США вопросов безопасности. Единственной рабочей повесткой оставалось разоружение. Все остальные вопросы, большинство из которых могли бы дать шанс открытию новых горизонтов в отношениях – энергетика, экология, Арктика и Антарктика, – быстро ушли в традиционный пассивный режим “ожидания лучших времен”. Более того, нормализация не затронула и дипломатическую сферу – выдача виз практически прекратилась в ноябре 2021 г.

Санкционный режим остался основным механизмом давления на Россию. При этом из-за слабого соприкосновения двух экономик и недостаточной интеграции России в мировую экономическую систему новые сферы для ограничения уже затрагивали бы экономические интересы самих США и их союзников, поэтому принятие следующих шагов рассматривалось администрацией в качестве экстренной меры, требующей предварительной консультации с союзниками.

Кроме того, интерес к точечному восстановлению союзнических отношений привел к послаблению позиций по вопросу энергетических санкций, в частности, “смирения” с завершением строительства трубопровода “Северный поток-2”. Однако тема “Северного потока” с большой вероятностью будет использоваться как инструмент давления на Россию в украинском кризисе. При этом продолжается курс на предотвращение международных закупок оружия у России (Турцией), то есть администрация Байдена не отказывается от политики, ставшей официальной нормой в период администрации Трампа.

За 2021 г. президент Байден выпустил два исполнительных указа, касающихся России: по теме кибератак и вмешательства в американские выборы [48] и по “Северному потоку-2” [49].

Оба они носили довольно общий характер, внося незначительные изменения в санкционный режим, и были направлены прежде всего на то, чтобы продемонстрировать активность и настойчивость президента в вопросе сдерживания России и снизить давление со стороны Конгресса, позволив администрации снять с себя обязательства по парламентскому контролю. Согласно закону CAATSA⁸, надзору Конгресса подлежат меры, введенные по ранее принятым указам, то есть новые исполнительные указы не попадают под его действие. Кроме того, меры, принятые указом, касающимся строительства “Северного потока-2” были явно недостаточными для предотвращения завершения строительства газопровода, скорее это был “реверанс” в сторону европейских партнеров при попытке сохранить лицо.

В российской повестке Байден стремился проявить себя как сильный лидер, гибкий переговорщик, который смог найти общий язык “даже с президентом России”. Но чем большую активность проявлял американский президент на этом поле, тем больше его критиковали оппозиционные конгрессмены. Республиканцы, и особенно их правое крыло, выступали за ужесточение санкций в отношении России в связи с ситуацией на Украине и за увеличение военной помощи последней. Сделать это возможно было только через Конгресс, но при имеющемся меньшинстве их возможности были ограничены.

В течение года в Конгрессе было предложено несколько законопроектов, направленных на сдерживание России, но они не вышли на уровень серьезного обсуждения. Заседания комитета по международным делам по российской повестке проводились только в ответ на текущие события – в частности, по украинскому кризису. Так, заседание состоялось в марте 2021 г. (первый кризис на границе с Украиной), в конце мая (накануне встречи президентов), и два заседания в декабре в связи с предполагаемой угрозой военных действий.

⁸ CAATSA – *Countering American Adversaries Through Sanctions Act*. Закон “О противостоянии противникам Америки посредством санкций” был подписан президентом Д. Трампом 2 августа 2017 г. Он кодифицировал все ранее принятые исполнительные законы о санкциях в отношении России, в нем прописан механизм санкционного воздействия. Закон позволяет всем последующим президентам США гибко и оперативно реагировать на поведение России, расширяя санкционные списки.

Администрация Байдена по сути выбрала тактику выжидания и ответной реакции на конкретные действия России на украинском направлении.

Дальнейшее развитие украинского кризиса активизировало деятельность конгрессменов. Всего с ноября 2021 г. было предложено к рассмотрению более 10 биллей. Из них наибольшее внимание получили три законопроекта: билль сенатора Теда Круза “Об имплементации защиты энергетической безопасности Европы”, проект главы комитета по международным отношениям Сената демократа Роберта Менендеса и предложение главы республиканцев в комитете по международным делам Джима Риша.

Обе партии были настроены усилить поддержку Украины: республиканцы выступали за расширение военной помощи, особенно поставок летального оружия, и за новые санкции, в первую очередь в отношении “Северного потока-2”, демократы требовали прежде всего оказания финансовой помощи Украине, но также были обеспокоены и сдерживанием России.

В ходе обсуждения военного бюджета размер военной помощи Украине был установлен на уровне 300 млн долл. Увеличение расходов стало возможно за счет высвободившихся ресурсов, планировавшихся для обучения и вооружения военных сил в Афганистане. Главными двигателями проекта выступали лоббисты украинских интересов республиканский сенатор Роб Портман и сенатор-демократка Джейн Шейхин: они добились добавления к финансированию Украины еще 50 млн долл. [50] Также было выделено 4 млрд долл., вместо запрашиваемых администрацией 3.4 млрд, для сотрудничества с восточно-европейскими странами в рамках Европейской инициативы по сдерживанию. США таким образом подготовились к очередному году жесткого противостояния с Россией в Европе.

* * *

Вопреки партийной радикализации в 2021 г. администрация Дж. Байдена смогла воспользоваться уникальным моментом контроля Демократической партии над федеральной властью для реализации важной части своей социальной повестки. Изначальный план президента о реформировании инфраструктуры страны серьезно изменился за этот год межпартийных согласований, но в целом принятый “Закон об инвестициях в инфраструктуру и рабочие места” запускает масштабные изменения сразу в нескольких сферах, от которых зависит дальнейшее развитие и конкурентоспособность США.

Несмотря на довольно быстро начавшееся восстановление, экономика США продолжает сталкиваться с серьезными вызовами, спровоцированными пандемией COVID-19: высокой инфляцией и нарушениями в производственных цепочках.

Новая модель поддержания и расширения глобального лидерства США, сформулированная и постепенно реализуемая администрацией Дж. Байдена, строится на создании единого идейно-технологического пространства союзников в противостоянии Китаю и другим “авторитарным” государствам, бросающим вызов США. Антикитайский вектор определяет основные направления их внешнеполитической стратегии: возврат к традиционным союзническим отношениям, расширение альянсов, прекращение затянувшихся военных кампаний, минимальное стратегическое вовлечение в долгосрочные конфликты, точечное взаимодействие с конкурентами и противниками, контролируемая конфронтация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Fact Sheet: The Bipartisan Infrastructure Deal Boosts Clean Energy Jobs, Strengthens Resilience, and Advances Environmental Justice*. The White House. 08.11.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/08/fact-sheet-the-bipartisan-infrastructure-deal-boosts-clean-energy-jobs-strengthens-resilience-and-advances-environmental-justice/> (accessed 09.12.2021).
2. Boak J., Long C. Biden’s \$1T Infrastructure Bill Historic, Not Transformative. *U.S. News & World Report*, 15.11.2021. Available at: <https://www.usnews.com/news/business/articles/2021-11-15/bidens-1t-infrastructure-bill-historic-not-transformative> (accessed 09.12.2021).

3. *Fact Sheet: The Bipartisan Infrastructure Deal*. The White House. 06.12.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/06/fact-sheet-the-bipartisan-infrastructure-deal/> (accessed 09.12.2021).
4. Jalonick M.C. Roads, Transit, Internet: What's in the Infrastructure Bill. *News & World Report*, 15.12.2021. Available at: <https://www.usnews.com/news/politics/articles/2021-11-15/roads-transit-internet-whats-in-the-infrastructure-bill> (accessed 09.12.2021).
5. Onge P. Why Biden's Infrastructure Bill Will Likely Only Worsen Supply Chain Crisis. *Heritage Foundation*, 17.11.2021. Available at: <https://www.heritage.org/budget-and-spending/commentary/why-bidens-infrastructure-bill-will-likely-only-worsen-supply-chain> (accessed 09.12.2021).
6. Goodkind N. Meet Mitch Landrieu, The Man in Charge of Rolling Out Biden's \$1 Trillion Infrastructure Plan. *Fortune*, 16.11.2021. Available at: <https://fortune.com/2021/11/15/mitch-landrieu-biden-infrastructure-white-house/> (accessed 09.12.2021).
7. *Electricity Explained. Electricity Generation, Capacity, and Sales in the United States*. US Energy Information Administration. Available at: <https://www.eia.gov/energyexplained/electricity/electricity-in-the-us-generation-capacity-and-sales.php> (accessed 09.12.2021).
8. *Infrastructure Passes: Five Big Wins for Our Economy*. US Chamber of Commerce. 05.11.2021. Available at: <https://www.uschamber.com/infrastructure/infrastructure-passes-five-big-wins-for-our-economy> (accessed 09.12.2021).
9. Long H. What's In the \$1.2 Trillion Infrastructure Law. *The Washington Post*, 16.11.2021. Available at: <https://www.washingtonpost.com/business/2021/08/10/senate-infrastructure-bill-what-is-in-it/> (accessed 09.12.2021).
10. *Fact Sheet: The American Jobs Plan*. The White House. 31.03.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/31/fact-sheet-the-american-jobs-plan/> (accessed 09.12.2021).
11. Manno M. *Biden Wants to Increase U.S. Offshore Wind Energy. Can He Do It?* Council on Foreign Relations. 23.11.2021. Available at: <https://www.cfr.org/in-brief/biden-wants-increase-us-offshore-wind-energy-can-he-do-it> (accessed 09.12.2021).
12. *Personal Income and Outlays. November 2021*. U.S. Bureau of Economic Analysis. 23.12.2021. Available at: <https://www.bea.gov/sites/default/files/2021-12/pi1121.pdf> (accessed 15.01.2021).
13. *Industrial Production and Capacity Utilization*. Federal Reserve Statistical Release. 14.01.2022. Available at: <https://www.federalreserve.gov/releases/g17/current/g17.pdf> (accessed 15.01.2021).
14. *The Employment Situation – December 2021*. News Release. USDL-22-0015. U.S. Bureau of Labor Statistics (BLS), 07.01.2022. 43 p.
15. Faria-e-Castro M. *The Covid Retirement Boom*. Federal Reserve Bank of St. Louis. 21.11.2021. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3946093> (accessed 15.01.2021).
16. *Job Openings and Labor Turnover – November 2021*. News Release. USDL-22-0001. U.S. Bureau of Labor Statistics (BLS), 04.01.2022. 20 p.
17. *Consumer Price Index – December 2021*. News Release. USDL-22-0018. U.S. Bureau of Labor Statistics (BLS), 12.01.2022. 38 p.
18. *Credit and Liquidity Programs and the Balance Sheet. Recent Balance Sheet Trends*. Board of Governors of the Federal Reserve System. Available at: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/bst-recenttrends.htm> (accessed 15.01.2021).
19. *FHFA House Price Index (HPI) Quarterly Report. 2021Q3 & September 2021*. Federal Housing Finance Agency. 30.11.2021. Available at: https://www.fhfa.gov/AboutUs/Reports/ReportDocuments/2021Q3_HPI.pdf (accessed 15.01.2021).
20. *Median Sales Price of Houses Sold for the United States*. Federal Reserve Economic Data (FRED). Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/MSPUS> (accessed 15.01.2021).
21. *Homeownership Rate in the United States*. Federal Reserve Economic Data (FRED). Available at: <https://fred.stlouisfed.org/series/SAHORUSQ156S> (accessed 15.01.2021).
22. *Paris Climate Agreement*. The White House. 20.01.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/01/20/paris-climate-agreement/> (accessed 28.11.2021).
23. *“Reaffirming and Reimagining America's Alliances” – Speech by Secretary Blinken at NATO Headquarters. US Embassy & Consulates in Russia*. 24.03.2021. Available at: <https://ru.usembassy.gov/reaffirming-and-reimagining-americas-alliances-speech-by-secretary-blinken-at-nato-headquarters/> (accessed 28.11.2021).
24. *President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership*. The White House. 12.06.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (accessed 28.11.2021).
25. Brunsdon J., Williams A., Politi J. EU and US End Airbus-Boeing Trade Dispute After 17 Years. *Financial Times*, 15.06.2021. Available at: <https://www.ft.com/content/985ae1d6-89eb-46d6-b06c-8299ba70c588> (accessed 28.11.2021).
26. US and EU Reach Peace Deal on Trump-era Tariffs on Steel and Aluminium. *The Guardian*, 31.10.2021. Available at: <https://www.theguardian.com/business/2021/oct/31/us-and-eu-reach-peace-deal-on-trump-era-tariffs-on-steel-and-aluminium> (accessed 28.11.2021).
27. Barigazzi J. US to Join EU Project on Military Mobility. *Politico*, 05.05.2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/us-united-states-canada-norway-eu-project-on-military-mobility/> (accessed 28.11.2021).
28. *U.S.-China Joint Glasgow Declaration on Enhancing Climate Action in the 2020s*. U.S. Department of State. 10.11.2021. Available at: <https://www.state.gov/u-s-china-joint-glasgow-declaration-on-enhancing-climate-action-in-the-2020s/> (accessed 09.12.2021).

29. Lau S., Herszenhorn D.M. EU and US Look to Gang Up On China After Trade War Truce. *Politico*, 31.11.2021. Available at: <https://www.politico.eu/article/eu-us-trade-war-truce-import-tariffs-steel-aluminum-g20-summit-2021-china/> (accessed 09.12.2021).
30. *Background Press Call by Senior Administration Officials on President Biden`s Virtual Meeting with President Xi of the People`s Republic of China*. The White House. 15.11.2021 Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2021/11/16/background-press-call-by-senior-administration-officials-on-president-bidens-virtual-meeting-with-president-xi-of-the-peoples-republic-of-china-2/> (accessed 09.12.2021).
31. Bown C. *Why Biden Will Try to Enforce Trump`s Phase One Trade Deal with China*. The Peterson Institute for International Economics (PIIE). 15.12.2021. Available at: <https://www.piie.com/blogs/trade-and-investment-policy-watch/why-biden-will-try-enforce-trumps-phase-one-trade-deal-china> (accessed 09.12.2021).
32. Байден подписал закон, запрещающий применение оборудования двух китайских компаний. *Интерфакс*, 12.11.2021. [Biden Signed a Law Banning the Use of Equipment from Two Chinese Companies. *Interfax*, 12.11.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/world/802585> (accessed 09.12.2021).
33. Intel получила отказ от США расширить производство в Китае. *Известия*, 13.11.2021. [Intel Was Refused by the United States to Expand Production in China. *Izvestia*, 13.11.2021. (In Russ.)] Available at: <https://iz.ru/1249506/video/intel-poluchila-otkaz-ot-ssha-rasshirit-proizvodstvo-v-kitae> (accessed 09.12.2021).
34. Gunia A. Yahoo and LinkedIn Are Ditching China. Here`s Why Most U.S. Businesses Are Staying Put. *Time*, 05.11.2021. Available at: <https://time.com/6113375/yahoo-linkedin-companies-leaving-china/> (accessed 09.12.2021).
35. Gang D. US Cannot `Decouple` from Made in China. *Global Times*, 08.12.2021. Available at: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1240984.shtml?id=12> (accessed 09.12.2021).
36. Минторг США обвинил КНР в блокировке закупок "Боингов" китайскими авиакомпаниями. *Интерфакс*, 29.09.2021. [The US Department of Commerce Has Accused China of Blocking Purchases of Boings by Chinese Airlines. *Interfax*, 29.09.2021. (In Russ.)] Available at: <https://www.interfax.ru/business/794195> (accessed 09.12.2021).
37. China Says U.S. Tech Blacklist Moves Violate Xi-Biden Consensus. *Bloomberg*, 25.12.2021. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-25/china-says-u-s-tech-blacklist-moves-violate-xi-biden-consensus> (accessed 09.12.2021).
38. *Limits in the Seas. № 150. People`s Republic of China: Maritime Claims in the South China Sea*. United States Department of State, Bureau of Oceans and International, Environmental and Scientific Affairs. January 2022. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/01/LIS150-SCS.pdf> (accessed 27.01.2022).
39. Shelbourne M. Destroyer Performs FONOP, U.S. Navy Disputes Chinese Claim That It Ousted Warship. *USNI News*, 08.09.2021. Available at: <https://news.usni.org/2021/09/08/destroyer-performs-fonop-u-s-navy-disputes-chinese-claim-that-it-ousted-warship> (accessed 13.12.2021).
40. Feng J. U.S. Flew Over Two Spy Planes a Day in South China Sea Throughout April. *Newsweek*, 05.05.2021. Available at: <https://www.newsweek.com/us-flew-over-two-spy-planes-day-south-china-sea-throughout-april-1588730> (accessed 13.12.2021).
41. Мишин И.О. Политика США в Южно-Китайском море: первые шаги администрации Джо Байдена. *Азия и Африка сегодня*, 2021, № 12, сс. 12-19. [Mishin I.O. U.S. South-China Sea Policy: The First Steps Under Presidency of Joe Biden. *Aziya i Afrika segodnya*, 2021, no. 12. pp. 12-19. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S032150750017800-2
42. Давыдов А.А. *Мир на рубеже новой эпохи*. ИМЭМО РАН. 10.09.2021. [The World at the Turn of the New Era. IMEMO RAN. 10.09.2021 (In Russ.)] Available at: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/requiem-for-911> (accessed 14.12.2021).
43. *Joint Statement of the C5+1 on the International Conference "Central and South Asia: Regional Connectivity, Challenges and Opportunities"*. U.S. Department of State. 16.07.2021. Available at: <https://www.state.gov/joint-statement-of-the-c51-on-the-international-conference-central-and-south-asia-regional-connectivity-challenges-and-opportunities/> (accessed 30.10.2021).
44. *Announcing the U.S. – Afghanistan – Uzbekistan – Pakistan Quad Regional Support for Afghanistan-Peace Process and Post Settlement*. U.S. Department of State. 16.07.2021. Available at: <https://www.state.gov/announcing-the-u-s-afghanistan-uzbekistan-pakistan-quad-regional-support-for-afghanistan-peace-process-and-post-settlement/> (accessed 30.10.2021).
45. *Joint Regional Strategy. South and Central Asia*. U.S. State Department Bureau for South and Central Asia USAID Office of Afghanistan and Pakistan Affairs USAID Bureau for Asia. 27.02.2019. Available At: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/JRS_SCA_UNCLASS_508_CMC.pdf (accessed 30.10.2021).
46. Yergaliyeva A. FDI to Central Asia Reached 378.2 Billion Over Past 13 years. *The Astana Times*, 09.12.2020. Available at: <https://astanatimes.com/2020/12/fdi-to-central-asia-reached-378-2-billion-over-past-13-years/> (accessed 30.10.2021).
47. Volkava E. The Kazakh Famine of 1930-33 and the Politics of History in the Post-Soviet Space. *The Wilson Center*, 26.03.2012. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/the-kazakh-famine-1930-33-and-the-politics-history-the-post-soviet-space> (accessed 30.10.2021).
48. *Blocking Property with Respect to Specified Harmful Foreign Activities of the Government of the Russian Federation*. Executive Office of the President. 15.04.2021. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-04-19/pdf/2021-08098.pdf> (accessed 10.12.2021).
49. *Blocking Property with Respect to Certain Russian Energy Export Pipelines*. Executive Office of the President. 20.08.2021. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/FR-2021-08-24/pdf/2021-18306.pdf> (accessed 10.12.2021).

50. O'Brien C., Mcleary P. Russian Buildup Sparks New Push to Send Weapons to Ukraine. *Politico*, 24.11.2021. Available at: <https://www.politico.com/news/2021/11/24/russia-push-new-weapons-ukraine-523362> (accessed 10.12.2021).

JOE BIDEN'S FIRST YEAR IN THE WHITE HOUSE

(Analysis and Forecasting. *IMEMO Journal*, 2022, no. 1, pp. 54-77)

Received 03.02.2022.

Revised 07.02.2022.

Accepted 05.04.2022.

Oksana V. BOGAEVSKAYA (bogaevsk@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-2127-0475,
 Anastasia A. BUNINA (Abunina@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7765-6014,
 Alexey A. DAVYDOV (adavydov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8899-8746,
 Ekaterina A. DESYATSKY (elobastova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-3598-4404,
 Sergey S. DMITRIEV (sdmitriev.at.imemo@mail.ru), ORCID: 0000-0003-2538-8219,
 Sergey V. KISLITSYN (skislitsyn@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-8438-7964,
 Elina V. KIRICHENKO (elinakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852,
 Vasilisa K. KULAKOVA (kulakova@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-0677-4440,
 Igor O. MISHIN (mishin.igor2@gmail.com), ORCID: 0000-0002-6547-1319,
 Alexey A. SHLIKHTER (shlihter.alexey@yandex.ru), ORCID: 0000-0001-8025-5852,
 Victoria Yu. ZHURAVLEVA (zhvika@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1911-625X,
 Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article analyzes major trends in domestic, social, economic, trade and foreign policy of the USA in 2021. The past year turned out to be unexpectedly successful for the Democratic administration of Joseph Biden, who managed to use his party's almost maximum control over the federal government to lay the legislative foundation for the implementation of one of the priority items on the election agenda and began the transformation of the foreign policy strategy of the US global leadership. His first year was really eventful — in the difficult conditions of the ongoing pandemic, he opened a new stage of social and foreign policy transformations.

The current US President came to the White House with a large-scale social agenda, on which the Democratic Party has been working all 4 years of Trump's presidency in anticipation of revenge. The ambitious plans, in addition to fighting the pandemic, included the subsequent reform of the healthcare system launched by Barack Obama, ensuring racial equality and social justice, updating the country's long and seriously worn out infrastructure, launching a 'green transition' and reforming the country's immigration system.

All these reforms are long overdue and really needed. However, since the beginning of the XXI century the reform efforts of presidents traditionally produce very little results — an average of one large-scale reform for each president. The list of changes required by the country is growing, but the speed of its implementation is only falling. The reason for this slowdown lies in partisan polarization and radicalization, which grew rapidly during the same period, shrinking the space for compromise, a key condition for reform efforts under the American separation of powers.

The Democrats with J. Biden won their chance for a blitz in 2020, however, not only the Republicans, whose numerical minority made it possible to worry less about their resistance, but also the unity of the Democratic Party itself, were on the way to its implementation. Over the past four years, the left wing of the party has expanded its membership in Congress and has become a powerful force, ready to resist even its own president. The large-scale social agenda proposed by J. Biden during the election campaign, which implies the expansion of the social responsibility of the state, eventually caused serious objections from both left-wing

Democrats and Republicans. The first considered it insufficient, for the second it offered too revolutionary changes.

Biden's centrist position in the face of radicalization proved to be more of an obstacle to pushing forward reforms than an opportunity to implement them. As a result, all participants had to compromise. Paradoxically, radicalization, which destroyed opportunities and room for compromise, itself became a compromise factor in a situation where changes could be too drastic for both the government itself and society.

Finally, the Biden administration was able to seize a unique moment of democratic control over federal power to implement an important part of its social agenda. Biden's original plan to reform the country's infrastructure has seriously changed over this year of cross-party agreements, but in general, the adopted 'Infrastructure Investment and Jobs Act' launches large-scale changes in several areas at once, on which the further development and competitiveness of the United States depend.

Despite a relatively quick recovery, the US economy continues to face major challenges from the COVID-19 pandemic: high inflation and disruption in production chains.

The new model for maintaining and expanding US global leadership, formulated and gradually implemented by Joe Biden's administration, is based on the creation of a single ideological and technological space of allies in opposition to China and other authoritarian states challenging the US. The anti-Chinese vector determines the main directions of the US foreign policy strategy: returning to traditional allied relations, expanding alliances, ending protracted military campaigns, minimal strategic involvement in long-term conflicts, targeted interaction with competitors and adversaries, and controlled confrontation.

This article is a result of a collective multi-aspect research of transformations taking place in the US on a real-time basis. The analysis is built methodologically on the systemic approach to studying American political, social and economic trends, both domestically and on an international level.

Keywords: *US President, infrastructure reform, green agenda, immigration crisis, anti-Chinese vector, transatlantic solidarity, withdrawal from Afghanistan, managed conflict, sanctions mechanism, negotiations with Russia.*

About the authors:

Oksana V. BOGAEVSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, US Economic Research Group, Center of North American Studies.

Anastasia A. BUNINA, Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

Aleksey A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Research Associate, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

Ekaterina A. DESYATSKY, Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

Sergey S. DMITRIEV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, US Economic Research Group, Center of North American Studies.

Sergey V. KISLITSYN, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Center of North American Studies.

Elina V. KIRICHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Head of US Economic Research Group, Center of North American Studies.

Vasilisa K. KULAKOVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Researcher, US Economic Research Group, Center of North American Studies.

Igor O. MISHIN, Junior Researcher, US and Canadian policy in the World Ocean Research Group, Center of North American Studies.

Alexey A. SHLIHTER, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, US Economic Research Group, Center of North American Studies.

Victoria Yu. ZHURAVLEVA, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Center of North American Studies.

DOI: 10.20542/afij-2022-1-54-77

МОНИТОРИНГ СОСТОЯНИЯ МИРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ ИННОВАЦИЙ ЗА 2020–2021 ГГ.

© КИРИЧЕНКО И.В., КРАВЦОВ А.А., МАМЕДЬЯРОВ З.А.,
ШЕЛЮБСКАЯ Н.В., НИКИТИН А.В., 2022

КИРИЧЕНКО Ирина Владимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций (irakin@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-6017-6505

КРАВЦОВ Александр Александрович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций (kravtsov@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7916-4662

МАМЕДЬЯРОВ Заур Аязович, кандидат экономических наук, заведующий сектором экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций (mamedyarov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4336-1020

ШЕЛЮБСКАЯ Наталья Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций (n.sheliubskaya@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-5125-3142

НИКИТИН Андрей Владимирович, младший научный сотрудник сектора экономики науки и инноваций отдела науки и инноваций, аспирант (AnNikitin@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-3371-9989

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, Профсоюзная, 23.

Кириченко И.В., Кравцов А.А., Мамедьяров З.А., Шелюбская Н.В., Никитин А.В. Мониторинг состояния мировой экосистемы инноваций за 2020–2021 гг. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 1, сс. 78–99. DOI: 10.20542/afij-2022-1-78-99

DOI: 10.20542/afij-2022-1-78-99

УДК: 338.2+332.05

Поступила в редакцию 26.01.2022.
Доработана после рецензирования 06.02.2022.
Принята к публикации 05.04.2022.

Рассмотрены основные характеристики состояния мировой сферы исследований и разработок в 2020–2021 гг. в страновом, региональном и отраслевом измерениях, а также государственной политики в области науки и инноваций. Проанализирована динамика масштабов финансирования исследований и разработок в ведущих странах мира, а также *IPO* в мире в целом, по макрорегионам, странам-лидерам и компаниям-лидерам, а также по объемам привлеченных средств и по технологическим направлениям, к которым относилось большинство проводивших *IPO* компаний. Выделены компании, проявившие наибольшую активность в сфере патентования, а также технологические направления, в которых отмечалась самая высокая патентная активность. Сопоставлены научно-технические программы КНР, США, Индии, Японии, ЕС и Великобритании.

Ключевые слова: наука и инновации, научно-техническое развитие, научно-техническая политика, исследования и разработки (ИР), технологическая конкуренция, патентная статистика, слияния и поглощения, *IPO*.

ФИНАНСИРОВАНИЕ НАУКИ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статистика показывает, что в кризисном 2020 г. практически не изменились список стран-лидеров по расходам на исследования и разработки (ИР) и их порядок в нем по сравнению с предыдущим годом (лишь Республика Корея обошла Индию). Общее соотношение сил осталось прежним: на США и КНР приходится половина всех мировых затрат на ИР, а на первые пять стран-лидеров – две трети (табл. 1). Правда, доли стран-лидеров в общемировых расходах на ИР немного сократились (на доли процента по сравнению с 2019 г.), увеличилась лишь доля КНР (на 2.2 п.п.). В то же время доля расходов на ИР в ВВП Китая снизилась на 0.84 п.п., тогда как в остальных странах десятки этот показатель не изменился, а в США даже вырос на 0.9 п.п.

Таблица 1. Топ-10 стран мира по объему совокупных расходов на ИР в 2020 г.

№	Страна	Расходы на ИР, млрд долл. по ППС	Доля расходов на ИР в ВВП, %	Доля в общемировых расходах на ИР, %
1	США	580.20	2.88	25.0
2	КНР	574.40	1.98	24.7
3	Япония	181.10	3.50	7.8
4	Германия	121.65	2.84	5.2
5	Республика Корея	87.11	4.35	3.7
6	Индия	85.92	0.86	3.7
7	Франция	64.46	2.25	2.8
8	Россия	58.92	1.50	2.5
9	Великобритания	49.77	1.73	2.1
10	Бразилия	37.11	1.16	1.6
	Мир	2 325.18	1.74	100.0

Источник: [1].

Первенство в области расходов на ИР по-прежнему принадлежит США. Большую часть таких затрат осуществляют частные компании. Государственные ассигнования также весьма внушительны – 158.6 млрд долл., причем 98.6% средств выделяется всего лишь десяти организациям – Национальному управлению по авионавигации и исследованию космического пространства (НАСА), Национальному научному фонду (ННФ) и восьми федеральным министерствам (табл. 2). Главные получатели (89%): министерства обороны, здравоохранения, энергетики, НАСА и ННФ.

Таблица 2. Топ-10 ведомств США по объему государственных ассигнований на ИР в 2020 г.

№	Ведомство	Расходы на ИР, млн долл.	Доля в общих расходах на ИР, %
1	Министерство обороны	62 438	39.4
2	Министерство здравоохранения и социальных служб	44 455	28.0
3	Министерство энергетики	19 476	12.3
4	НАСА	14 801	9.3
5	ННФ	6 800	4.3
6	Министерство сельского хозяйства	2 989	1.9
7	Министерство торговли	1 953	1.2
8	Министерство по делам ветеранов	1 366	0.9

№	Ведомство	Расходы на ИР, млн долл.	Доля в общих расходах на ИР, %
9	Министерство транспорта	1 043	0.7
10	Министерство внутренних дел	1 094	0.7
	Все ассигнования	158 626	100.0

Источник: [2].

В качестве общемирового тренда следует выделить рост в 2020 г. инвестиций в ИР в здравоохранении и ИКТ. Инновации в этих сферах оказались наиболее востребованными на фоне коронакризиса. В то же время в отраслях, сильно пострадавших от него (в частности, автомобилестроении и аэрокосмическом комплексе), вложения в ИР сократились. Подобный структурный сдвиг наиболее заметно проявился в Европе, где доля компаний, специализирующихся на автомобилестроении, выше, чем в США и КНР, в которых предприятия в большей степени специализируются на ИКТ и медицинских технологиях [3].

ПЕРВИЧНЫЕ РАЗМЕЩЕНИЯ АКЦИЙ, СЛИЯНИЯ И ПОГЛОЩЕНИЯ

В 2021 г. на большинстве рынков заметно активизировались сделки *IPO* и по слияниям и поглощениям (*M&A*). В I кв. 2021 г. общая сумма привлеченных средств в рамках *IPO* оказалась выше, чем за первые три квартала 2020 г. вместе взятые. Это было обусловлено государственными программами стимулирования экономики, ожиданием восстановления экономики на фоне ослабления пандемии *COVID-19*, новостями об успешных испытаниях вакцин, а также улучшением макроэкономических показателей. Впрочем, по макрорегионам динамика *IPO* была неравномерной.

В I кв. 2021 г., по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, объемы *IPO* в мире выросли на 87%, а объем привлеченных средств увеличился на 99%, что стало одним из самых высоких показателей за последнее время. Последующие кварталы 2021 г. продемонстрировали более скромные результаты (табл. 3).

Таблица 3. Динамика *IPO* в мире в конце 2020 – первой половине 2021 гг.

	4/2020	1/2021	2/2021	3/2021
Количество <i>IPO</i>	528	727	582	512
Прирост к предыдущему периоду, %	9.8	37.7	-19.9	-12.0
Привлеченные средства, млрд долл.	129.0	202.9	131.0	112.3

Источник: составлено по [4; 5].

Больше всего *IPO* в 2021 г. было проведено в США (68% общемирового показателя). Бразилия, несмотря на некоторую волатильность, вызванную *COVID-19*, была вторым по объемам рынком *IPO* в Северной и Южной Америке. В остальных государствах макрорегиона в первом полугодии 2021 г. наблюдалось снижение активности: количество сделок и выручка во II кв. упали более чем вдвое по сравнению с I кв. (табл. 4). Крупнейшие *IPO* в Северной и Южной Америке были проведены иностранными компаниями.

Таблица 4. Динамика *IPO* в первом полугодии 2021 г. по макрорегионам.

Регион	Количество <i>IPO</i> в 1/2021	Количество <i>IPO</i> в 2/2021	Привлеченные средства в 1/2021, млрд долл.	Доля в общемировых <i>IPO</i> за период, %	Привлеченные средства за 2/2021, млрд долл.	Доля в общемировых <i>IPO</i> за период, %
Весь мир	727	582	202.9	100.0	131.0	100.0
Северная и Южная Америка	419	198	143.9	70.9	63.3	48.3

Европа, Ближний Восток и Африка	91	145	27.5	13.6	27.5	21.0
Азиатско-Тихоокеанский регион	217	239	31.5	15.5	40.2	30.7

Источник: составлено по [4; 5].

В то же время в макрорегионе *EMEA* (Европа, Ближний Восток, Африка) рост *IPO* продолжился: во II кв. выручка от размещения продемонстрировала стабильный прирост, аналогичный предыдущему кварталу, несмотря на меньшие объемы сделок. Активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе (*АТР*) выросла ближе к середине года, вернувшись к высоким уровням, наблюдавшимся во втором полугодии 2020 г.

В *АТР* в области *IPO* в первом полугодии 2021 г. продолжал лидировать Китай, второе место занимал Гонконг (табл. 5). По итогам 2021 г. в регионе ожидается рост активности в сфере *IPO*, поскольку гонконгский регулятор *HKEX* упростил процедуру листинга для иностранных эмитентов за счет внедрения платформы *FINI (Fast Interface for New Issuance)*. Однако, несмотря на благоприятные рыночные условия, многие китайские компании, запланировавшие *IPO*, могут столкнуться с регуляторными ограничениями со стороны иностранных властей. Это продемонстрировало крупнейшее во втором квартале *IPO*, проведенное в США компанией-агрегатором *Didi Global*. Вскоре после ее дебюта на рынке американское правительство ввело запрет на приложение заказа такси, используемое агрегатором, сославшись на проблемы с обеспечением конфиденциальности данных, что привело к значительному снижению цен на акции компании. Ужесточение правил и продолжающиеся антимонопольные расследования также могут оказать негативное влияние на динамику *IPO*, поскольку национальные регуляторы стремятся установить контроль над местными предприятиями, котирующимися за рубежом.

Таблица 5. Страны – лидеры по объему средств, привлеченных на *IPO* в первом полугодии 2021 г.

Страна	Количество <i>IPO</i> в 1/2021	Доля в общем объеме <i>IPO</i> за период, %	Количество <i>IPO</i> в 2/2021	Доля в общем объеме <i>IPO</i> за период, %	Привлеченные средства за 1/2021, млрд долл.	Доля в общем объеме <i>IPO</i> за период, %	Привлеченные средства за 2/2021, млрд долл.	Доля в общем объеме <i>IPO</i> за период, %
США	399	54.9	180	30.9	139.8	68.9	59	45.0
КНР	116	16.0	136	23.4	12.6	6.2	20.6	15.7
Гонконг	27	3.7	14	2.4	10.8	5.3	7.7	5.9
Швеция	14	1.9	34	5.8	2.2	1.1	3.5	2.7
Великобритания	21	2.9	22	3.8	8.3	4.1	3.8	2.9
Норвегия	27	3.7	15	2.6	2.6	1.3	1.7	1.3
Всего топ-6	604	83.1	401	68.9	176.3	86.9	96.3	73.5
Мир	727	100.0	582	100.0	202.9	100.0	131.00	100.0

Источник: составлено по [4; 5].

В США повышенная активность первичных размещений наблюдалась в биофармацевтическом секторе (32 *IPO* на сумму 5 млрд долл.) и в ИКТ (27 *IPO* на сумму 12 млрд долл.).

Таблица 6. Динамика *IPO* в США за I кв. 2020 – III кв. 2021 г.

	1/2020	2/2020	3/2020	4/2020	1/2021	2/2021	3/2021
Количество <i>IPO</i>	33	60	152	186	390	163	170
Изменение числа <i>IPO</i> к предыдущему периоду, %	-32.7	81.8	153.3	22.4	109.7	-58.2	4.3
Привлеченные средства, млрд долл.	10	22	58	61	126	53	43

Изменение к предыдущему периоду, %	11.1	120.0	163.6	5.2	106.6	-57.9	-18.9
------------------------------------	------	-------	-------	-----	-------	-------	-------

Источник: [6].

Крупные IPO в США во II кв. провели компании *AppLovin* на 2 млрд долл. на *NASDAQ* и *UiPath* на 1.5 млрд долл. на *NYSE*. Крупнейшее IPO в ATP провела китайская компания *JD Logistics Technology*, которая привлекла 3.6 млрд долл. на Гонконгской фондовой бирже. Еще пять компаний привлекли более 1 млрд долл. на биржах ATP.

Таблица 7. Компании – лидеры по объему средств, привлеченных на IPO в первом полугодии 2021 г.

Компания	Страна	Биржа	Привлеченные средства, млрд долл.	Доля в общемировых IPO, %
<i>Kuaishou Technology</i>	Китай	<i>HKEX</i>	6.2	1.86
<i>Coupang Inc.</i>	Респ. Корея	<i>NYSE</i>	4.6	1.38
<i>DiDi Global Inc.</i>	Китай	<i>NYSE</i>	4.4	1.32
<i>InPost SA</i>	Польша	<i>AEX</i>	3.9	1.17
<i>JD Logistics Inc.</i>	Китай	<i>HKEX</i>	3.6	1.08
<i>China Three Gorges Renewables (Group) Co Ltd</i>	Китай	<i>SSE</i>	3.5	1.05
<i>Allfunds Group plc</i>	Испания	<i>AEX</i>	2.6	0.78
<i>Bumble Inc.</i>	США	<i>NASDAQ</i>	2.5	0.75
<i>Vantage Towers AG</i>	Германия	<i>FSE</i>	2.4	0.72
<i>AUTO1 Group SE</i>	Германия	<i>FSE</i>	2.2	0.66

Источник: составлено по [4; 5].

Основные секторы экономики, в которых наблюдаются значительные объемы IPO, остаются прежними практически во всех регионах: финансы, ИТ-технологии и здравоохранение (табл. 8).

Таблица 8. Показатели IPO по секторам экономики, первое полугодие 2021 г.

Сектор	Количество IPO, 1/2021	Количество IPO, 2/2021	Привлеченные средства, 1/2021, млрд долл.	Доля в общемировых IPO за период, %	Привлеченные средства, 2/2021, млрд долл.	Доля в общемировых IPO за период, %
Финансы	328	117	105.5	52.0	29.4	22.4
Высокотехнологичные компании	80	82	25.5	12.6	22	16.8
Здравоохранение	7	103	14.6	7.2	19.9	15.2
Производство потребительских товаров	74	70	25.6	12.6	19.4	14.8
Промышленное производство	74	114	14.8	7.3	21.2	16.2
Производство сырьевых товаров	36	32	2.8	1.4	3.4	2.6
Коммунальные предприятия	29	10	6.6	3.3	2.9	2.2
Телекоммуникации	8	8	3.4	1.7	0.2	0.2
Товары первой необходимости	25	29	4.1	2.0	6.8	5.2
Энергетика	0	17	0	-	5.8	4.4
Весь мир	727	582	202.9	100.0	131	100.0

Источник: составлено по [4; 5].

В первой половине 2021 г. продолжился рост рынка M&A, что вылилось в рекордную глобальную стоимость соответствующих сделок. В последние 12 месяцев она превышала 1 трлн долл. в квартал (табл. 9). На технологические, медиа- и телекоммуникационные компании пришлось треть всех сделок.

Таблица 9. Динамика сделок по слияниям и поглощениям по макрорегионам, первое полугодие 2021 г.

Регион	Количество M&A, 1/2021	Количество M&A, 2/2021	Привлеченные средства, 1/2021, млрд долл.	Доля в обобщенных M&A за период, %	Привлеченные средства, 2/2021, млрд долл.	Доля в обобщенных M&A за период, %
Весь мир	14 781	14 155	1 221.00	100.0	1 232.00	100.0
Северная и Южная Америки	5 140	4 613	714.00	58.48	677.00	54.95
Европа, Ближний Восток и Африка	5 078	4 821	278.00	22,77	274.00	22.24
Азиатско-Тихоокеанский регион	4 563	4 721	220.00	18,02	282.00	22.89

Источник: [7].

ПАТЕНТНАЯ АКТИВНОСТЬ

Структура и динамика патентования сформировались под влиянием факторов, действовавших гораздо более длительное время, чем коронакризис, хотя и он повлиял на эту сферу.

Из 10 компаний, зарегистрировавших наибольшее количество патентов в патентном ведомстве США (USPTO) в 2020 г., половина происходит из самих США, остальные представлены фирмами из Республики Корея, Японии, КНР и Тайваня (табл. 10). Все они относятся к отрасли точного машиностроения и специализируются на высокотехнологичной электронике. Исключением является лишь компания *Microsoft*, которая производит программное обеспечение, но для той же высокотехнологичной электроники.

Таблица 10. Основные патентополучатели в Ведомстве по патентам и товарным знакам США, 2020 г.

№	Компания	Количество патентов, шт.	Годовой прирост, %	Доля в общем количестве, %
1	<i>International Business Machines Corporation (IBM)</i>	9 118	-1.5	2.75
2	<i>Samsung Electronics Co., Ltd.</i>	6 396	-0.7	1.93
3	<i>Canon Kabushiki Kaisha</i>	3 225	-9.1	0.97
4	<i>Microsoft Technology Licensing, Llc.</i>	2 909	-5.6	0.88
5	<i>Intel Corporation</i>	2 865	-5.1	0.86
6	<i>LG Electronics Inc.</i>	2 830	1.0	0.85
7	<i>Taiwan Semiconductor Manufacturing Co., Ltd. (TSMC)</i>	2 817	21.7	0.85
8	<i>Apple, Inc.</i>	2 788	12.3	0.84
9	<i>Huawei Technologies Co., Ltd.</i>	2 760	14.2	0.83
10	<i>Qualcomm, Inc.</i>	2 276	-3.1	0.69
	Все компании	331 720	-0.6	100.00

Источник: рассчитано по данным [8].

Примечательно, что шесть из десяти компаний в 2020 г. продемонстрировали спад патентования. Частично это было связано с беспрецедентным дефицитом на мировом рынке полупроводниковых микросхем, что побудило фирмы, использующие данный вид комплектующих, снизить патентную активность. Исключением стали *Huawei* и *TSMC*, входящие в число мировых лидеров по производству полупроводниковых микросхем, а также *Apple*, договорившаяся с *TSMC* о бесперебойном снабжении микросхемами. Все они показали рост патентования более чем на 10%.

Однако лидерами рейтинга являются не они, а *IBM* и *Samsung*, с огромным отрывом опережающие ближайшего конкурента – компанию *Canon* (в 3 и 2 раза соответственно). *IBM* возглавляет список патентополучателей в *USPTO* уже 28 лет и по праву считается одним из столпов американской и мировой разработки программного и аппаратного обеспечения. В частности, она лидирует в таких сферах, как технологии искусственного интеллекта (более 2300 патентов), “облачные” технологии (более 3000 патентов), квантовые вычисления и кибербезопасность (более 1400 патентов) [9].

Группа *Samsung* по состоянию на 2020 г. обладала более чем 200 тыс. действующих патентов по всему миру, из них 80.6 тыс. зарегистрированных в США. Компания специализируется на патентовании изобретений в сфере производства смартфонов, телевизоров, полупроводников и технологий изготовления микросхем высокой плотности (*large scale integration*) [10].

Отраслевой состав компаний, подавших наибольшее количество заявок на регистрацию патентов в Европейское патентное ведомство (ЕПВ) в 2020 г., мало отличается от такового в патентном ведомстве США (табл. 11). Девять из десяти компаний относятся к машиностроительной отрасли, преимущественно к точному машиностроению, и лишь замыкающий список лидеров немецкий концерн *BASF* принадлежит к химической отрасли. Характерно, что если южнокорейские, японские и китайские компании в списке в значительной степени те же, что и в рейтинге для США, то американские компании представляет лишь фирма *Qualcomm*, а остальные места занимают европейские производители, правда, уступающие лидерство по числу поданных заявок азиатским конкурентам.

Таблица 11. Топ-10 компаний – лидеров по количеству заявок, поданных в Европейское патентное ведомство, 2020 г.

№	Компания	Количество заявок на получение патента, шт.
1	<i>Samsung</i>	3 276
2	<i>Huawei</i>	3 113
3	<i>LG</i>	2 909
4	<i>Qualcomm</i>	1 711
5	<i>Ericsson</i>	1 634
6	<i>Siemens</i>	1 625
7	<i>Robert Bosch</i>	1 597
8	<i>Sony</i>	1 477
9	<i>Royal Philips</i>	1 419
10	<i>BASF</i>	1 305

Источник: [11].

Распределение патентов, выданных ЕПВ в 2020 г., по странам отражает общую ситуацию на мировом рынке патентования: лидерами являются США, КНР, Япония, Республика Корея и ведущие государства Евросоюза (табл. 12). Однако масштабы патентной активности этих стран в ЕПВ имеют определенную специфику. Так, Республика Корея и Китай по числу полученных патентов уступают европейским лидерам – Германии и Франции; Швейцария опережает

Великобританию, а Нидерланды – Италию. Отметим также относительно скромную позицию России: лишь 35-е место против 11-го в целом по миру в 2019 г.

Таблица 12. Основные патентополучатели Европейского патентного ведомства, 2020 г.

№	Страна	Количество патентов, шт.	Годовой прирост, %	Доля в общем количестве, %
1	США	34 160	-1.31	25.5
2	Япония	20 229	-9.78	15.1
3	Германия	20 054	-5.40	15.0
4	Франция	8 396	-4.57	6.3
5	Республика Корея	7 049	-2.73	5.3
6	КНР	6 863	10.18	5.1
7	Швейцария	4 899	2.70	3.7
8	Великобритания	4 004	-2.79	3.0
9	Нидерланды	3 962	-8.41	3.0
10	Италия	3 813	2.69	2.9
35	Россия	132	3.13	0.1
	Всего	133 709	-2.96	100.0

Источник: рассчитано по [12].

Заметно сокращение общего количества выданных патентов; из этого тренда выбивается лишь Китай, продемонстрировавший рост на 10.2%. Осторожный оптимизм может внушать небольшое возрастание числа патентов, полученных заявителями из РФ – на 3.1%.

Спрогнозировать дальнейшую динамику патентования в указанных странах пока затруднительно. Она будет зависеть от того, насколько успешно они смогут в конечном счете погасить на своей территории проявление пандемии и адаптировать свою промышленность и науку к новым факторам экономического развития, вызванным кризисом, таким как перебои с транспортировкой товаров (вплоть до полного разрыва международных цепочек поставок сырья и комплектующих) и перевод ряда профессий на удаленный режим работы.

Можно выделить лишь некоторые доковидные тенденции. В частности, если в 2012–2015 гг. в большинстве стран-лидеров динамика патентования была нестабильной и нередко отрицательной (кроме КНР, Швейцарии и Великобритании, устойчиво демонстрировавших рост патентования), то в 2016–2019 гг. все страны первой десятки показали положительную динамику. При этом наибольший средний рост за 2016–2019 гг. продемонстрировали Китай (342.7% к уровню 2015 г.) и Республика Корея (264.7%). Еще трем странам удалось удвоить интенсивность патентования в Европе. Это США (131.3%), Нидерланды (116.4%) и Япония (111.8%). Остальные пять стран-лидеров и Россия показали рост в пределах 50–100% к уровню 2015 г. Во всех рассмотренных странах рост патентования отмечался во все годы данного периода, исключение составили лишь 2017 г. в Италии (-3% к предыдущему году) и 2019 г. в России (-17.4%).

Таблица 13. Топ-10 технологических отраслей по количеству патентов, выданных Европейским патентным ведомством в 2020 г.

№	Отрасль/технологии	Количество патентов, шт.	Годовой прирост, %	Доля в общем количестве, %
1	Цифровые коммуникации	11 794	-1.3	8.8
2	Медицинские технологии	10 479	0.0	7.8
3	Электромашиностроение и энергетика	9 160	1.5	6.9

4	Транспорт	8 660	-3.7	6.5
5	Компьютерные технологии	7 907	-6.7	5.9
6	Измерительная техника	7 022	1.4	5.3
7	Двигатели, трубы, турбины	5 829	-4.8	4.4
8	Прочее специальное машиностроение	4 782	7.1	3.6
9	Строительная инженерия	4 114	-1,7	3.1
10	Механическое оборудование	4 019	-3.9	3.0

Источник: рассчитано по [12].

Отраслевое распределение выданных ЕПВ патентов в 2020 г. в целом соответствует отмечавшемуся в мире годом ранее (табл. 13): лидируют высокотехнологичные направления и транспорт. Отличие заключается в ведущем положении цифровых коммуникаций, опережающих даже компьютерные технологии и электромашиностроение, тогда как в мире в целом наблюдалась обратная ситуация.

В целом 2021 г. ознаменовался падением патентной активности по всем основным технологическим направлениям, кроме электромашиностроения и измерительной техники, но и в них наблюдалось падение темпов роста – на 0.5 и 15.2 п.п. соответственно. В перспективе после восстановления экономики от коронавирусного шока можно предполагать постепенное восстановление докризисных тенденций, а именно: общего роста патентования во всех основных отраслях в 2016–2018 гг. При этом в свете возросшего значения удаленной работы следует ожидать усиления развития отраслей, обеспечивающих такую возможность, – компьютерных технологий и цифровых коммуникаций. Эти отрасли демонстрировали рекордные показатели роста еще накануне кризиса (91.3% и 59.9% соответственно за 2016–2018 гг.) и вероятно смогут, как минимум, восстановить их в ближайшем будущем.

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Опубликованные в 2021 г. страновые и международные документы по научно-технологической политике, во-первых, развивают предшествующие стратегические установки. Например, подчеркивается необходимость формирования сильных суверенных национальных инновационных систем (НИС) ради экономического процветания. Кроме того, все активнее продвигается идея инклюзивного и человекоориентированного инновационного роста. Во-вторых, акцент делается на прогресс технологий, которые должны лечь в основу реализации этих установок – таких как цифровизация и технологии искусственного интеллекта (ИИ), “зеленые” технологии, технологии, основанные на науках о жизни.

ООН. Основной посыл Доклада о состоянии технологий и инноваций, опубликованного ЮНКТАД в феврале 2021 г. [13] – побудить развивающиеся страны создавать собственные сильные НИС ради преодоления отставания от глобальных лидеров в уровне социально-экономического развития. Подробно разбираются причины технологического отставания, обуславливающего неравенство в уровне экономического развития и качестве жизни между развитыми и развивающимися странами, анализируется способность последних преодолеть его. Даются рекомендации о том, как развивающиеся страны могут догнать развитые на пути достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН, призванные минимизировать риски социальных кризисов и обеспечить достойное качество жизни каждому человеку на Земле.

В Докладе отмечается, что развитие человеческой цивилизации в последние 20 лет сопровождалось быстрым развитием технологий, совершенствованием цифровых устройств и услуг. Авторы документа не ставят под сомнение общепринятую точку зрения о том, что во многих отношениях эти процессы были плодотворны: инновации становятся драйверами экономического развития, причем все более значимыми по мере развертывания цифровизации и упрочения позиций современных прорывных технологий – таких как технологии искусственного интеллекта, робототехника,

биотехнология, нанотехнологии. Подчеркивается, что использующие их страны дальше других продвинулись к достижению Целей устойчивого развития ООН.

Тем не менее, как показано в первой главе “Поймать технологическую волну”, внедрение новых технологий может иметь и негативные последствия. Исторический анализ привел экспертов ЮНКТАД к следующему выводу: каждая волна научно-технического и технологического прогресса, начиная с первой промышленной революции, обостряет неравенство населения лидеров экономического развития, основанного на инновациях, и стран, находящихся на его периферии, в доходах, а также в доступе к общественным услугам – таким как образование и здравоохранение, в настоящее время – инфраструктуры ИКТ или электрификации. При этом в государствах с наиболее низким подушевым ВВП наблюдается наибольший разрыв в уровне и качестве жизни между их богатейшими гражданами и беднейшими слоями населения.

Авторы доклада выявили причину того, что технологии вносят свой вклад в усугубление неравенства: их внедрение требует существенных финансовых ресурсов для формирования новой технико-экономической парадигмы, то есть создания технологических кластеров, продуктов, отраслей, инфраструктуры и институтов, обеспечивающих технологическую революцию. К тому же не каждый член общества даже при условии внедрения инноваций имеет равный доступ к выгодам от них – современным методам лечения, чистой воде, новым знаниям и навыкам, к богатству, источник которого – бизнес на высоких технологиях: как правило, это богатство концентрируется в узком кругу крупных компаний. Неравенство между странами можно ликвидировать за счет трансфера технологий и торговли, приводящих к структурным изменениям в экономике.

В главе “Следуя цифровым трендам” представлен композитный индекс, позволяющий оценить готовность стран мира к использованию прорывных технологий, способных уже на данной стадии их развития существенно повысить производительность труда в экономике. В качестве таковых рассматриваются: технология искусственного интеллекта, интернет вещей (*IoT*), “большие данные” (*big data*), блокчейн, связь 5G, аддитивные технологии, робототехника, дроны, редактирование генома, нанотехнологии, солнечная фотоэлектрическая технология. Индекс составлен на основе рейтинга по следующим характеристикам: инфраструктура ИКТ, квалификация рабочей силы, потенциал ИР, уровень развития промышленности, финансовый потенциал.

Индекс предсказуемо показывает, что в десятку наиболее готовых к интеграции прорывных технологий в народное хозяйство входят развитые страны: США, несколько европейских, Южная Корея и Сингапур. Наименее готовы к внедрению прорывных технологий страны Африки, беднейшие страны Азии и Латинской Америки. Индексы государств БРИКС (кроме КНР) близки к среднему по миру. Выделены страны, занимающие более высокие позиции в рейтинге, чем можно было бы ожидать. Прежде всего это Китай, вкладывающий значительные средства в науку и инновации, и Вьетнам, осуществивший масштабную индустриализацию. Таким образом, многое в формировании способности интегрировать прорывные инновации зависит от целенаправленной научно-технической и экономической политики государства.

В главе “Работа машин и людей” подробно разбираются механизмы влияния прорывных технологий на уровень неравенства между странами. Показано, что разрыв в разработке и освоении прорывных технологий в настоящее время оставляет страны с низким уровнем промышленного потенциала далеко позади технологически развитых стран, потому что дает первым мало шансов диверсифицировать экономику и создать достойные рабочие места для своих граждан. Причем в парадигме “Индустрии 4.0” не так много преимуществ и у тех развивающихся стран, которые уже прошли большой путь индустриального развития, заменяя непроизводительные рабочие места в архаичной экономике более производительными в промышленности. В рамках “Индустрии 4.0” эти рабочие места могут привлекать лишь малоквалифицированных работников с низкими зарплатами.

Между тем перед развивающимися странами стоят масштабные вызовы, на которые можно ответить, лишь выведя экономику на новый уровень. Речь идет о: 1) демографических трендах – бурном росте численности населения, прежде всего в странах с низким уровнем подушевого ВВП; как следствие, избыточная рабочая сила будет оказывать давление на уровень оплаты труда и тем самым снижать мотивацию бизнеса автоматизировать производственные процессы; 2) доля стран с низким подушевым ВВП в производстве мировой добавленной стоимости неуклонно снижается; 3) экономика стран с низким подушевым ВВП существенно менее диверсифицирована, чем экономика развитых стран; между тем, статистический анализ показывает высокую корреляцию между сложностью экономики и объемом ВВП; причем пандемия коронавируса показала, что даже развивающиеся страны, сумевшие встроиться в глобальные стоимостные цепочки, не имеют гарантии того, что останутся в них, поскольку развитые страны начали возвращать производства на свою территорию; 4) вложения в ИР в развивающихся странах относительно развитых стран драматически низки; 5) из-за высоких барьеров защиты интеллектуальной собственности в развитых государствах развивающиеся страны могут получить лишь ограниченный доступ к ней.

В докладе представлены рекомендации развивающимся странам. Чтобы ответить на стоящие перед ними вызовы, они должны: 1) выработать четкую стратегию внедрения передовых технологий, связав ее с планами социально-экономического развития; 2) инициировать создание региональных стоимостных цепочек, которые предоставляют больше возможностей для внедрения передовых технологий на уровне бедных стран, чем глобальные цепочки; 3) расширить круг инвесторов в передовые технологии – от венчурных фондов до краудфандинга; 4) готовить рабочую силу, обладающую современными знаниями и умениями; 5) укрепить системы социального обеспечения и нивелировать разницу в доходах, ограничивающую доступ беднейших слоев населения к общественным благам; 6) использовать налоговую систему для перераспределения общественного богатства; 7) обеспечить равные условия доступа к патентам, вплоть до того, что сами государства покупают их на мировом рынке и предоставляют субъектам своей экономики безвозмездно.

Глава “Равенство в инновациях” рассматривает феномен неравенства в доступе к результатам внедрения прорывных технологий с точки зрения конечного потребителя. Признается, что беднейшие слои могут оказаться в невыгодном положении по сравнению с более обеспеченными слоями в связи с распространением инноваций. Как можно противостоять этому? Во-первых, следует разрабатывать инновации, ориентируясь на нужды и возможности всех страт потребителей, а не только – как это практикуется бизнесом – обеспеченных групп, способных заплатить более высокую цену за новинку. Во-вторых, следует внедрять инновации – особенно ИИ и генную инженерию – так, чтобы у потребителей не было опасений, что те могут оказаться вредоносными и дискриминационными. В-третьих, в развивающихся странах – в отличие от развитых – значительная часть населения находится в ситуации экстремальной бедности. При этом беднейшие группы населения, как правило, образуют замкнутые группы, так что власти зачастую не могут обеспечить полноценную социализацию выходцам из них. В-четвертых, как правило, в беднейших странах слабо развита инфраструктура широкополосного и мобильного скоростного интернета, поскольку большинство населения не может позволить себе пользоваться им. Однако именно эта инфраструктура необходима для развития прорывных цифровых технологий. В-пятых, большая часть населения функционально неграмотна с точки зрения пользования прорывными технологиями.

Как снять барьеры доступа к технологиям для конечного потребителя? Для этого нужно: 1) установить этические рамки использования прорывных инноваций; 2) регулярно разрабатывать форсайты и проводить анализ социальных последствий внедрения инноваций; 3) поддерживать инклюзивные инновации; 4) оценивать возможности распространения положительного воздействия прорывных технологий на все общество; 5) сократить цифровое неравенство; 6) инвестировать в развитие компетенций в области науки и техники; 7) поддерживать социально активных граждан, поскольку именно они способны инициировать так называемые инновации от корней.

В главе “Готовиться к будущему” формулируются основные задачи правительств развивающихся стран, которые должны быть заложены в “дорожные карты” движения к будущему процветанию с минимальным неравенством. В их числе: 1) разработка национальных программ достижения ЦУР, то есть власти должны обладать “видением, миссией и планом”, чтобы сформировать рынок для инклюзивных и устойчивых инноваций, вкладываться в человеческие и другие ресурсы, мобилизовать финансовые ресурсы с помощью налогов в пользу финансирования ИР и системы образования и подготовки кадров; 2) международная кооперация, которая позволит ограниченным в ресурсах развивающимся странам сформировать общий пул; 3) создание институтов, поддерживающих социальный активизм.

Определены направления, на которых должны сконцентрироваться правительственные программы: 1) сокращение неравенства – для этого нужно руководствоваться ЦУР, приспосабливать прорывные технологии к нуждам бедных, использовать прорывные технологии в общественном секторе, поддерживать систему инклюзивных инноваций; 2) внедрение прорывных инноваций не должно тормозить совершенствование технологий более раннего поколения, для чего необходимо укреплять национальные инновационные системы, объединять научно-техническую и промышленную политики, развивать цифровые компетенции, создавать инфраструктуру, объединяющую страну вокруг прорывных технологий; 3) минимизация рисков социального развития, для чего важно укреплять социальную защиту, создать условия для того, чтобы работники могли легко менять работу, предвидеть возможное подрывное влияние прорывных технологий на общество; 4) определение приоритетов межгосударственного сотрудничества, при этом международное сообщество должно поддерживать развивающиеся страны в укреплении их НИС, облегчать трансфер технологий, помочь привлечь женщин из развивающихся стран в сферу науки и техники, поделиться опытом разработки форсайтов, вовлекать представителей развивающихся стран к международным дискуссиям о социальных последствиях внедрения цифровых технологий.

В заключении подчеркивается, что нельзя допустить отставания развивающихся стран от новой волны прорывных технологий. Поэтому они должны разработать сильную научно-техническую политику, соответствующую их уровню развития, проводить индустриализацию, одновременно внедряя прорывные технологии, чтобы создать устойчивые человекоцентричные и инклюзивные общества.

КНР. В 14-том Пятилетнем плане (2021–2025 гг.) [14], а также прогнозе на 2035 г. социально-экономического развития Китайской Народной Республики, принятом в марте 2021 г., четко прослеживается цель достижения страной самодостаточности в инновационной сфере. Стратегические приоритеты 14-й пятилетки сформулированы по-китайски витиевато, но достаточно внятно: “Красной нитью нашего плана является обеспечение высокого качества развития страны, основной линией – структурные улучшения в экономике, фундаментальной движущей силой – реформы и инновации, а основной целью – удовлетворение желания людей улучшить свою жизнь”.

Контуры инновационной политики обозначены во втором разделе плана “Твердо придерживаться курса на использование инноваций в качестве драйвера роста и тщательно прорабатывать новые возможности развития”. Развитие на основе инноваций увязывается с улучшением качества жизни граждан страны: “Китай станет ведущей державой с развитыми и опирающимися на собственные силы наукой и технологией, ориентированными на основные потребности нации и на обеспечение качественной жизни и здоровья людей”. Однако, проводя связь между инновационным развитием и улучшением жизни граждан КНР, разработчики плана совершенно не обсуждают в разделе об инновациях тему инклюзивности в том понимании, как оно представлено в докладе ЮНКТАД, то есть не рассматривают подробно и пошагово, как инновации отразятся на социальном самочувствии разных страт населения. Составленный как документ Китайской компартии, план находится в парадигме “социализма с китайской спецификой”, при котором наращивание инновационного потенциала и, как следствие, превращение страны в ведущего игрока глобальной экономики само собой – благодаря такому преимуществу

социализма как справедливое распределение общественных благ – непременно приведет все группы населения к благополучию.

Определяются шаги, которые нужно предпринять, чтобы вывести Китай в глобальные лидеры в области ИР. Планируется ежегодно наращивать инвестиции в ИР на 7%, что должно привести к существенному росту доли затрат на них в ВВП. Китай намерен развивать сеть передовых государственных научных лабораторий, исследовательских университетов и других институтов в общественном секторе НИС, одновременно повышая эффективность исследований в них путем внедрения рыночных механизмов управления.

В качестве основных направлений ИР – все технологии, считающиеся в настоящее время прорывными. Иными словами, китайцы берут за основу определения собственных целей общемировые тренды. Это – ИИ, квантовые вычисления, биотехнологии, фармацевтика.

В плане указано, что будет разработан десятилетний план развития фундаментальной науки, которая пока является слабым звеном китайской НИС. Инвестиции в фундаментальные исследования должны достичь 8% общих инвестиций в ИР – по сравнению с 3% в настоящее время.

Китайские власти планируют широко использовать международное сотрудничество в ИР для укрепления собственной суверенной НИС. Это до некоторой степени выглядит парадоксом – но следует учесть, что развивать международное сотрудничество Китай намерен на собственной территории, то есть создавать у себя научно-исследовательскую инфраструктуру мирового уровня с тем, чтобы она могла привлечь зарубежных исследователей для проведения совместных ИР. Ожидается, что научные организации – как национальные, так и международные – будут включать китайские научные организации в международные проекты благодаря тому, что они располагают самым современным научным оборудованием и мегаустановками.

Предусматривается также укрепление потенциала ИР в бизнес-секторе. Для этого планируется усовершенствовать систему налоговых стимулов, а также субсидировать приобретение оборудования, необходимого для проведения исследований и запуска прототипов в серийное производство. В этом пункте плана появляется термин “инклюзивные инновации”, причем он понимается не так, как в документах ООН и неких китайских научных трудах. Речь идет о том, что в ИР и инновационный процесс должен вовлекаться как можно более широкий круг субъектов китайской экономики. В том числе предполагается поощрять трансфер технологий от лидеров в инновациях к малому и среднему бизнесу, который продолжает пока оставаться на периферии инновационного развития.

В качестве основного ресурса инновационного развития КНР объявляются таланты. Власти намерены развивать таланты, способные конкурировать с учеными ведущих стран мира, в том числе способствовать приезду исследователей из зарубежных стран, а также поощрять их участие в ИР и осуществлении инноваций – не только за счет достойной оплаты труда, но и за счет предоставления собственности или долгосрочного пользования правами на результаты их разработок и изобретений.

Социальные аспекты затрагиваются в разделе, посвященном цифровизации. Там говорится, что в стране будет построено цифровое общество, преимущества которого станут доступны всем гражданам КНР. При этом приоритет остается за цифровизацией промышленности и других отраслей экономики. Таким образом, инновации находятся в прямой связке с созданием суверенной НИС и экономическим ростом.

США. В июле 2021 г. американский Сенат одобрил Законопроект об инновациях и конкуренции 2021–2022 [15]. Документ посвящен мерам по укреплению НИС и инновационного потенциала страны. Актуальность их разработки обуславливается необходимостью противостоять Китаю, который, развивая инновации в качестве основной движущей силы экономического роста, стремится захватить глобальное лидерство. США

в последние годы остро ощущает угрозу потери ведущих позиций в мировой экономике, поскольку КНР делает реальные успехи на пути освоения прорывных технологий и создания научно-технических основ развития своей экономики.

Законопроект предусматривает инвестиции до 250 млрд долл. в развитие прорывных технологий, меры по увеличению вклада инноваций в создание стоимости. Предлагается организационное совершенствование деятельности институтов финансирования научных исследований, чтобы обеспечить повышение не только их результативности, но и безопасности.

Важнейшим звеном в инновационном развитии обозначено производство интегральных микросхем. США намерены вернуть их разработку и производство на свою территорию, чтобы не зависеть от поставок из Китая. На стимулирование работ в этом направлении через различные фонды и ведомства предусматривается направить в течение нескольких ближайших лет 52 млрд долл. Аналогично, чтобы не зависеть от России при доставке космонавтов на МКС, инициаторы законопроекта внесли в него требование к НАСА разработать соответствующую собственную программу.

Что касается организационных новаций, то предусматривается создание в ННФ Директората технологий и инноваций, на который будет возложена ответственность за укрепление лидерских позиций США в области критичных для национальной безопасности и конкурентоспособности технологий, ускорение коммерциализации таких технологий и привлечение к исследованиям в этих областях перспективных исследователей. В ННФ также предполагается учредить Офис по безопасности исследований, функцией которого станет отслеживание рисков, связанных с осуществлением ИР (защита исследовательских организаций от кибератак и кражи данных, отслеживание историй исследователей, занятых в проектах федеральных агентств). Таким сотрудникам запрещается участвовать в программах, связанных с привлечением исследователей из таких стран, как КНР, Северная Корея, РФ и Исламская республика Иран (при этом для студентов и исследователей из Тайваня, наоборот, предусмотрена грантовая и стипендиальная программа). Планируется проверка научных лабораторий на наличие прошлых связей с Институтом Конфуция и запрещение агентствам и ведомствам выделять какие-либо гранты связанным с ним американским исследовательским организациям. Генеральный инспектор обязуется проверять научные проекты, по которым осуществлялось иностранное финансирование в течение последних пяти лет.

В законопроекте представлена масштабная стипендиальная программа для ученых, занятых фундаментальными и прикладными исследованиями, а также разработками в сфере ключевых технологий, и для преподавателей естественнонаучных дисциплин в сельских школах. Особый акцент сделан на финансировании программ обучения в университетах по новейшим дисциплинам, возникшим в связи с ИР в области новых технологий.

Индия. Пятая программа научно-технической и инновационной политики опубликована Министерством науки и технологий Индии в январе 2021 г. [16] Основной ее посыл: инновационное развитие должно опираться на собственные силы, что, с учетом опыта ближайшего соседа и конкурента – Китая, позволит выйти в число лидеров мировой экономики.

Намечается комплекс мер – от расширения объемов и источников финансирования до формирования эффективной системы подготовки научных кадров. Предусматривается, что система финансирования ИР будет включать в себя государственные источники, коллаборации ТНК с индийскими акторами ИР, частный сектор, налоговые стимулы для малых и средних предприятий. Планируется создать общенациональную инфраструктуру ИР, начиная с научных парков и кончая центрами совместных исследований.

Индийская программа имеет свою специфику. Прежде всего в ней очень сильна ориентация на ЦУР ООН, поскольку в стране остро стоит проблема бедности, причем зачастую экстремальной. Соответственно, под инклюзивными инновациями в первую очередь понимаются инновации, ориентированные на группы граждан с низкими доходами.

Подробно прописаны механизмы вовлечения разных страт населения (например, выделяются “пожилые деревенские женщины с присущей им мудростью”) в формирование социального заказа на инновации и выстраивания в соответствии с ним национальной инновационной политики.

Экзотический аспект курса на инклюзивные инновации в Индии: использование при их разработке традиционных знаний, например, в области народной индийской медицины. Упомянуты также так называемые корневые инновации. Под этим специфическим понятием подразумеваются инновации, которые предлагают не исследователи и разработчики с университетским образованием, а низовые работники. Квалифицированные кадры должны лишь обрабатывать и доводить до ума эти предложения.

Япония. В апреле 2021 г. принят 6-ой пятилетний базовый план науки, технологий и инноваций [17]. Цель – создание технологической основы для построения “Общества 5.0”, в котором в центр внимания поставлен человек, а драйвером экономического и социального развития является соединение киберпространства и реального пространства. Считается, что концепция “Общества 5.0” полностью соответствует ценностям, которые разделяют японцы: доверие и желание делиться с ближними.

Таким образом, в центр инновационного развития поставлено создание нового социума, а не формирование НИС, геополитическая борьба за лидерство или продвижение неких ключевых технологий. Как комментируют в правительстве: “Мы хотели продемонстрировать в этом плане наш творческий подход, позволивший нам разработать конкретные меры и показать, что мы можем дать каждому японцу и также гражданам других стран счастье, которое человек сам пожелает, и благополучие” [18]. Отмечены два основных вызова, стоящих перед страной. Первый: как Япония может внести свой вклад в разрешение глобальных проблем, ухудшающих качество жизни всех живущих на Земле – таких как климатические изменения? Второй: как японская НИС должна быть реформирована, чтобы адекватно отреагировать на последние события внутри страны, изменившие жизнь ее граждан – прежде всего, коронавирусную инфекцию? Кроме того, Японии следует как-то вписаться в новый мировой порядок, который характеризуется усиливающимся напряжением между двумя сверхдержавами – США и Китаем.

В качестве трех столпов плана определены следующие.

1. Создание в Японии устойчивого и жизнерадостного общества на основе объединения и взаимодействия реального пространства и киберпространства. Для этого нужны цифровизация государственных услуг, развитие циркулярной экономики, создание “умных” городов.
2. Получение новых знаний, которые помогут сформировать “Общество 5.0” и сформулировать его ценности. С этой целью будут развиваться не только естественнонаучные и математические исследования, но и гуманитарные и социальные.
3. Ускоренное формирование человеческого капитала, на который может опираться “Общество 5.0”, означает развитие у школьников и студентов способностей к исследованиям и установок на получение образования в течение всей жизни.

Чтобы совершить прорыв в создании “Общества 5.0”, Япония в ближайшие пять лет инвестирует в ИР рекордную для нее сумму, причем государство внесет 30 трлн иен, частный бизнес – 90 трлн иен. Также будет сформирован Университетский фонд размером 10 трлн иен – новый для Японии институт, который должен будет обеспечить местным университетам финансовую основу для конкуренции с ведущими университетами мира – такими как Гарвардский или Стэнфордский.

Формировать “Общество 5.0” планируется на базе всего набора технологий, которые в настоящее время относятся к прорывным: ИИ, суперкомпьютеры, квантовые вычисления, связь 5G.

Евросоюз. Инновационная политика ЕС в 2021 г. развивалась в сложных условиях: с одной стороны, обострение геополитической обстановки, окончательный выход

Великобритании из союза, продолжающаяся пандемия COVID-19, с другой – твердый курс на ускорение цифровой и “зеленой” трансформации. Все эти факторы нашли отражение в стратегических документах, определяющих на ближайшее десятилетие основные цели, направления и механизмы реализации панъевропейской политики в таких областях, как международное научно-техническое сотрудничество, промышленная стратегия, “зеленый переход”, искусственный интеллект и цифровизация.

Панъевропейская научно-техническая кооперация и принципы международного сотрудничества. После нескольких лет напряженных согласований финансовых вопросов была запущена 9-ая Рамочная программа исследований и инноваций ЕС “Горизонт Европы” с бюджетом 95.5 млрд евро на 2021–2027 гг. Регламент ЕС 2021/695 от 28 апреля 2021 г. устанавливает цели Программы, условия участия, бюджет, формы и правила предоставления финансирования ЕС, а также ее вступление в силу задним числом с 1 января 2021 г. [19] В марте Еврокомиссия представила стратегический план Программы на 2021–2024 гг. [20] Он определяет цели и ориентиры для инвестирования в ИР и инновации в первые четыре года действия Программы, а также механизмы их реализации (европейские партнерства и “миссии”) с учетом задач постпандемического восстановления экономики и приоритетов ЕС (климатическая нейтральность, построение “зеленой”, цифровой и человекоцентричной экономики).

В Плате также обрисованы новые подходы к научно-техническому сотрудничеству с третьими странами – на основе “взаимности и уважения европейских стандартов, ценностей и принципов”. Несколько лет назад бывший Еврокомиссар по исследованиям, инновациям и науке К. Моэдаш основным принципом панъевропейской программы ИР провозглашал “открытость миру”, сейчас он заменен на избирательный подход. Он зафиксирован в новой Стратегии Евросоюза в области международного научно-технического сотрудничества, опубликованной отдельным документом в мае 2021 г. [21] В нем Еврокомиссия сформулировала новые принципы, приоритеты, формы и региональные направления сотрудничества с третьими странами, особенно по таким направлениям, как цифровизация, “зеленый переход”, здравоохранение, социальные проблемы и инновации в условиях меняющейся геополитики и необходимости решать глобальные вызовы. В Стратегии предусмотрены также конкретные мероприятия со стороны Евросоюза и ЕК по развитию международного сотрудничества в науке и технике.

Промышленная стратегия. В феврале 2021 г. Еврокомиссия в развитие Промышленной стратегии ЕС от 2020 г. обнародовала План взаимодействия между гражданским, оборонным и космическим секторами экономики [22]. Он предусматривает три основные цели достижения технологического преимущества Европы на основе развития ключевых технологий: усиление взаимодополняемости и взаимозависимости между научно-техническими программами и инструментами ЕС и рост их эффективности (синергия); обеспечение экономических и технологических дивидендов для жителей Евросоюза от инвестиций в ИР и инновации, прежде всего в области обороны и космоса (спин-офф); стимулирование использования результатов промышленных ИР и инноваций гражданского характера в европейских кооперационных проектах в сфере обороны (спин-ин).

Для реализации данных целей ЕК предусматривает 11 целевых направлений деятельности, направленных на усиление взаимодействия между гражданской, оборонной и космической отраслями. В их числе: создание среды, способствующей синергии соответствующих программ и инструментов ЕС, например, в области цифровых технологий, “облачных” вычислений и процессоров; систематический мониторинг критических технологий, разработка технологических “дорожных карт”; содействие стандартизации и функциональной совместимости технологических решений; поддержка инновационной деятельности стартапов, МСП и научно-исследовательских и технологических организаций, в том числе путем создания сети инновационных инкубаторов; стимулирование трансграничного сотрудничества; запуск флагманских проектов, направленных на усиление кросс-секторальной синергии. ЕК наметила три крупных панъевропейских проекта: в области технологии дронов, безопасной космической связи с использованием квантового шифрования, а также космического трафика (предотвращение столкновений в результате растущего количества спутников и космического мусора).

В Плане приводится список “сквозных” технологий, имеющих критическое значение для оборонного, гражданского и космического секторов. В их числе: электроника и “цифра” (ИИ, “большие данные”, кибербезопасность, цифровая криминалистика, высокопроизводительные вычислительные системы, “облачные” технологии и пространства данных, фотоника, микропроцессоры со сверхнизким энергопотреблением, квантовые технологии, безопасные системы связи, сенсоры); промышленное производство (аддитивное производство, новые и устойчивые материалы, нанотехнологии, робототехника, микроэлектроника и полупроводники); космос и аэронавтика (космические технологии, включая конструирование и производство спутников и ракетополетителей; навигационные технологии, наблюдение Земли высокой четкости, безопасная спутниковая связь); здравоохранение (биотехнологические, химические, биологические, радиологические и ядерные технологии); энергетика (хранение энергии, возобновляемые источники, водород и атомная энергия); транспорт (автономные системы). План нацелен на действия на панъевропейском уровне, вместе с тем ЕК предусматривает, что он послужит триггером синергетического эффекта национальных усилий благодаря совместному финансированию проектов странами-членами.

“Зеленый переход”. Европейский Закон о климате от 30 июня 2021 г. (Регламент 2021/1119) определил регуляторные рамки достижения ЕС климатической нейтральности к 2050 г. В тексте закона, наряду с такими вопросами, как цели, задачи, оценка национальных мероприятий, “дорожные карты”, закреплена роль научно-технической экспертизы в области климатической нейтральности. В ст. 3 и 10а расписана организация экспертизы на панъевропейском уровне и даны рекомендации для стран – членов ЕС по созданию подобных экспертных структур на национальном уровне [23]. В июле 2021 г. ЕК опубликовала пакет из 15 документов по “Европейской зеленой сделке” [24], один из которых посвящен роли панъевропейской научно-технической и инновационной политики в реализации ее основных задач и климатических целей 2030 [25]. Приведены конкретные объемы финансирования европейских партнерств и миссий в рамках программы “Горизонт Европы” в таких областях, как здоровая и чистая планета, строительство, транспорт, энергетика, промышленность, экономика замкнутого цикла.

Искусственный интеллект. В апреле 2021 г. Еврокомиссия предложила пакет документов в области развития ИИ под общим названием “Содействие европейскому подходу к искусственному интеллекту”, куда вошли “Пересмотренный План действий в области ИИ” и “Проект регулирования сферы ИИ” [26]. Эти документы преследуют две основные задачи: содействовать развитию технологий искусственного интеллекта и использовать их потенциальные преимущества; защищать людей от потенциальных угроз здоровью, безопасности и основным правам, создаваемым системами искусственного интеллекта. ЕК планирует выделять на ИИ через программы “Горизонт Европы” и “Цифровая Европа” 1 млрд евро ежегодно и, благодаря привлечению национального и частного финансирования, довести этот показатель до 20 млрд евро в год к концу десятилетия [27]. Проект регулирования сферы ИИ, который пока находится на стадии обсуждения, сконцентрирован на предотвращении негативных последствий использования ИИ, выделяя три категории риска таких систем: с недопустимо высоким, ограниченным и минимальным риском. Правда, по мнению ряда экспертов, ряд положений проекта может затормозить научные исследования в области ИИ [28].

Цифровизация. В марте 2021 г. Еврокомиссия представила видение и направления цифровой трансформации Европы в ближайшее десятилетие (“Цифровой декады”). “Цифровой компас десятилетия” предусматривает четыре ключевых направления цифровизации с целевыми количественными показателями к 2030 г.: формирование кадрового потенциала и цифровой инфраструктуры, цифровая трансформация бизнеса и цифровизация государственных услуг [29]. Достижение этих целей направлено в том числе на решение проблем внутреннего и внешнего цифрового и инновационного “разрыва”. В сентябре 2021 г. ЕК предложила механизм управления процессом коллективного достижения этих целей на годовой основе с учетом разных стартовых позиций между странами-членами [30]. Он включает систему мониторинга, годовой отчет ЕК “Состояние цифрового десятилетия”, “дорожную карту” для каждой страны-члена, совместные обязательства по обеспечению прогресса межстрановых проектов.

Великобритания. Лейтмотивом всех программных документов, принятых в 2021 г., было стремление сформировать независимую от ЕС инновационную политику. Правда, ряд проблем “развода” еще находятся в стадии решения (в частности, об участии страны в программе “Горизонт Европы” в качестве ассоциированного члена и в кооперационных стратегических технологических проектах).

В экономической стратегии, представленной в марте 2021 г. вместе с бюджетом под амбициозным названием “Наш план роста – восстановим лучше, чем было”, инфраструктура, профессиональные кадры и инновации рассматриваются в качестве базы восстановления и развития экономики [31]. Предусматривается рост государственных расходов на ИР для доведения доли расходов на ИР до 2.4% ВВП к 2027 г., создание благоприятной среды для бизнеса (включая повышение эффективности налоговых кредитов, модернизацию иммиграционной системы), выравнивание региональных диспропорций, реформирование системы регулирования (снятие барьеров для прорывных технологий и создание регуляторных “песочниц”), институтов инновационного развития (замена “забюрократизированных” институтов ЕС “собственными”, включая создание Агентства по перспективным ИР и инновациям), формирование “собственных” энергетической, климатической, торговой, промышленной и др. политик. Общая экономическая стратегия тесно связана с политическим документом “Глобальная Британия в эпоху конкуренции” [32], где изложены основные цели государственной политики в области национальной безопасности и международных отношений до 2025 г., в числе которых сохранение стратегического преимущества за счет науки и новых технологий.

Более детально инновационная политика Великобритании в ее новом качестве изложена в Стратегии, обнародованной летом 2021 г. [33] По своей главной установке – превращению страны в “глобальный инновационный хаб” к 2035 г. – она служит дополнением к “Дорожной карте ИР” 2020 г., провозгласившей создание “глобальной научной супердержавы”. Стратегия носит долгосрочный характер, ее основная цель – стимулирование инновационной деятельности частного сектора благодаря созданию благоприятной среды и формирование будущих приоритетов путем поддержки новых технологий (“миссий” и трансформационных технологий).

В документе рассматриваются негативные и положительные стороны национальной инновационной системы и подчеркивается, что выход страны из ЕС ускорит ответы на глобальные вызовы. Предусмотрено увеличение государственных расходов на ИР с 14.9 млрд ф.ст. в текущем периоде до 22 млрд ф.ст., но без уточнения конкретного года, хотя ранее назывался 2024/2025 фин. г. (В октябре 2021 г. правительство официально заявило о переносе сроков достижения этого параметра с 2024/25 фин. г. на 2026/27 фин. г., что ставит под сомнение возможность декларированного еще в промышленной стратегии 2017 г. увеличения относительного показателя ИР в ВВП с 1.7% до 2.4% к 2027 г.). Намечено четыре направления превращения Великобритании в “глобальный инновационный хаб”: потенциал бизнеса (государственная помощь компаниям, желающим внедрять инновации); привлекательные условия для талантов (привлечение зарубежных специалистов и инновационных компаний); институты и локальность (институты ИР должны способствовать ликвидации региональных диспропорций); “миссии” и технологии (стимулирование инноваций для решения важнейших национальных вызовов и развитие ключевых технологий, входящих в так называемые технологические семьи). “Технологические семейства” включают семь групп приоритетных технологий: новые материалы и производство; ИИ и цифровые технологии; биоинформатика и геномика; электроника, фотоника и квантовые технологии; энергетические и “зеленые” технологии; роботы и “умные” машины.

Инновационная Стратегия также детализирована в двух сферах: в области научно-исследовательских кадров (правительственная стратегия по подготовке кадров для ИР и инноваций и формированию позитивной и инклюзивной среды для их работы) [34] и стандартизации. План совместных действий правительства, Британского института стандартов, Национальной физической лаборатории и Службы аккредитации Соединенного Королевства нацелен на использование потенциала стандартизации для ускорения инновационной деятельности и коммерциализации новых технологий. Предлагается

гибкий подход к стандартизации в целях быстрого реагирования на технологические изменения, а также стимулирование синергии между стандартизацией, формированием инновационной политики и стратегическими исследованиями, необходимыми для развития инновационной деятельности во всех секторах хозяйства [35].

В целом, инновационная Стратегия, как и Стратегия подготовки исследовательских кадров содержат немного конкретных целевых параметров, мер и механизмов достижения поставленных задач, а ряд элементов британской инновационной стратегии во многом копируют планы ЕС по стимулированию инноваций. В частности, Европейские исследовательские “миссии” в британской интерпретации звучат как инновационные “миссии”, а инициатива по формированию Агентства по перспективным ИР и инновациям во многом схожа с Инновационным советом в “Горизонте Европы”.

Отраслевая инновационная политика нашла отражение в национальных Стратегиях в области космоса и искусственного интеллекта. Первая нацелена на превращение страны в космическую нацию на основе сильных сторон в области науки и новых технологий, впервые предусматривает объединение гражданской и оборонной политик [36]. Поставлена задача увеличить долю страны в мировом космическом секторе с текущих 5% до 10% к 2030 г., достичь лидирующих позиций в области коммерческих запусков малых спутников, орбитальных услуг и уборке космического мусора. В документе подробно описана роль космического сектора в использовании и стимулировании развития прорывных технологий.

Стратегию в области ИИ британское правительство обнародовало одной из последних среди стран Западной Европы [37]. В отличие от проекта европейского Закона об ИИ, направленного в основном на элиминирование рисков, британская стратегия сосредоточена на формировании “проинновационного” регуляторного режима. Данный документ выпущен в рамках подготовки Белой книги по ИИ, выпуск которой ожидается в 2022 г.

* * *

Пандемия COVID-19 оказала негативное воздействие на всю мировую экосистему инноваций. Потребовалась существенная корректировка ориентиров инновационной политики в пользу ИР в сфере здравоохранения и информационно-коммуникационных технологий. Наблюдается существенное увеличение числа и объемов первичных публичных размещений (IPO) в биофармацевтическом секторе.

Проявились изменения, обусловленные снижением экономической активности во многих странах и отраслях из-за ограничений, связанных с пандемией. Так, в США в 2020 г. шесть из десяти компаний – лидеров в патентовании продемонстрировали спад соответствующих показателей. Скорее всего, это связано с возникшим на мировом рынке из-за сбоев в логистике беспрецедентным дефицитом полупроводниковых микросхем, побудившим компании, использующие этот вид комплектующих, снизить патентную активность. Снизились вложения в ИР в наиболее пострадавших от пандемии отраслях, в частности, в автомобилестроении. Из-за неопределенности перспектив развития мировой экономики упало общее число IPO, а также сделок по слияниям и поглощениям (M&A), в том числе в высокотехнологичных отраслях. Правда, как только наметилось оздоровление ситуации, активность в этой области начала восстанавливаться.

В то же время некоторые характеристики состояния глобальной экосистемы инноваций остаются относительно стабильными, что можно объяснить тем, что они сформировались под влиянием факторов, действовавших гораздо более длительное время, чем коронакризис. В их числе можно выделить соотношение расходов отдельных государств на ИР и распределение выдаваемых патентов между странами. Продолжают действовать и факторы развития экосистемы инноваций, не связанные с пандемией. Например, регуляторные: государства формируют научную политику исходя из долговременного видения стратегии национального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Heney P. 2021 *Global R&D Funding Forecast Released*. 22.02.2021. Available at: <https://www.rdworldonline.com/2021-global-rd-funding-forecast-released> (accessed 25.11.2021).
2. *Federal Research and Development (R&D) Funding: FY2022*. Congressional Research Service. 17.11.2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46869> (accessed 03.12.2021).
3. Grassano N., Hernandez Guevara H. *The Impact of Covid-19 on Top R&D Investors: First Insight into 2021 EU Industrial R&D Investment Scoreboard*. Science for Policy Briefs. European Commission. 21.06.2021. Available at: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC125712> (accessed 17.11.2021).
4. *Global IPO Watch Q1 2021*. PricewaterhouseCoopers. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/ipo-centre/assets/pwc-global-ipo-watch-q1-2021.pdf> (accessed 03.12.2021).
5. *Global IPO Watch Q2 2021*. PricewaterhouseCoopers. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/audit-services/ipo-centre/assets/pwc-global-ipo-watch-q2-2021.pdf> (accessed 03.12.2021).
6. *Q3 2021 Capital Markets Watch*. PricewaterhouseCoopers. Available at: <https://www.pwc.com/us/en/services/deals/capital-markets-watch-quarterly.html> (accessed 15.11.2021).
7. *Global M&A Industry Trends: 2022 Outlook*. PricewaterhouseCoopers. Available at: <https://www.pwc.com/deals/trends.html> (accessed 18.11.2021).
8. *Ranked List of Organizations with 40 or More Patents Granted During the Period, as Distributed Either or Both by the Year of Patent Grant and by the Year of Patent Application Filing*. Top Organizations 2020, Part B. United States Patent and Trademark Office. Available at: https://www.uspto.gov/web/offices/ac/ido/oeip/taf/topo_20.htm#PartA1_1b (accessed 03.12.2021).
9. *IBM Tops U.S. Patent List for 28th Consecutive Year with Innovations in Artificial Intelligence, Hybrid Cloud, Quantum Computing and Cyber-Security*. International Business Machines Corporation. 12.01.2021. Available at: <https://newsroom.ibm.com/2021-01-12-IBM-Tops-U-S-Patent-List-for-28th-Consecutive-Year-with-Innovations-in-Artificial-Intelligence-Hybrid-Cloud-Quantum-Computing-and-Cyber-Security> (accessed 06.12.2021).
10. Kim Eun-jin. *Samsung Electronics Holds More than 200,000 Patents Worldwide*. Business Korea, 23.08.2021. Available at: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=74626> (accessed 06.12.2021).
11. *Patent Index 2020. Statistics at a Glance*. European Patent Office. 2021. Available at: [https://documents.epo.org/projects/babylon/eponet.nsf/0/8960BF9632AE9662C12586960035F86B/\\$FILE/Patent_Index_2020_statistics_at_a_glance_en.pdf](https://documents.epo.org/projects/babylon/eponet.nsf/0/8960BF9632AE9662C12586960035F86B/$FILE/Patent_Index_2020_statistics_at_a_glance_en.pdf) (accessed 06.12.2021).
12. *Statistics & Trends Centre*. European Patent Office. Available at: <https://new.epo.org/en/statistics-centre> (accessed 04.12.2021).
13. *Technology and Innovation Report 2021*. United Nations Conference on Trade and Development. 2021. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020_en.pdf (accessed 06.12.2021).
14. *Outline of the Peoples Republic of China 14th Five-Year Plan for National Economic and Social Development and Long-Range Objectives for 2035*. Available at: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0284_14th_Five_Year_Plan_EN.pdf (accessed 06.12.2021).
15. *S.1260 – United States Innovation and Competition Act of 2021*. 117th Congress, 1st Session. 2021. US Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/1260/text> (accessed 10.12.2021).
16. *Draft 5th National Science, Technology, and Innovation Policy for Public Consultation*. Government of India. December 2020. Available at: <https://dst.gov.in/draft-5th-national-science-technology-and-innovation-policy-public-consultation> (accessed 11.12.2021).
17. *Science, Technology, and Innovation Basic Plan*. Government of Japan. 26.03.2021. Available at: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/sti_basic_plan.pdf (accessed 12.12.2021).
18. *Japan's 6th Science, Technology and Innovation Basic Plan*. Open Access Government. 22.09.2021. Available at: <https://www.openaccessgovernment.org/japans-6th-science-technology-and-innovation-basic-plan/120486> (accessed 12.12.2021).
19. Regulation (EU) 2021/695 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 Establishing Horizon Europe – the Framework Programme for Research and Innovation, Laying Down its Rules for Participation and Dissemination, and Repealing Regulations (EU) No 1290/2013 and (EU) No 1291/2013 (Text with EEA relevance). *Official Journal of the European Union*, L170/1. 12.05.2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2021/695/oj> (accessed 08.11.2021).
20. *Horizon Europe Strategic Plan 2021–2024*. European Commission. Directorate-General for Research and Innovation. 2021. Available at: <https://op.europa.eu/en/web/eu-law-and-publications/publication-detail/-/publication/3c6ffd74-8ac3-11eb-b85c-01aa75ed71a1> (accessed 09.11.2021).
21. *Europe's Strategy for International Cooperation in a Changing World*. European Commission. 18.05.2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM:2021:252:FIN> (accessed 09.11.2021).
22. *Action Plan on Synergies between Civil, Defence and Space Industries*. European Commission. 22.02.2021. Available at: https://ec.europa.eu/info/files/action-plan-synergies-between-civil-defence-and-space-industries_en (accessed 09.11.2021).
23. Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021 Establishing the Framework for Achieving Climate Neutrality and Amending Regulations (EC) No 401/2009 and (EU) 2018/1999 ('European Climate Law'). *Official Journal of the European Union*, L 243/1. 09.07.2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32021R1119> (accessed 09.11.2021).
24. *Delivering the European Green Deal*. European Commission. 14.07.2021. Available at: https://ec.europa.eu/info/publications/delivering-european-green-deal_en (accessed 10.11.2021).

25. *Europe's 2030 Climate and Energy Target. Research & Innovation Actions.* European Commission. 14.07.2021. Available at: <https://data.europa.eu/doi/10.2777/0948> (accessed 10.11.2021).
26. *Fostering a European Approach to Artificial Intelligence.* European Commission. 21.04.2021. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/communication-fostering-european-approach-artificial-intelligence> (accessed 13.11.2021).
27. *A European Approach to Artificial Intelligence.* European Commission. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (accessed 13.11.2021).
28. *The Guild Puts out Statement on the Artificial Intelligence Act.* *Science Business*, 14.12.2021. Available at: <https://sciencebusiness.net/network-updates/guild-puts-out-statement-artificial-intelligence-act> (accessed 15.11.2021).
29. *2030 Digital Compass: the European Way for the Digital Decade. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions.* European Commission. 09.03.2021. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118> (accessed 15.11.2021).
30. *Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council Establishing the 2030 Policy Programme "Path to the Digital Decade".* European Commission. 15.09.2021. Available at: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/proposal-decision-establishing-2030-policy-programme-path-digital-decade> (accessed 15.11.2021).
31. *Build Back Better: our Plan for Growth.* Gov.UK. 03.03.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/build-back-better-our-plan-for-growth> (accessed 16.11.2021).
32. *Global Britain in a Competitive Age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy.* GovUK. 02.07.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (accessed 15.11.2021).
33. *UK Innovation Strategy: Leading the Future by Creating it.* Department for Business, Energy & Industrial Strategy. GovUK. 22.07.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it> (accessed 15.11.2021).
34. *R&D People and Culture Strategy. People at the Heart of R&D.* Department for Business, Energy & Industrial Strategy. GovUK. 22.07.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/research-and-development-rd-people-and-culture-strategy> (accessed 15.11.2021).
35. *Standards for the Fourth Industrial Revolution. HMG-NQI Action Plan to Unlock the Value of Standards for Innovation.* Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Office for Product Safety and Standards. GovUK. 22.07.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/standards-for-the-fourth-industrial-revolution-action-plan> (accessed 15.11.2021).
36. *National Space Strategy.* Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Ministry of Defence. GovUK. 27.09.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/national-space-strategy> (accessed 15.11.2021).
37. *National AI Strategy.* Office for Artificial Intelligence, Department for Digital, Culture, Media & Sport, and Department for Business, Energy & Industrial Strategy. GovUK. 22.09.2021. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/national-ai-strategy> (accessed 15.11.2021).

GLOBAL INNOVATION ECOSYSTEM: MONITORING OF STATE IN 2020 – FIRST HALF OF 2021

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2022, no. 1, pp. 78-99)

Received 26.01.2022.

Revised 06.02.2022.

Accepted 05.04.2022.

*Irina V. KIRICHENKO (irakir@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-6017-6505,
Alexander A. KRAVTSOV (kravtsov@imemo.ru), ORCID: 0000-0001-7916-4662,
Zaur A. MAMEDYAROV (mamedyarov@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-4336-1020,
Natalya V. SHELYUBSKAYA (n.sheliubskaya@imemo.ru), ORCID: 0000-0002-5125-3142,
Andrey V. NIKITIN (AnNikitin@imemo.ru),
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.*

The article examines the main quantitative parameters of the global research and development (R&D) sector for 2020-2021 in the national, regional and sectoral dimensions; and also identifies the main directions of some world's leading countries' state policy in the field of science and innovation. The COVID-19 pandemic has had a negative impact on the entire global innovation ecosystem. A significant adjustment of innovation policy benchmarks

in favor of R&D in health care and information and communication technologies has been required. There has been a significant increase in the number and volume of initial public offerings (IPOs) in the biopharmaceutical sector. Due to the uncertain outlook of the global economy, the total number of IPOs and mergers and acquisitions (M&As), including in high-tech industries, dropped. However, as soon as the situation has improved, activity in this area began to recover. Changes have emerged due to the decline in economic activity in many countries and industries because of the restrictions associated with the pandemic. In the United States, for example, six of the top ten companies in patenting in 2020 showed a decline in relevant indicators. The authors analyzed the amount of R&D funding in the world's leading countries and in particular in the US; studied the dynamics of IPOs in the world as a whole, by macroregions, by leading countries and by leading companies in terms of the amount of funds raised, as well as by technological areas, which most of the IPO companies belonged to. The most active companies in the US and EU patent offices were identified, as well as technological areas in which the greatest inventive activity was noted. The key program documents of the scientific and technical policy of the UNCTAD, China, the USA, India, Japan, the EU and Great Britain are examined.

Keywords: *science and innovation, scientific and technological development, science and technology policy, RTD, research and development, technological competition, patent statistics, mergers and acquisitions, IPO.*

About the authors:

Irina V. KIRICHENKO, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Sector of Science and Innovation, Department of Science and Innovation.

Alexander A. KRAVTSOV, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Sector of Science and Innovation, Department of Science and Innovation.

Zaur A. MAMEDYAROV, Cand. Sci. (Econ.), Head of the Sector of Science and Innovation, Department of Science and Innovation.

Natalya V. SHELYUBSKAYA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Sector of Science and Innovation, Department of Science and Innovation.

Andrey V. NIKITIN, Junior Researcher, Sector of Science and Innovation, Department of Science and Innovation

DOI: 10.20542/afij-2022-1-78-99

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ И ГИБРИДИЗАЦИИ

© ОСЬКИНА Е.А., 2022

ОСЬКИНА Елизавета Александровна, ведущий специалист по специальным проектам Департамента проектной деятельности исполнительной дирекции, (liza-oskina@mail.ru), ORCID: 0000-0002-0446-2662.

Всероссийская общественно-государственная организация "Российское военно-историческое общество", РФ, 107031 Москва, Петровский пер., д. 6, стр. 1

Оськина Е.А. Политико-правовые особенности борьбы с торговлей людьми в условиях политической поляризации и гибридизации. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2022, № 1, сс. 100-117. DOI: 10.20542/afij-2022-1-100-117

DOI: 10.20542/afij-2022-1-100-117

УДК: 343.43

Поступила в редакцию 07.12.2021.

Доработана после рецензирования 30.12.2021.

Принята к публикации 05.04.2022.

Проблема торговли людьми с каждым годом все более глобализируется, на сегодняшний день в цепочке страна исхода – страна назначения задействованы практически все государства мира. Однако в области политико-правового осмысления данного явления наблюдается множество недостатков. Самые существенные из них: слабость Палермского протокола (наиболее универсального и всеобъемлющего нормативного правового акта, касающегося торговли людьми), упрощенное выделение видов этого рода преступлений и искусственная политизация проблемы. Цель данной статьи – рассмотреть основные недочеты политико-правовых особенностей борьбы с торговлей людьми в условиях отстаивания странами своих национальных интересов и изменения средств и методов противостояния между государствами.

Ключевые слова: торговля людьми, принудительный труд, сексуальная эксплуатация, жертвы торговли людьми, страна исхода, Палермский протокол, торговец людьми.

По оценкам Международной организации труда (МОТ), в мире каждый год примерно 40.3 млн человек становятся жертвами торговли людьми [1]. По данным на 2018 г., на каждые 1000 человек приходилось 5.4 рабов современного типа, причем один из четырех таких невольников был ребенком. Показательно, что эта статистика, собранная экспертами ООН, не обновлялись с 2018 г., что может косвенно свидетельствовать о пренебрежении данной тематикой. При этом наиболее информативные и перспективные исследования, затрагивающие проблематику торговли людьми, все же проводятся Организацией Объединенных Наций, в частности, Управлением ООН по наркотикам и преступности (ЮНОДК).

Целью последних исследований, проведенных этим управлением, стало выявление новых рисков для потенциальных жертв торговли людьми. Так, развитие интернет-технологий, *Big Data* и повсеместное использование социальных сетей привели к формированию не только нового вида сексуального насилия, но и упростили процесс вербовки и шантажа. Жертвы становятся мишенью и вербуются через социальные сети и онлайн-платформы знакомств, где личная информация и детали местоположения людей легко доступны. Сексуальное насилие и другие формы эксплуатации переходят в

виртуальное пространство, а личные данные, такие как фотографии и видео, продаются на разных цифровых платформах клиентам по всему миру, что приводит к еще большему увеличению преступных доходов торговцев людьми без каких-либо дополнительных затрат.

Пандемия COVID-19 подтолкнула 124 млн человек к краю нищеты. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш заявил о том, что миллионы людей стали уязвимыми в связи с пандемией. Он отметил, что половину пострадавших от экономических и социальных издержек пандемии в странах с низким уровнем дохода составляют дети, добавив, что большинство из них являются потенциальными жертвами торговли людьми в сфере принудительного труда¹. Власти многих стран вынуждены были в условиях борьбы с пандемией вводить социальную изоляцию для ограничения передвижения граждан и предотвращения распространения вируса. Такие карантинные меры привели к массовому выходу пользователей в интернет, который заменил личное общение, что лишь способствовало более глубокому проникновению в цифровые системы торговцев людьми.

Глобализация и цифровизация создают питательную почву для формирования преступных групп по торговле людьми, обеспечивая сверхприбыль при меньших финансовых и физических затратах. Современные работорговцы используют цифровые технологии для вербовки, контроля и эксплуатации своих жертв. К их услугам – интернет, особенно феномен *Darknet*, для сокрытия материалов, связанных с их криминальной деятельностью, и реальных личностей преступников. Незаконные доходы от этого прибыльного бизнеса реализуются через криптовалюты, что облегчает получение, сокрытие и перемещение больших сумм денег. Сегодня интернет обеспечивает легкий доступ к гораздо большей группе потенциальных жертв, поскольку позволяет нивелировать традиционные физические и географические ограничения.

Разработанная к настоящему времени международная нормативная правовая база по борьбе с торговлей людьми не подстраивается под изменяющиеся реалии современного общества. Протоколы и акты не отражают всех существующих видов этого преступления, которые в связи с цифровизацией приобретают все более изощренные форматы.

В рамках настоящей статьи поставлена исследовательская задача оценить корректность выделения Палермским протоколом (наиболее универсальным и всеобъемлющим на сегодняшний день международным протоколом, принимаемым за основу борьбы с торговлей людьми большинством стран мирового сообщества) только трех видов торговли людьми и определить слабые места существующей нормативной правовой базы по борьбе с данным глобальным преступлением. Дополнительно будет изучена проблема политизации торговли людьми глобальными игроками и использование этого инструмента для реализации своих целей.

В основе теоретической рамки исследования лежит трансформационный подход к определению сути глобализации, в частности – мир-системная теория И. Валлерстайна, согласно которой одной из основных тенденций современной экономической глобализации является углубление пропасти между уровнем жизни в развитых и развивающихся странах. Все это находит отражение в миграционных трендах, криминальной глобализации, связанной с ростом теневых компонентов мирового хозяйственного развития.

Проблема торговли людьми была рассмотрена с применением методов сравнительного анализа и экспертной оценки в целях всестороннего раскрытия темы.

¹ *Human Trafficking: UN Chief Calls for Action as COVID Leaves 'Many Millions' More Vulnerable*. United Nations. 29.07.2021. Available at: [Human trafficking: UN chief calls for action as COVID leaves 'many millions' more vulnerable | UN News](https://www.un.org/ru/press/en/2021/07/21-07-2021-01-01.html) (accessed 02.12.2021).

НЕДОСТАТКИ НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЫ БОРЬБЫ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ НА ПРИМЕРЕ ПАЛЕРМСКОГО ПРОТОКОЛА

Проблемы насильственного использования рабского труда, торговли людьми и человеческими органами не являются специфическим феноменом современного глобализирующегося мира. Эти социальные явления сопровождали человечество на протяжении всей его многовековой истории. Период XIX – начала XX вв. определяется исследователями как время формирования в международном праве института норм, направленных непосредственно на борьбу с рабством и работорговлей, а также аналогичными им явлениями. Нарботками в этой сфере в свое время занимались как международные организации (Лига наций, Международная противоневольнический союз и др.), так и эксперты, ученые. Период конца XX – начала XXI вв. был ознаменован более глубоким и системным подходом к изучению и анализу проблемы торговли людьми и борьбы с современными видами рабства, что привело к формированию единой нормативной правовой базы, определяющей основы противостояния сетям торговцев людьми. В число организаций, деятельность которых была направлена на разработку правовой основы регулирования проблем современного рабства, входят ООН, Международная организация по миграции (МОМ), Международная организация труда, Европейский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.

Определенные вопросы становления международной нормативной правовой базы были рассмотрены в таких работах, как статья “Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работорговлей и другими формами торговли людьми” И.Н. Лебединец [2], аналитических обзорах и переводах Ф.Л. Сеницына “Предотвращение торговли людьми: опыт неправительственных организаций” [3], “Международное законодательство по проблеме торговли людьми” [4], “Стандартные правозащитные принципы обращения с лицами, пострадавшими от торговли людьми” [5]. Последним был также подготовлен справочник “Права человека и торговля людьми” [6], в котором, в частности, освещались отдельные аспекты решения данного вопроса на правительственном и неправительственном уровнях. Особенности уголовной характеристики торговли людьми в своих статьях рассматривали и анализировали М.С. Донцов “Торговля людьми: особенности уголовно-правовой криминалистической характеристики” [7], М.С. Рахимов “Субъект преступления торговли людьми” [8], А.И. Дворкин и Г.К. Смирнов “Криминалистическая характеристика торговли людьми” [9] и др. Некоторые аспекты международно-правовой регламентации противодействия торговле людьми, а также отдельным видам эксплуатации человека в своих исследованиях рассматривали М.Ю. Буряк “Торговля людьми и борьба с ней: криминологические и уголовно-правовые аспекты” [10], А.М. Орлеан “Становление международно-правовой базы противодействия торговле людьми и отдельным видам эксплуатации человека” [11], Н.Е. Крылова [12], О.П. Левченко [13; 14] и др. ученые.

Зарубежные исследователи обращались в своих работах к анализу региональной специфики распределения жертв данного преступления, а также к вопросу институционализации подходов по борьбе с торговлей людьми на глобальном и региональном уровнях. В связи с этим неотъемлемой частью их трудов было проведение исторических параллелей между законодательством по предотвращению проявления торговли людьми – рабства и современными нормативными подходами, а также определение предпосылок и исторических обоснований формирования не только самой проблемы, но и законодательных путей ее решения. Историческая ретроспектива была раскрыта в работах Прабха Котисварана “За пределами сексуального гуманизма: постколониальный подход к закону о борьбе с торговлей людьми” [15] Жана Аллейна “Рабство в международном праве: эксплуатация людей и торговля людьми” [16], Энн Галлахер и Фионы Дэвид “Международное право незаконного ввоза мигрантов” [17], Доминики Борг “Современное рабство: сравнительное исследование определения торговли людьми” [18] и др.

Период формирования в международном праве института норм, направленных непосредственно на борьбу с рабством и работорговлей, а также аналогичными им явлениями, был ознаменован попытками ввести универсальное определение термина

“рабство” в международное право. Данный процесс был запущен Лигой Наций еще в 1926 г.² и получил свое развитие на платформах таких международных и региональных организаций и институтов, как ООН, ЕС, Содружество Независимых Государств (СНГ), МОТ, ОБСЕ, МОМ и др. Однако наиболее четкое и всеобъемлющее определение, которое принимается большинством стран, было задано Палермским протоколом³ 2000 г. (далее – Протокол). В соответствии со ст. 3, пунктом А данного документа “торговля людьми” означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов. Определение было дано с максимально возможной на тот момент степенью детализации, определяя виды торговли людьми, цели эксплуатации, формы принуждения. Также в нормативной правовой базе ООН общеупотребительным стало разделение торговли людьми на три вида: торговля людьми на сексуальной почве, для принудительных работ и извлечение органов.

Несмотря на всемирное признание и дальнейшее активное правоприменение, Протокол обладает существенным недостатком – факт торговли людьми фиксируется лишь в ситуации, когда преступное действие носит транснациональный характер. Преступления, совершенные на территории одного государства, не попадают под данное определение в международном понимании и остаются на откуп национального уголовного законодательства.

Еще одним “слабым” местом Протокола является его неприспособленность к изменяющимся обстоятельствам, связанным в первую очередь с появлением новых аспектов торговли людьми. Протокол предписывает государствам определенную политику действий, исходя из деления данного вида преступной деятельности на три “традиционных” вида. Тем не менее, при сохранении самих этих типов, меняются обстоятельства, способы, пространства антигуманного “товарооборота” и его последствия. Например, набирающая популярность сексуальная эксплуатация людей в интернете не находит подходящих способов ее предотвращения в рамках Протокола.

Ст. 5 Протокола “Криминализация” определяет ответственность каждого государства за совершенствование собственной правовой и административной системы с целью признания преступления уголовно наказуемым при умышленном совершении. Но при этом отсутствует необходимый контрольно-надзорный регламент, который определял бы степень реализации статьи.

Ст. 6 Протокола “Помощь жертвам торговли людьми и их защита” носит лишь рекомендательный характер в вопросах обеспечения пострадавших необходимыми материальными благами, психологической помощью в случае ее необходимости, а также трудоустройства и образования. Из внимания упускается наличие необходимых для этого у государства ресурсов. В условиях единого мирового рынка разница в экономическом положении каждой страны определяет источники финансирования программ реабилитации жертв. Согласно статистике, жертвами современной работорговли становятся жители самых неблагополучных регионов, что многократно снижает возможности реализации рекомендаций ООН. Кроме того, Протокол не дает четкого понимания, кто должен нести все расходы за оказанную помощь жертвам: страна исхода или принимающее государство.

² *Slavery Convention*. United Nations Human Rights Office. Available at: <https://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/SlaveryConvention.aspx> (accessed 02.12.2021).

³ *Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности*. 15.11.2000. [*Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children, Supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime*. 15.11.2000. (In Russ.)] Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (accessed 03.12.2021).

Реализация статей 9 “Предупреждение торговли людьми”, 10 “Обмен информацией и подготовка кадров” и 11 “Меры пограничного контроля” возможна только при тесном сотрудничестве стран, входящих в цепочку исход–транзит–пребывание, при совпадении их национальных интересов, уровней жизни и экономик.

Протокол, имеющий в целом рекомендательный характер, не учитывает особенностей не только каждого региона, но и государства в отдельности. Наличие и масштабы “серой” зоны, в которой находятся потенциальные жертвы торговли людьми (беженцы, трудовые мигранты, неблагополучные слои населения, внутренние перемещенные лица и т.п.), определяются совокупностью “выталкивающих” факторов, индивидуальных для каждой страны. В их число входят историческое наследие, особенности политического строя, национальные интересы, наличие в государстве вооруженных конфликтов, сепаратистских настроений, отсутствие равного доступа граждан к системе образования, низкий уровень медицинского обслуживания и зарплат, экономический дисбаланс, нехватка рабочих мест и т.д. Протокол оставляет эти моменты за рамками своего внимания.

Особенностью Палермского протокола является его симплификация. Он вводит в систему международного права унифицированную трактовку термина “торговля людьми”, определяет меры по защите жертв, предупреждению преступлений и сотрудничеству, однако все они носят общий характер и не отражают региональную специфику. Исследования по проблемам торговли людьми, отражающие страновую принадлежность жертв, а также нюансы государственного и международного регулирования в целях конкретизации и совершенствования нормотворчества, проводятся ООН с 2000 г. В число таких исследований входят: “Глобальный доклад о торговле людьми”, “Всемирный доклад о торговле людьми”, “Руководство для парламентариев: борьба с торговлей людьми”, “Торговля людьми: анализ по европейскому региону”, “Сборник методических пособий по вопросам борьбы с торговлей людьми”, “Пособие по оценке потребностей в отношении уголовно-правовых мер борьбы с торговлей людьми”, “Пособие по оказанию первой помощи для использования сотрудниками правоохранительных органов, которые первыми реагируют на случаи торговли людьми”, “Обзор текущей ситуации и ответных мер по противодействию торговле людьми в Российской Федерации”, “Рекомендуемые принципы и руководящие положения по вопросу о правах человека и торговле людьми”, “Руководство по защите детей – жертв торговли людьми” и др.

ИСКУССТВЕННАЯ ПОЛИТИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Лишь единичные государства, преимущественно развитые, на ежегодной основе публикуют доклады, отражающие состояние дел в области регулирования нелегальной миграции и предотвращения торговли людьми. Страны второго и третьего эшелонов развития не готовы выделять необходимое финансирование для рассмотрения данной проблемы.

В числе публикующих такого рода государственные исследования необходимо выделить Соединенные Штаты Америки. Начиная с 2001 г., в соответствии с данными, размещенными на официальном сайте Государственного департамента, США публикуют отчет о торговле людьми. Важным отличием от публикаций ООН в этой сфере является систематизация данных. Для упрощения анализа статистики Госдепом было введено условное деление всех стран на три блока (*tier*) в соответствии с уровнем соблюдения в государстве прав человека и мер по борьбе с торговлей людьми. В первую группу входят государства, выполняющие (с точки зрения Вашингтона) все нормы права в отношении личности и на постоянной основе придерживающиеся рамок Палермского протокола. К ним отнесены: Австралия, Австрия, Канада, Чили, Чехия, Финляндия, Франция, Южная Корея, Нидерланды, Швеция, США и др. Вторую группу представляют страны с минимальными отклонениями от вышеозначенных норм: Бразилия, Хорватия, Кипр, Египет, Германия, Греция, Исландия, Израиль, Италия, Мальта, Мексика и др. Третью группу составляют те, кто в минимальной степени соблюдает права человека и стандарты противодействия торговле людьми. Стоит отметить, что критерием соблюдения норм Палермского протокола служит количество

обнаруженных в стране жертв, а также число, невольников – граждан этого государства, обнаруженных за границей. Методика формирования третьей группы вызывает немало вопросов и представляется наиболее дискуссионной. При сопоставлении данных разных отчетов удается увидеть определенную взаимосвязь внешнеполитических установок США с трансформацией этого списка (см. табл.). В число лидеров перечня “неблагополучных” американского Госдепартамента ежегодно входят Иран и КНДР, на протяжении многих лет выступающие политическими оппонентами официального Вашингтона. В период локальных конфликтов или непрямых столкновений с геополитическими интересами США в список попадали такие государства, как Судан, Ливия, Сирия, Россия, Саудовская Аравия, Южный Судан, Кувейт, Куба, Китай, Мьянма, Алжир, Белоруссия.

Кроме трех основных групп, существуют две дополнительные подгруппы, не входящие не в одну из групп: страны “под наблюдением” и “находящиеся в особых условиях”. В первую входят государства с переходной системой, в определенные годы они могли попадать в третью основную категорию; а “особыми условиями” считается наличие активных вооруженных конфликтов и сепаратистских волнений.

Некоторые государства, начиная с 2011 г., чаще других фигурировали в отчетах под маркером “не полностью соблюдающих минимальные требования TVPA” (*Trafficking and Violence Protection Act* – Закон о защите жертв торговли людьми от 2000 г.⁴, принятый на 106-м Конгрессе США). Закон выступает в качестве минимальных необходимых требований, по мнению Вашингтона, для эффективной борьбы с торговлей людьми. Этими странами являются в порядке перечисления в Ежегодном докладе о торговле людьми (*Trafficking in Persons Report, TIP*), подготовленном Офисом по мониторингу и борьбе с торговлей людьми Госдепартамента США от 2021 г.: Афганистан, Алжир, Мьянма, Китай, Коморские острова, Куба, Эритрея, Гвинея Биссау, Иран, Северная Корея, Малайзия, Никарагуа, Россия, Южный Судан, Сирия, Туркмения⁵.

Опираясь на последний TIP от 2021 г., а также на отчеты Госдепартамента 2002–2021 гг.⁶, проанализируем страновую специфику проявления такого социального феномена, как торговля людьми на примере наиболее ярких и изученных американскими экспертами государств (порядок рассмотрения стран соответствует их упоминанию в TIP).

⁴ *Victims of Trafficking and Violence Protection Act of 2000*. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-106hr3244enr/pdf/BILLS-106hr3244enr.pdf> (accessed 01.12.2021).

⁵ *Trafficking in Persons Report. 20th Edition*. United States Department of State. 2020. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/06/2020-TIP-Report-Complete-062420-FINAL.pdf> (accessed 02.12.2021).

⁶ *2021 Trafficking in Persons Report*. Office to Monitor and Combat Trafficking in Persons. Available at: [2021 Trafficking in Persons Report - United States Department of State](https://www.state.gov/2021-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *2019 Trafficking in Persons Report*. Office to Monitor and Combat Trafficking in Persons. Available at: [2019 Trafficking in Persons Report - United States Department of State](https://www.state.gov/2019-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *2018 Trafficking in Persons Report*. Office to Monitor and Combat Trafficking in Persons. Available at: [2018 Trafficking in Persons Report - United States Department of State](https://www.state.gov/2018-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *2017 Trafficking in Persons Report*. Office to Monitor and Combat Trafficking in Persons. Available at: [2017 Trafficking in Persons Report - United States Department of State](https://www.state.gov/2017-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2016*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2016 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2016-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2015*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2015 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2015-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2014*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2014 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2014-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2013*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2013 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2013-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons 2012*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2012 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2012-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2011*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2011 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2011-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2010*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2010 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2010-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2009*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2009 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2009-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2008*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2008 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2008-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons 2007*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2007 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2007-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report 2006*. U.S. Department of State. Available at: [Trafficking in Persons Report 2006 \(state.gov\)](https://www.state.gov/2006-Trafficking-in-Persons-Report) (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report June 2005*. U.S. Department of State publication Office of the under Secretary for Global Affairs. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/47255.pdf> (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report June 2004*. U.S. Department of State publication Office of the under Secretary for Global Affairs. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/34158.pdf> (accessed 03.12.2021); *Trafficking in Persons Report June 2003*. U.S. Department of State publication Office of the under Secretary for Global Affairs. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/21555.pdf> (accessed 03.12.2021); *2002 Report*. U.S. Department of State. Available at: [2002 Report \(state.gov\)](https://www.state.gov/2002-Report) (accessed 03.12.2021); *2001 Report*. U.S. Department of State. Available at: [2001 Report \(state.gov\)](https://www.state.gov/2001-Report) (accessed 03.12.2021).

Афганистан является страной исхода для значительного количества жертв. Торговля афганскими женщинами с целью сексуальной эксплуатации обычно осуществляется на территории Пакистана и Ирана. Дети часто становятся объектами продажи на территории Омана, Ирана, Пакистана, а также Саудовской Аравии. Мужчины продаются для принудительного использования на производственных, строительных, др. видах работ в Пакистан и Иран. Имеет место продажа органов афганцев на территорию Пакистана. На основании доклада ЮНОДК “Торговля людьми: глобальные модели” от 2006 г. можно утверждать, что в самом Афганистане процветает сексуальная эксплуатация китайских, тайских и филиппинских женщин. Есть сведения о внутрискановой торговле людьми на территории Афганистана, основные формы которой включают в себя проституцию, принудительные браки, принудительный труд⁷. Все это становится возможным из-за отсутствия нормативной правовой базы и институтов, которые способствовали бы разрушению действующих в стране сетей по торговле людьми. На протяжении многих лет афганское руководство не имело возможности собирать точные статистические данные о масштабах торговли людьми на своей территории, после прихода к власти движения “Талибан” (запрещено в РФ) перспективы таких подсчетов еще более сомнительны.

В отчете *TIP* за 2021 г. США также заявлено о существовании в Афганистане на протяжении многих лет практики “бача бази”⁸, при которой взрослые мужчины используют мальчиков не только в качестве объектов сексуальной эксплуатации, но и для демонстрации своего социального статуса. Афганистан до захвата талибами разработал некоторые нормативные правовые акты, направленные против работорговли. Закон 2017 г. о борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов предусматривал уголовную ответственность за такую торговлю (в том числе целях сексуальной эксплуатации, включая “бача бази”), и наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет. Отягчающие обстоятельства увеличивали наказание до 10–15 лет (максимально). В случае использования жертвы в вооруженном конфликте, повлекшем ее смерть, применялась смертная казнь.

Приход к власти “Талибана” сводит к минимуму усилия предыдущих властей. Повстанческие группировки, в том числе “Талибан” и “Исламское государство” (запрещены в РФ) в провинции Хорасан использовали до прихода к власти детей в прямых боевых действиях, для установки и порыва самодельных взрывных устройств, для шпионажа и охраны военных баз. В Афганистане и Пакистане талибы вербуют детей-солдат в своих медресе, которые обеспечивают военную подготовку и религиозное образование, а иногда предоставляют семьям денежные выплаты или защиту в обмен на отправку детей в эти школы.

Правительство **Алжира**, согласно *TIP*, не в полной мере соблюдает минимальные стандарты борьбы с торговлей людьми и не предпринимает значительных усилий для исправления ситуации. Алжир является в большей степени страной транзита для иммигрантов, ищущих путь с территории Африки в Европу. Мигранты становятся жертвами торговли людьми в сфере принудительного труда и сексуальной эксплуатации. Преступные сети способствуют их нелегальной перевозке. В Алжире пересекаются пути нелегальной миграции и торговли людьми. Алжирское правительство предпринимало некоторые меры по борьбе с торговлей людьми, которые способствовали разработке программы для обучения государственных служащих. Однако эти усилия не дали видимых результатов⁹.

Чаще всего взрослые выходцы из стран Африки к югу от Сахары, направляющиеся в Европу в поисках работы, въезжают в Алжир добровольно, но нелегально, пользуясь услугами отдельных контрабандистов или преступных сетей. Многие мигранты, которые

⁷ *Appropriate Legal Responses to Combating Trafficking in Persons in Afghanistan*. United Nations Office on Drugs and Crime. July, 2008. Available at: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Legal_Responses_to_Trafficking_in_Persons_Manual_for_Parliamentarians_of_Afghanistan.pdf (accessed 02.12.2021).

⁸ *2021 Trafficking in Persons Report*. Office to Monitor and Combat Trafficking in Persons. Available at: [2021 Trafficking in Persons Report - United States Department of State](https://www.state.gov/2021-traffic-report/) (accessed 03.12.2021).

⁹ *Trafficking in Persons Report 2010*. U.S. Department of State. Available at: <https://2009-2017.state.gov/j/tip/rls/tiprpt/2010/index.htm> (accessed 02.12.2021).

столкнулись с препятствиями в своих первоначальных попытках добраться до Европы, остаются в Алжире и работают на местном неофициальном рынке труда.

Алжирский Уголовный кодекс криминализирует большинство форм торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации и все ее виды в целях трудовой эксплуатации и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет и штрафы в размере от 300 тыс. до 1 млн алжирских динаров. Ст. 319 УК Алжира, устанавливающая уголовную ответственность за покупку и продажу детей в возрасте до 18 лет, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до 15 лет и штраф для лиц, осужденных за совершение или попытку совершения этого преступления.

Мьянма, с одной стороны, является страной исхода потенциальных жертв торговли людьми в сфере принудительного труда. Женщины и дети в основном подвергаются сексуальной эксплуатации. Женщин вывозят контрабандным путем в Таиланд, Китай и Малайзию. Мьянма также – государство транзита из Бангладеш в Малайзию и из Китая в Таиланд. С другой стороны, внутренняя торговля людьми в самой Мьянме остается серьезнейшей проблемой для государства, правительственные усилия, направленные на борьбу с этим злом, оказываются недостаточными. Принудительный труд по-прежнему процветает внутри страны, причем он подпитывается государственной политикой по насильственной рекрутизации (способ комплектования вооруженных сил) детей и взрослых.

Продолжающийся военный конфликт с этническими вооруженными организациями в нескольких районах страны и военный переворот 1 февраля 2021 г., в результате которого было свергнуто действовавшее правительство, спровоцировали перемещение сотен тысяч людей внутри страны. Большинство этих переселенцев – представители этнических меньшинств. Многие из них подвергаются риску попасть в сети работорговцев в Мьянме и других частях региона. В зонах конфликтов, главным образом в штатах Ракхайн и Качин, выросло число случаев использования детей сепаратистскими военизированными подразделениями.

Основными сферами концентрации жертв торговли людьми **в Китае** являются принудительные браки, также принудительный труд, секс-индустрия, продажа детей и контрабанда людей. Торговля людьми здесь имеет глубокие исторические корни: это наследие предыдущих эпох и традиции использования принудительно труда в различных сферах. До создания Китайской Народной Республики в 1949 г. Китай обладал “одним из крупнейших и наиболее всеобъемлющих рынков для обмена людьми в мире”¹⁰. Рост мобильности в результате урбанизации и индустриализации лишь увеличил масштабы перемещения жертв сетей торговцев людьми, объединявшихся в ответ на новые изменения в политической, экономической и социальной среде. С середины XX в. Китай начал активно вводить в практику законы, которые запрещали насильственные браки, систему наложничества, публичные дома [19]. Однако введенная в 1980-е годы и поддерживавшаяся вплоть до 2015 г. политика “одна семья – один ребенок” привела к гендерному дисбалансу. Диспропорция полов, выраженная в резком преобладании численности мужчин над количеством женщин, актуализировала спрос на услуги публичных домов, закономерно увеличив число жертв сексуальной эксплуатации. Незарегистрированные младенцы, рожденные сверх нормы “один ребенок на семью”, часто продавались по преступным каналам с целью получения прибыли посредством дальнейшего усыновления этих детей представителями других государств [20].

По оценкам США, граждане Китая привлекались к принудительному труду в некоторых азиатских, африканских и европейских странах, включенных в инициативу КНР “Один пояс, один путь”, в рамках которой отсутствовал должный надзор за соответствующими каналами найма, контрактами и условиями труда. Сообщалось, что в течение последних пяти лет торговцы людьми подвергали эксплуатации местных и иностранных граждан в Китае, а китайские невольники эксплуатировались за рубежом. Преступники также используют

¹⁰ Tiefenbrun S. Human Trafficking in China. *University of St. Thomas Law Journal*, 2008, vol. 6, iss. 1, pp. 247-269. Available at: [Human Trafficking in China \(stthomas.edu\)](https://www.stthomas.edu/human-trafficking-in-china) (accessed 04.12.2021).

КНР как транзитный пункт перевозки иностранных граждан в другие азиатские страны. Хорошо организованные международные криминальные синдикаты и местные банды поставляют китайок, в том числе несовершеннолетних, сексуальной индустрии внутри Китая. Не только они, но и женщины из других стран, таких как Мьянма, Вьетнам, Лаос, Монголия, Россия, Северная Корея, а также государств Африки и Южной Америки, подвергаются риску быть проданными для принудительных браков в КНР. А жертвы из Китая вывозятся в Центральную Европу, Южную Америку, Африку, Южную Азию.

Хотя Китай официально запрещает принудительный труд, он по-прежнему широко практикуется на большей части территории страны. Ситуация усугубляется тем, что по закону только женщины и дети могут быть юридически признаны жертвами торговли людьми. Внутри страны около 2.9 млн человек находятся в ловушке принудительного труда. За границей китайские подневольные работники выявлены в Таиланде, Малайзии, государствах Европы и Соединенных Штатах. Жертв для эксплуатации на китайских промышленных предприятиях вывозят из Вьетнама, Мьянмы, а также сельских районов самой КНР¹¹.

Куба вошла в список стран, которые, по мнению США, не соблюдают даже минимальные стандарты по борьбе с торговлей людьми. Этот вид преступности является постоянной проблемой “Острова свободы”. Торговцы увеличивают свои обороты на протяжении многих лет, особенно проблема принудительного труда обострилась в связи со спонсируемыми правительством программами экспорта рабочей силы. По данным отчета США, имеет место как эксплуатация местных и иностранных жертв на Кубе, так и продажа кубинцев за рубеж. Торговля людьми на Кубе делится на две широкие категории: подпольная в целях сексуальной эксплуатации и принудительного труда, и полуофициальная (коррупцированная) по линии финансируемых государством программ экспорта рабочей силы. Кубинских граждан, вывозимых с родного острова, эксплуатируют в Африке, Азии, странах Карибского бассейна, Средиземноморья, Латинской Америки и Соединенных Штатах. Мигранты, оказавшиеся жертвами современных работорговцев на Кубе – преимущественно выходцы из регионов Африки и Азии. Основная сфера их использования — секс-индустрия.

Иран, по оценкам отдельных экспертов, является важным элементом – государством-реципиентом в цепи “страна происхождения – страна транзита – страна назначения”. Иранские граждане, ставшие жертвами торговли людьми, обнаруживаются в Афганистане, Курдском автономном районе Ирака, Пакистане, Турции, Объединенных Арабских Эмиратах и государствах Европы¹².

Ситуация с торговлей людьми в Иране особенно обострилась на фоне постоянного падения экономических показателей и серьезных проблем, вызываемых состоянием окружающей среды. Особенно уязвимыми в этих условиях становятся женщины и дети, а также члены маргинализированных сообществ (представители этнических меньшинств, беженцы и мигранты).

Женщины и дети из Ирана становятся объектами сексуальной торговли в Афганистане, Армении, Грузии, Ираке, Иракском Курдистане, Пакистане, Турции и ОАЭ. Детей также активно используют для другого вида криминализованной деятельности – попрошайничества. Представители преступных групп похищают или покупают иранских детей, вынужденных просить милостыню на улице, а также детей мигрантов. Особым спросом пользуются оказавшиеся на иранской территории малолетние афганцы, не имеющие документов. Их превращают в профессиональных нищих, заставляют работать уличными торговцами в городах, включая Тегеран. Эти дети, которым может быть всего три года, обычно подвергаются физическому и сексуальному насилию, искусственно подсаживаются на наркотики.

¹¹ *Human Trafficking in China*. Human Trafficking Search. 27.05.2014. Available at: [Human Trafficking Search](https://www.humantraffickingsearch.org/) (accessed 02.12.2021).

¹² *US Report on Human Trafficking in Iran*. United States Institute of Peace. 27.07.2018. Available at: <https://iranprimer.usip.org/blog/2018/jun/27/us-report-human-trafficking-iran> (accessed 02.12.2021).

Корейская Народно-Демократическая Республика – главным образом страна – поставщик жертв торговли людьми (мужчин, женщин и детей), которые подвергаются впоследствии трудовой и сексуальной эксплуатации. Принудительный труд сам по себе – привычная практика в КНДР, определяемая государственной политикой, направленной на использование рабочей силы в угоду экономике. На территории страны распространен феномен трудовых лагерей. Северокорейские власти таким образом сами стимулируют потенциальных беженцев, желание которых избежать притеснений на родине становится побудительным мотивом для обращения к торговцам людьми за помощью в пересечении границы¹³.

Закрытость страны и минимальные усилия государства по предотвращению торговли людьми и выявлению жертв определяют нехватку достоверной информации о ситуации в Северной Корее. В *TIP* представлена информация, которой располагают США. При этом многие выводы делаются на основе данных о численности обнаруженных в соседних с КНДР странах северокорейских жертв работоторговцев и со слов самих пострадавших. Женщины и девочки – потенциальные жертвы торговцев людьми из Северной Кореи мигрируют в Китай, часто с помощью посредника. Сети торговли китайскими и северокорейскими гражданами действуют вдоль китайско-северокорейской границы. По некоторым данным, их представители используют связи с китайскими и северокорейскими пограничниками в целях вербовки женщин для принудительного труда в КНР. Законы Северной Кореи, по которым можно было бы привлечь к суду торговцев людьми, направлены на ограничение всей трансграничной миграции в целом, поэтому в случае применения они наносят удар и по жертвам этой торговли.

Женщины и девочки из **Никарагуа** часто становятся жертвами сексуальной эксплуатации как в самой стране, так и за ее пределами, включая соседние государства Центральной Америки и США¹⁴. Причем во внутристрановом обороте этой сферы “спросом” пользуются не только девочки, но и мальчики. Однако самой большой проблемой для Никарагуа в последние годы считается использование детского труда. В 2018 г. в стране были предприняты некоторые политические усилия для борьбы с этим явлением. Тем не менее государство так и не выработало конкретных шагов по противодействию криминальным сетям, наживающихся на малолетних работниках, в том числе в сферах, наносящих вред детскому здоровью. В Никарагуа не ведется корректного подсчета жертв и отсутствует объективное понимание сложившейся ситуации. Правительство пытается противодействовать торговле детьми по линии повышения грамотности населения и расширения доступа детей к образовательным услугам.

По данным Глобального индекса рабства от *Walk Free*, к 2018 г. в условиях рабства в **России** находилось 794 тыс. человек¹⁵. Принудительный труд встречается повсеместно на территории страны и охватывает различные сектора, включая сельское хозяйство, строительство, вырубку леса, браконьерство и др. Жертвами принудительного труда становятся по большей части трудовые мигранты, которые въехали в РФ как законным, так и нелегальным путем. Основную долю рабов-мигрантов составляют выходцы из стран Средней Азии, Вьетнама, Китая и Северной Кореи, государств СНГ. Невольниками становятся не только совершеннолетние лица, но и дети, которых используют в сфере попрошайничества. До 2018 г. КНДР ежегодно отправляла около 20 тыс. своих граждан в Россию для работы в различных отраслях, включая лесозаготовки на Дальнем Востоке¹⁶.

¹³ 2018 Country Reports on Human Rights Practices: Democratic People's Republic of Korea U.A. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/reports/2018-country-reports-on-human-rights-practices/democratic-peoples-republic-of-korea/> (accessed 04.12.2021).

¹⁴ Garrison C. *One Woman's Crusade Against Human Trafficking on Nicaragua's Caribbean Coast*. 29.07.2017. Available at: <https://medium.com/global-communities/one-womans-crusade-against-human-trafficking-on-nicaragua-s-caribbean-coast-c6df753b7b1a> (accessed 05.12.2021).

¹⁵ *Russia. Global Slavery Index*. Walk Free Foundation. 2018. Available at: <https://www.globallslaveryindex.org/2018/findings/country-studies/russia/> (accessed 09.09.2021).

¹⁶ Tuoff Ph. *Human Trafficking and Potential Solutions in the Russian Federation*. Portland State University. 2016. Available at: <https://pdxscholar.library.pdx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1259&context=honorsthesis> (accessed 01.12.2021). DOI: 10.15760/honors.221

Случаи торговли людьми были зарегистрированы в строительной, обрабатывающей, лесозаготовительной, текстильной, транспортной и морской отраслях, а также на лесопилках, в сельском хозяйстве, на овцеводческих фермах, в продуктовых и розничных магазинах и т.д. Многие из этих трудящихся-мигрантов сталкиваются с эксплуататорскими условиями труда, типичными для случаев торговли людьми, такими как утаивание документов, удостоверяющих личность, неоплата за оказанные услуги, физическое насилие, отсутствие мер безопасности или крайне плохие условия жизни.

Сексуальная эксплуатация также занимает значимую часть в общей картине принудительной занятости в Российской Федерации. Женщины и дети из Европы (в основном Украины и Молдавии), Юго-Восточной Азии (в первую очередь Китая и Филиппин), Африки (особенно Нигерии) и Средней Азии в основном становятся объектами торговли в этой сфере. Неправительственные организации сообщают о росте числа жертв из Африки, прибывающих в качестве студентов по как по официальным визам, так и по поддельным документам¹⁷. Российские женщины и дети также попадают в сети торговцев и сутенеров в РФ и за рубежом, в том числе в странах Европы, Центральной Азии, Африки, в США и на Ближнем Востоке. Преступники используют социальные сети для вербовки, отслеживания и контроля жертв¹⁸.

Кроме того, в республиках Кавказа, входящих в состав РФ, сохраняются традиции “похищения невест” – аналог института принудительного брака. Девушек в этих случаях зачастую выдают замуж без их согласия, что так же может быть квалифицировано как торговля людьми.

В ходе референдума 9 июля 2011 г. **Южный Судан** был провозглашен суверенным государством, что официально положило конец кровопролитной межэтнической войне, длившейся с 1983 г. Основой конфликта послужили глубокие противоречия между населением северных и южных территорий страны, усугубляемые политикой англо-египетского раздельного управления Суданом в 1899–1955 гг. Долгие годы противостояния и его лишь частичное затухание после провозглашения суверенитета Южного Судана привели к массовому исходу беженцев из зон активных боевых действий. Торговцы людьми воспользовались этой тяжелой ситуацией, эксплуатируя как местных жителей, так и иностранцев. Из-за многолетнего конфликта в Южном Судане к 2020 г. число беженцев оттуда в соседнем Судане превысило 700 тыс. человек. Многие из них по-прежнему уязвимы для принудительного труда и торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации. В 2018 г. ООН задокументировала случаи попадания в кабалу работорговцев граждан Западной и Центральной Африки, в основном из Чада, Мали и Нигера, нелегально прибывших в Судан. Южный Судан является страной исхода для многих жертв торговли людьми из-за катастрофической экономической и социальной ситуации. Отсутствие практики наказаний за данный вид преступлений ставит эту страну в рейтинге США в ранг государств, прилагающих минимальные усилия по борьбе с торговлей людьми и создающих преграды в определении точного числа жертв. Женщины и девочки, особенно из сельской местности и бедных семей, уязвимы для домашнего рабства по всей стране. Женщин подвергают сексуальной эксплуатации и принудительному труду¹⁹.

Судан уже давно является страной транзита для людей из стран Африканского Рога на пути в Северную Африку, Европу и за ее пределы. В частности, Южный Судан часто служит перевалочным пунктом для мигрантов из Эритреи, Эфиопии и Сомали, которые стремятся попасть в Европу или Израиль. Эти мигранты – тоже потенциальные жертвы вербовщиков.

¹⁷ 2017 *Trafficking in Persons Report: Russia*. U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/reports/2017-trafficking-in-persons-report/russia/> (accessed 01.12.2021).

¹⁸ Hughes M.D. *Trafficking for Sexual Exploitation: The Case of the Russian Federation*. International Organization for Migration. 2002. Available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mrs_7.pdf (accessed 01.12.2021).

¹⁹ Danis D. South Sudan Neglects Anti-Trafficking Measures – US Dept. *Eye Radio*, 06.07.2020. Available at: <https://eyeradio.org/south-sudan-neglects-anti-trafficking-measures-us-dept-state/> (accessed 03.12.2021).

Ситуация в **Сирии** продолжает ухудшаться на фоне длительного конфликта с участием вооруженных групп различной идеологической направленности. Эти формирования в ходе противостояния захватывали под свой контроль обширные территории страны. Многие сирийцы вынуждены были покинуть родину. Те же, кто остается или проживает в качестве беженцев в соседних государствах, формируют притягательную базу для торговцев людьми. Сирийские девочки становятся жертвами принудительных браков, в результате чего они подвергаются сексуальной эксплуатации и принудительному труду. В ситуации вооруженного конфликта неизбежно нарушаются права человека, что создает благотворную почву для торговцев людьми.

По данным *TIP*, многие женщины и дети из числа иракских беженцев в Сирии стали жертвами рабства в секс-индустрии, равно как представительницы Сомали и стран Восточной Европы. Российским, украинским и белорусским женщинам, завербованным террористами для работы в Сирии, не разрешается покидать свои рабочие помещения без разрешения. Некоторые из этих работниц также могут быть принуждены к занятию проституцией. Так, женщин из Индонезии, Филиппин, Эфиопии и Сьерра-Леоне нанимают в Сирии в качестве домашней прислуги, но некоторые из них попадают в ситуацию фактического бесправия в результате изъятия документов, отсутствия выплат, нарушения трудовых временных норм.

Туркменистан – одна из самых закрытых стран мира, имеет определенные особенности въезда на свою территорию и специфику информационного обмена. Данные о торговле людьми не освещаются в государственных СМИ и зачастую замалчиваются. Туркменистан, по упомянутой систематике Госдепартамента США, входит в число стран, не соблюдающих даже минимальные стандарты по борьбе с этим видом преступной деятельности. Ежегодно туркменские граждане становятся ее жертвами как внутри страны, так и за пределами родины. Отличительной чертой Туркменистана можно считать принудительный труд, санкционированный самим государством. Ежегодно правительство мобилизует сотни граждан для сбора хлопка [21]. Для выполнения производственных квот, установленных государством по данной сельхозкультуре, некоторые категории работников, в основном из бюджетной сферы и госслужащие, (в том числе солдаты, учителя, врачи и др.), направляются на уборку урожая. Все это происходит на безвозмездной основе под видом добровольного участия и под угрозой штрафов, увольнения, сокращения ставок или удержания заработной платы.

Туркменистан является страной исхода для женщин и девушек, которых впоследствии ждет эксплуатация в Турции, Иране, ОАЭ²⁰. Бедность остается главной движущей силой роста численности жертв, последние не столько ищут за границей лучшей жизни, сколько просто стараются заработать средства для существования. Причем иногда именно отцы и мужья подталкивают женщин к проституции²¹. Туркменки чаще всего продаются в сексуальное рабство в Турцию, Россию и Индию, за ними следуют другие страны Ближнего Востока, Южной и Средней Азии, и Европы.

Также туркменские мигранты подвергаются принудительному труду за границей в текстильной, сельскохозяйственной, строительной сферах и секторе услуг. Туркменские мужчины-мигранты используются в наркоторговле.

Правительство Туркменистана официально ограничивает свободу передвижения, препятствуя гражданам покидать страну. Это побуждает людей использовать неформальные каналы миграции, которые формируют теневой рынок для торговцев людьми. В представлении составителей *TIP*, неблагоприятный инвестиционный климат вкуче с ограничением свободы передвижения только увеличивают риски сексуального и трудового рабства.

²⁰ *Turkmenistan. Prepared for the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women.* Available at: <http://hrlibrary.umn.edu/iwraw/publications/countries/turkmenistan.htm> (accessed 02.12.2021).

²¹ *Prostitution on the Rise.* The New Humanitarian. 05.09.2005. Available at: <https://www.thenewhumanitarian.org/news/2005/09/05/prostitution-rise> (accessed 02.12.2021).

При детальном изучении отчетов США становится очевидной искусственная политизация проблемы и использование ее для обеспечения собственных интересов. Американские эксперты не касаются региональных особенностей торговли людьми, а рассматривают вопрос только на примерах стран, отнесенных ими во вторую и третью группы. С одной стороны, такие исследования дают возможность разрабатывать политические меры, исходя из ситуации в каждом отдельном государстве, с другой, данные, представленные в отчетах, не могут восприниматься в качестве достоверных. Подобные наработки, обусловленные политической конъюнктурой, не дают трезво оценить масштабы проблемы и найти действенные варианты ее решения. При таком подходе можно говорить о том, что в борьбе с торговлей людьми мировое сообщество достигло своего институционального предела. Политизация данного вопроса, особенно странами первого эшелона, приводит к формированию некорректного рейтинга государств, подверженных опасностям преступлений в отношении людей. Кроме того, исследования и формирование отчета не способны заменить собой реальные действия по предотвращению современной работорговли.

За последние 10 лет потенциал государств в сферах отслеживания потоков торговли людьми и оценке ее моделей заметно вырос. Это связано с тем, что международное сообщество обратило внимание на важность стандартизации методов сбора данных о жертвах этого вида преступлений. Если в 2009 г. только в 26 странах официальные ведомства систематически собирали данные о подобных случаях, то к 2018 г. число таких государств возросло до 65²².

Бóльшие показатели численности жертв торговли людьми относятся к внутристрановой и внутрирегиональной торговле людьми. Статистические данные сообщают о многочисленных жертвах из числа нелегальных мигрантов из стран Третьего мира в развитых странах. Например, в Западной и Южной Европе значительна доля невольников из стран Азии, в то время как в других частях мира их относительно немного.

Высоко оценивая усилия разработчиков отчета *TIP* по оценке законодательной базы и практических усилий, предпринимаемых национальными правительствами для сокращения масштабов торговли людьми, отметим, что методология проводимого исследования уязвима для критики. В своем анализе авторы отчета опираются не на международные правила, коллективно разработанные и принятые большинством государств при участии США, а на критерии, отражающие позицию официального Вашингтона. На неправомерное игнорирование культурной специфики и не вполне корректный подбор источниковой базы указывает специалист по социологии миграции Лора Августин: «Ежегодный отчет федерального правительства США о торговле людьми основан на предположениях ЦРУ, полиции и посольств о ситуациях, которые не одинаково релевантны для всех культур и социальных слоев. Для доказательства факта торговли людьми исследователям необходим тщательный и сосредоточенный подход. Требуется знание различных культур, политических контекстов и языков. И даже в этом случае кейсы имеют тенденцию быть двусмысленными»²³. Таким образом, формально нейтральный аналитический отчет рискует стать еще одним инструментом информационного противоборства, уводя общественное внимание от решения реально назревших проблем.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И СТРАНОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

В региональном разрезе жертвы, обнаруженные в течение каждого исследуемого года (на основании *TIP* 2000–2021 гг.), являлись, в большинстве случаев, выходцами того

²² *International Framework for Action. To Implement the Smuggling of Migrants Protocol*. United Nations Office on Drugs and Crime. 2012. Available at: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Migrant-Smuggling/Framework_for_Action_Smuggling_of_Migrants.pdf (accessed 02.12.2021).

²³ Agustín L. The Shadowy World of Sex Across Borders. *The Guardian*, 19.11.2008. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2008/nov/19/humantrafficking-prostitution> (accessed 02.12.2021).

же региона, где они эксплуатировались. Доля найденных представителей из отдаленных частей света остается достаточно низкой. Исключение составляют Центральная Европа, Ближний Восток, Северная Америка и богатые страны Восточной Азии²⁴.

Процесс репатриации рабов нового типа зачастую происходит в соседние регионы, что говорит о географической близости пунктов исхода и назначения. Так, жертвы, обнаруженные в странах Ближнего Востока или Западной Европы, репатрируются в Северную Африку. Невольники из Северной Африки и Ближнего Востока отправляются в страны к югу от Сахары.

Данные о репатриации дают достаточно четкое представление о потоках жертв. Основные векторы направлены из стран Африки к югу от Сахары на территорию Ближнего Востока и Северной Африки, в Восточную Европу, из стран Южной Америки в Восточную Азию, из Восточной Европы в Центральную и Юго-Восточную Европу. Эти же данные показывают, что экономически успешные Западная и Южная Европа, Ближний Восток и Северная Америка привлекают жертв с разных концов планеты. Богатые страны в других частях света, в том числе в Восточной Европе и Восточной Азии, также являются местами назначения для поставок "живого товара".

Самым сложным с точки зрения проблемы торговли людьми континентом остается Африка. На ее территории в основном сложились тяжелые экономические условия, "выталкивающие" население из родных мест. Нищета здесь переплетается со слабостью либо полным отсутствием правоохранительных систем. Это в свою очередь открывает широкие перспективы для торговцев людьми. Границы большей части стран континента слабо контролируются на предмет пересечения, что затрудняет получение информации о потоках мигрантов. Все эти факторы в комплексе способствуют тому, что одни африканские государства легко становятся странами исхода жертв торговли людьми, другие – транзита, а третьи принимающими.

Если обратить внимание на трансрегиональную торговлю людьми, то на Ближнем Востоке²⁵ регистрируется самая высокая доля входящего трафика из других регионов. Большинство жертв, обнаруженных в Восточной Азии, являются гражданами восточноазиатских стран, в Южной Азии – государств этого же региона, в Африке – африканцами. В то же время закабаленные выходцы из Восточной Азии встречаются во всех регионах и субрегионах мира. Особенно заметна их доля в Северной Америке, на Ближнем Востоке, в Западной и Центральной Европе. Жертвы из Восточной Европы и Центральной Азии в основном рассредоточены в более широком поясе Европы и ЦАР. И лишь небольшое число стран за пределами европейской части континента сообщают о присутствии на своей территории граждан государств Восточной Европы и Центральной Азии, попавшихся в руки нынешних работорговцев. Помимо Восточной Азии, другими важным "поставщиком" трансрегиональных потоков незаконного оборота является Южная Азия²⁶.

На Азиатско-Тихоокеанский регион приходится наибольшее количество подневольных работников – 15.4 млн человек (62% общемирового показателя). В Африке их насчитывают 5.7 млн (23%), далее следуют Европа и Центральная Азия с 2.2 млн человек (9%). На Южную Америку приходится 1.2 млн (5%), а на арабские государства – менее 250 тыс. (1%) всех жертв.

Торговля людьми стимулируется спросом. В дешевой рабочей силе заинтересованы производства различного вида товаров, спрос на интимные услуги также огромен.

²⁴ *Countries with the Largest Number of People in Modern Slavery, as of 2018*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/301095/global-slavery-index/> (accessed 23.10.2021).

²⁵ *Migrant Smuggling in Asia*. United Nations Office on Drugs and Crime. 2015. Available at: https://www.unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2015/som/Current_Trends_and_Related_Challenges_web.pdf (accessed 03.12.2021).

²⁶ *Global Report on Trafficking in Persons 2014*. United Nations Office on Drugs and Crime. Available at: https://www.unodc.org/documents/lpo-brazil/Topics_TIP/Publicacoes/GLOTIP_2014_full_report.pdf (accessed 03.12.2021).

Торговля людьми – это разветвленный и крайне прибыльный бизнес. В одном только 2014 г. он, согласно отчету МОТ, принес своим владельцам примерно 150 млрд долл. США²⁷.

Торговля людьми – преступление, имеющее ярко выраженный гендерный характер: основное количество жертв – женщины и девочки. Однако число мужчин и мальчиков, становящихся объектами торговли, растет. В “Глобальном отчете о торговле людьми за 2016 год” Управления ООН по наркотикам и преступности указывается, что женщины составляют примерно 51% жертв торговли людьми, мужчины – 21%, девочки – 20% и мальчики – 8%²⁸.

В докладах ООН последних лет указывается, что наиболее распространенной формой торговли людьми является продажа в целях сексуальной эксплуатации. Этот вид торговли процветает в Западной и Южной Европе, Центральной и Юго-Восточной Европе, в Восточной Азии и Тихоокеанском регионе, в Южной Америке. Использование принудительного производственного труда, по данным ООН, чаще встречается в Восточной Европе и Центральной Азии, за которыми следует Африка к югу от Сахары²⁹.

Также, по сведениям Организации Объединенных Наций, в последние несколько лет наблюдается тенденция увеличения числа жертв торговли людьми. Наиболее ярко она проявляется в странах Азии, Северной и Южной Америки. Однако этот рост может объясняться и расширением возможностей государственных структур по обнаружению, регистрации и представлению данных о жертвах преступников³⁰.

Выделение экспертами ООН трех основных видов торговли людьми, безусловно, способствует систематизации информации, однако при этом упускается из внимания многосоставная природа данного феномена. Без необходимого критического анализа остаются некоторые значимые в плане предотвращения преступлений подобного рода взаимосвязи.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на проблему продажи новорожденных в семье для дальнейшего воспитания и суррогатное материнство. Такие феномены, несмотря на их институализацию в некоторых странах, не попадают ни в одну категорию. Соответственно не рассматриваются как факт торговли людьми и не преследуются в рамках уголовного законодательства.

* * *

В современном мире борьба с торговлей людьми крайне сложна по причине ряда факторов. В ООН отмечают, что трансграничные невольничьи потоки часто напоминают обычные миграционные. Мигранты, и особенно беженцы, чрезвычайно уязвимы перед заинтересованным криминалом, пользующимся тяжелым положением людей, отчаянно пытающихся найти убежище. Ключевая проблема заключается в том, что большинство людей, пострадавших от преступных группировок, никогда не идентифицируются как жертвы торговли людьми и поэтому не могут получить доступ к большей части предоставляемой помощи или защиты.

Противодействие работорговцам XXI в. означает борьбу с движущей силой и истинными причинами их преступлений. Катализаторами торговли людьми становятся вооруженные конфликты. Районы, где государственные структуры по каким-то причинам не способны выполнять свои функции по поддержанию правопорядка, зачастую становятся

²⁷ *Profits and Poverty: The Economics of Forced Labour*. International Labour Office. 2014. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/publication/wcms_243391.pdf (accessed 03.12.2021).

²⁸ *Global Report on Trafficking in Persons 2016*. United Nations Office on Drugs and Crime. Available at: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2016_Global_Report_on_Trafficking_in_Persons.pdf (accessed 04.12.2021).

²⁹ *Global Report on Trafficking in Persons 2020*. United Nations Office on Drugs and Crime. Available at: [GLoTiP_2020_15jan_web.pdf \(unodc.org\)](https://www.unodc.org/web.pdf(unodc.org)) (accessed 04.12.2021).

³⁰ *Global Report on Trafficking in Persons 2012*. United Nations Office on Drugs and Crime. Available at: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/Trafficking_in_Persons_2012_web.pdf (accessed 04.12.2021).

местами исхода большого количества беженцев. Вооруженные формирования, террористы пользуются бедственным положением населения в зонах боевых действий. Таким образом, войны любого типа создают нестабильные социально-экономические условия, в которых формируется среда для обеспечения потребности торговцев людьми в “товаре”.

Своевременное выявление лиц, находящихся в уязвимом положении, имеет важное значение для предотвращения торговли людьми и их последующей эксплуатации, особенно в контексте крупных миграционных перемещений, когда прибывающие из-за границы люди часто сильно ограничены в доступе к услугам.

Важную роль в преодолении проблем нелегальной миграции и торговли людьми способно сыграть общее изменение потребительских привычек, в частности, снижение спроса на дешевые товары и услуги, которые в основном и производятся подневольными работниками. Частному сектору экономики, который активно участвует в трудоустройстве мигрантов, ООН рекомендует использовать свое влияние для обеспечения достойных условий труда для приезжих в соответствии с трудовыми стандартами МОТ и ООН в области прав человека и бизнеса.

На сегодняшний день лишь единичные государства, преимущественно развитые страны, выделяют финансирование на изучение проблемы, но только в разрезе собственных национальных интересов. Развивающиеся страны, с одной стороны, испытывают трудности с финансированием подобных проектов, а с другой, могут быть не заинтересованы в окончательном искоренении этого вида рынка.

В рамках существующей мировой модели международные нормативные акты носят лишь рекомендательный характер и не обязывают государства реализовывать конкретные шаги по борьбе с торговлей людьми. Для обеспечения стандартов и обмена информацией, создания системы противостояния этому злу правительственные и неправительственные партнеры должны работать вместе.

Признание во всем мире губительных последствий торговли людьми растет с каждым годом. Однако реальность борьбы с этим преступлением такова, что только благодаря планомерным и целенаправленным действиям каждого государства становится возможным разрыв страновой цепочки “исход–транзит–назначение”, а значит, и предотвращение появления новых жертв. В число первоочередных шагов в борьбе с этим злом должны входить работа по сбору доказательств для возбуждения уголовных дел в отношении лиц, занимающихся торговлей людьми, долгосрочное оказание всесторонней помощи жертвам, а также формирование спланированной и основанной на фактических данных превентивной политики. В качестве одного из элементов эффективной борьбы с проявлениями торговли людьми на государственном и региональном уровне необходимо задействовать неправительственные и правозащитные организации. Государственные органы имеют возможность создавать более эффективные стратегии борьбы через тесное взаимодействие с местными органами власти и населением, включая общественные организации, бывших жертв и других лиц, работающих на местах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ahmad A.N. *Masculinity, Sexuality and Illegal Migration: Human Smuggling from Pakistan to Europe*. Burlington, Ashgate Publishing, 2011. 215 p.
2. Лебединец И. Генезис международно-правового регулирования борьбы с рабством, работорговлей и другими формами торговли людьми. *Актуальные проблемы российского права*, 2016, № 3 (64), сс. 186-191. [Lebedinets I. Genesis of International Legal Regulation of the Fight Against Slavery, the Slave Trade and Other Forms of Human Trafficking. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2016, no. 3 (64), pp. 186-191. (In Russ.)] DOI: 10.17803/1994-1471.2016.64.3.186-191
3. Лукач Н. Международный опыт преодоления глобальной проблемы торговли людьми. *Век глобализации*, 2016, № 4, сс. 78-87. [Lukach N. International Experience in Overcoming the Global Problem of Human Trafficking. *Vek globalizatsii*, 2016, no. 4, pp. 78-87. (In Russ.)]
4. Синицын Ф.Л., отв. ред. *Международное законодательство по проблеме торговли людьми*. Пермь, Уральский центр поддержки НГО, Центр против насилия и торговли людьми, 2000. 91 с. [Sinitsyn F.L., ed. *International Legislation on Trafficking in Human Beings*. Perm, Ural'skii tsentr podderzhki NGO, Center Against Violence and Human Trafficking, 2000. 91 c. (In Russ.)]

5. Синицын Ф.Л., отв. ред. *Стандартные правозащитные принципы обращения с лицами, пострадавшими от торговли людьми*. Пермь, Всемирный Альянс против торговли женщинами, Центр против насилия и торговли людьми, 2002. 32 с. [Sinitsyn F.L. *Standard Human Rights Principles for the Treatment of Victims of Trafficking in Persons*. Perm, Global Alliance Against Traffic in Women, Center against Violence and Trafficking in Persons, 2002. 32 p. (In Russ.)]
6. Синицын Ф.Л., Ситниченко О.В. *Права человека и торговля людьми: Справочник*. Пермь, Всемирный альянс против торговли женщинами, Центр против насилия и торговли людьми. 2002. 219 с. [Sinitsyn F.L., Sitnichenko O.V. *Human Rights and Trafficking in Persons: A Handbook*. Perm, Global Alliance Against Traffic in Women, Center against Violence and Human Trafficking, 2002. 219 p. (In Russ.)]
7. Донцов М.С. Торговля людьми: особенности уголовно-правовой и криминалистической характеристики. *Актуальные вопросы деятельности органов внутренних дел*, 2010, № 1 (52), сс. 9-16. [Dontsov M.S. Human Trafficking: Features of Criminal Law and Forensic Characteristics. *Aktual'nye voprosy deyatel'nosti organov vnutrennikh del*, 2010, no. 1 (52), pp. 9-16. (In Russ.)]
8. Рахимов М.С. Субъект преступления торговли людьми. *Бизнес в законе*, 2007, № 3, сс. 281-285. [Rakhimov M.S. Subject of the Crime of Human Trafficking. *Biznes v zakone*, 2007, no. 3, pp. 281-285. (In Russ.)]
9. Смирнов Г.К., Дворкин А.И. Криминалистическая характеристика торговли людьми. *Бизнес в законе*, 2007, № 1, сс. 50-63. [Smirnov G.K., Dvorkin A.I. Forensic Characteristics of Human Trafficking. *Biznes v zakone*, 2007, no. 1, pp. 50-63. (In Russ.)]
10. Буряк М.Ю. *Торговля людьми и борьба с ней: Криминологические и уголовно-правовые аспекты*. Дисс. канд. юр. наук. Владивосток, 2005. 246 с. [Buryak M.Yu. *Trafficking in Human Beings and Combating It: Criminological and Criminal Law Aspects*. Dr. Diss. (in Law). Vladivostok, 2005. 246 p. (In Russ.)]
11. Орлеан А.М. Становление международно-правовой базы противодействия торговле людьми и отдельным видам эксплуатации человека. *Наука. Общество. Государство*, 2014, № 2 (6), сс. 98-109. [Orlean A.M. The Formation of an International Legal Framework for Combating Human Trafficking and Certain Types of Human Exploitation. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 2014, no. 2 (6), pp. 98-109. (In Russ.)]
12. Крылова Н.Е. О понятии объекта преступления. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*, 2013, № 6, сс. 20-33. [Krylova N.E. On the Concept of the Object of a Crime. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo*, 2013, no. 6, pp. 20-33. (In Russ.)]
13. Левченко О.П., отв. ред. *Торговля людьми: выявление, раскрытие, расследование*. Владивосток, Международная организация по миграции, 2009. 103 с. [Levchenko O.P., ed. *Human Trafficking: Identification, Disclosure, Investigation*. Vladivostok, International Organization for Migration, 2009. 103 p. (In Russ.)]
14. Левченко О.П. *Торговля людьми и легализация преступных доходов*. Москва, ЮНИТИ, 2009. 271 с. [Levchenko O.P. *Human Trafficking and Money Laundering*. Moscow, UNITI, 2009. 271 p. (In Russ.)]
15. Kotiswaran P. Beyond Sexual Humanitarianism: A Postcolonial Approach to Anti-Trafficking Law. *UC Irvine Law Review*, 2014, vol. 4, iss.1, pp. 353-406.
16. Jean A. *Slavery in International Law: Of Human Exploitation and Trafficking*. Boston, Martinus Nijhoff Publishers, 2012. 444 p.
17. Gallagher A., David F. *The International Law of Migrant Smuggling*. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 840 p.
18. Jansson D. *Modern Slavery: A Comparative Study of the Definition of Trafficking in Persons*. Boston, Brill Nijhoff, 2015. 380 p.
19. Zheng T. Human Trafficking in China. *Journal of Historical Archaeology & Anthropological Sciences Review Article*, 2018, vol. 3, iss. 2, pp. 187-194. DOI: 10.15406/jhaas.2018.03.00080
20. Сидоров А.С. Демографические последствия конфликта в Южном Судане. *Казанский вестник молодых ученых*, 2020, т. 4, № 1, сс. 77-89. [Sidorov A.S. Demographic Consequences of the Conflict in South Sudan. *Kazanskii vestnik molodykh uchenykh*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 77-89. (In Russ.)]
21. Connell T. *Turkemenistan: One of Worst Human Trafficking Records*. Solidarity Center. 25.06.2019. Available at: <https://www.solidaritycenter.org/turkemenistan-one-of-worst-human-trafficking-records/> (accessed 04.12.2021).

POLITICAL AND LEGAL FEATURES OF THE FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING IN THE CONDITIONS OF POLITICAL POLARIZATION AND HYBRIDIZATION

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2022, no. 1, pp. 100-117)

Received 07.12.2021.

Revised 30.12.2021.

Accepted 05.04.2022.

Elizaveta A. OSKINA (liza-oskina@mail.ru), ORCID: 0000-0002-0446-2662, All-Russian Public and State Organization 'Russian Military-Historical Society', 6-1, Petrovsky line, Moscow 107031, Russian Federation.

The problem of human trafficking is becoming more global every year, today almost all countries of the world are affected in the chain of the country of origin - the country of destination. Third world countries due to a complex of push factors (economic difficulties, social tensions, poverty, internal wars and conflicts, etc.) are increasingly becoming countries of origin for future victims of human trafficking. Migration flows create a gray area that is difficult to regulate by legislation. It is this zone that becomes the target of criminal networks for human trafficking. Developing countries, due to a poorly organized supervisory apparatus, do not track the movement of their citizens as migrants. Developed countries, which often become the end point for further exploitation, do not make all the necessary efforts to identify victims and repatriate them. The whole complex of problems contributes to the prosperity of the human trafficking business. However, in the field of political and legal understanding of this problem, there are a large number of shortcomings. The most significant of them are the weakness of the Palermo Protocol (the most universal and comprehensive regulatory act in the fight against human trafficking), simplified identification of types of human trafficking and artificial politicization of the problem. The purpose of this article is to consider the main shortcomings of the political and legal features of the fight against human trafficking in the context of the struggle of countries for their national interests and changing means and methods of confrontation between states.

Keywords: human trafficking, forced labor, sexual exploitation, victims of human trafficking, country of origin, Palermo Protocol, human trafficker.

About the author:

Elizaveta A. OSKINA, Leading Specialist for Special Projects of the Department of Project Activities of the Executive Directorate.

DOI: 10.20542/afij-2022-1-100-117

